

ИРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИРКУТСКА

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

Вопросы современной лингвистики KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Сдвиги в коммуникативной семантике
медиадискурса

Лингвистические особенности речевого портрета
автора немецкого интеллектуального сайта
(на материале публикаций Уве Брайтенборна)

2024 / № 5

ISSN 2949-5059 (print)

2024 / № 5

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2024 / № 5

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. — д-р филол. наук, доц., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. — канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. — д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Иванов Н. В. — д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. — д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. — д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Красноперова Л. С. — канд. филол. наук, доц., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Левченко М. Н. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. — д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. — д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён — д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. — д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. — д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. — д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. — д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. — д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.linguatmgou.ru.

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. — 2024. — № 5. — 118 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguatmgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

———— Issued 6 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. phil. habil., Prof., University of Potsdam (Germany);

L. S. Krasnoperova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masharov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "Cyber-Leninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.linguamgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2024. – № 5. – 118 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Алимова А. Д.</i> О взаимосвязи между корректной передачей несобственно-прямой речи и адекватным переводом художественного текста	6
<i>Глызина В. Е., Митякина К. В., Пашаева И. В.</i> Прототип и стереотип как механизмы восприятия человеком окружающего мира	18
<i>Гнатюк О. А.</i> Различия в категории рода имён существительных как основа появления интерференции на примере русско-испанского языкового контакта (психолингвистический аспект).	27
<i>Давтян А. Г., Ильина Н. Ю., Чернявская Н. Е.</i> Комплексный анализ аффиксальных и префиксальных производных английских и русских терминов международного гуманитарного права	38
<i>Колар К.</i> Вежливость в общении по электронной почте между преподавателями и студентами – взгляд преподавателя	48
<i>Лукьянова В. С.</i> Возможности применения онтолингвистического подхода в переводе художественного текста	59
<i>Максименко О. И., Ахренова Н. А., Беляков М. В.</i> Сдвиги в коммуникативной семантике медиадискурса	69
<i>Передриенко Т. Ю.</i> Парадигматические отношения в лексико-семантической группе «запах».	81
<i>Юшкова Л. А.</i> Лингвистические особенности речевого портрета автора немецкого интеллектуального сайта (на материале публикаций Уве Брайтенборна)	95

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Кондратьев С. А., Кондратьева А. С.</i> Лингвокультурная специфика частных публикаций в англоязычных печатных СМИ Республики Нигерия	108
---	-----

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

A. Alimova. On the Correlation Between the Correct Translation of Free Indirect Speech and the Adequacy of the Target Literary Text 6

V. Glyzina, K. Mityakina, I. Pashaeva. Prototype and Stereotype as Human Perception Mechanisms of Surrounding World 18

O. Gnatyuk. Differences of the Gender Category of Nouns as the Basis of the Interference on the Example of Russian-Spanish Language Contact (the Psycholinguistic Aspect) 27

A. Davtyan, N. Ilyina, N. Chernyavskaya. Comprehensive Analysis of Affixal and Prefixal Derivatives of English and Russian Terminology of International Humanitarian Law ... 38

K. Kolar. Politeness in University Student – Teacher Email Communication: a Croatian Teachers' Perspective 48

V. Lukyanova. The Applications of the Speech Development Approach in the Translation of a Literary Text 59

O. Maksimenko, N. Akhrenova, M. Belyakov. Shifts in Communicative Semantics in the Media Discourse 69

T. Peredrienko. Paradigmatic Relations in the Lexical-Semantic Group “Smell”. 81

L. Yushkova. Linguistic Features of a Speech Portrait of the Author of a German Intellectual Site (Based on Articles by Uwe Breitenborn). 105

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

S. Kondratev, A. Kondrateva. Private Publications in Nigerian Newspapers: Linguistic and Cultural Characteristics. 95

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81`25

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-6-17

О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ КОРРЕКТНОЙ ПЕРЕДАЧЕЙ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ И АДЕКВАТНЫМ ПЕРЕВОДОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Алимова А. Д.

Московский государственный лингвистический университет, 119034, г. Москва,

ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

e-mail: alimovaad@gmail.com

Поступила в редакцию 09.04.2024

После доработки 02.05.2024

Принята к публикации 24.05.2024

Аннотация

Цель. Установить взаимосвязь между корректной передачей несобственно-прямой речи и адекватностью текста перевода.

Процедура и методы. Основными методами исследования стали сопоставительный анализ текста оригинала и текста перевода, а также количественный анализ отдельных структур несобственно-прямой речи. В качестве материала исследования были выбраны произведения русской, британской и американской литературы, написанные в XX веке, и их переводы на русский и английский языки соответственно.

Результаты. Было установлено, что между корректной передачей несобственно-прямой речи и адекватностью текста перевода существует взаимосвязь. В результате некорректного выбора способа передачи несобственно-прямой речи или отказа от её передачи текст перевода теряет текстовую интерференцию и экспрессивность, что может привести как к стилистической стандартизации, так и к искажению смысла текста.

Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что полученные результаты можно использовать в работе переводчиков художественной литературы, а также при обучении переводу.

Ключевые слова: адекватность, закономерное соответствие, несобственно-прямая речь, перевод, переводоведение

Для цитирования:

Алимова А. Д. О взаимосвязи между корректной передачей несобственно-прямой речи и адекватным переводом художественного текста // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-6-17>

Original research article

ON THE CORRELATION BETWEEN THE CORRECT TRANSLATION OF FREE INDIRECT SPEECH AND THE ADEQUACY OF THE TARGET LITERARY TEXT

A. Alimova

*Moscow State Linguistic University, ulitsa Ostozhenka 38 build. 1, Moscow 119034,
Russian Federation
e-mail: alimovaad@gmail.com*

Received by the editorial office 09.04.2024

Revised by the author 02.05.2024

Accepted for publication 24.05.2024

Abstract

Aim. To establish the correlation between the correct translation of free indirect speech and the adequacy of the target literary text.

Methodology. The main methods include the comparative analysis of the source text and the target text, and the quantitative analysis of free indirect speech patterns. Data for this study have been collected from Russian, British and American 20th-century novels, and their translations into English and Russian respectively.

Results. The findings suggest that there is a correlation between the correct translation of free indirect speech and the adequacy of the target literary text. The study shows that using incorrect free indirect speech patterns in translation or no free indirect speech at all where it should be makes the target text either less expressive or less ambiguous due to the lack of textual interference, which can lead to both stylistic standardization and misinterpretation of the target text.

Research implications. The results can be applied both by fiction translators and students learning to detect free indirect speech in literary texts and translate it correctly.

Keywords: adequacy, correlation of patterns, free indirect discourse, free indirect speech, translation, translation studies

For citation:

Alimova, A. D. (2024). On the correlation between the correct translation of free indirect speech and the adequacy of the target literary text. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-6-17>

Введение

Несобственно-прямая речь (НПР) – достаточно широко распространённый в современной литературе художественный приём. Выполняя множество совершенно различных функций, НПР в целом отличается довольно сложным языковым построением, основанным на взаимодействии текста автора и текста персонажа, или, в терминологии В. Шмида, «текстовой интерференции» [1]. Соответственно, подобное построение представляет трудность для переводчиков, которым

необходимо не только распознать данный художественный приём в тексте, но и передать его средствами переводящего языка (ПЯ). При этом отказ от передачи НПР может отрицательно сказаться на адекватности всего текста перевода.

Целью данного исследования стало установление связи между корректной передачей НПР и адекватностью текста перевода. Для достижения этой цели необходимо было решить ряд задач. Во-первых, описать основные трудности, связанные с передачей НПР в языковой паре

«английский – русский». Во-вторых, проанализировать наиболее частые ошибки, возникающие при передаче НПП в переводе в языковой паре «английский – русский». В-третьих, определить, в какой степени данные ошибки влияют на качество перевода. Методы исследования включают в себя сопоставительный анализ текста оригинала и текста перевода, а также количественный анализ отдельных структур несобственно-прямой речи. В качестве материала исследования были отобраны по 30 произведений русской, британской и американской литературы XX века и их переводы на английский и русский языки соответственно. В каждом произведении для анализа был взят отрывок объёмом примерно 55 000 печатных знаков с пробелами. Такой подход, на наш взгляд, позволяет охватить большее число писателей, а значит, и большую вариативность моделей НПП, а также проанализировать подходы к передаче НПП, которых придерживались различные переводчики.

Далее мы рассмотрим причины возникновения у переводчиков трудностей, а также проанализируем конкретные решения, отрицательно повлиявшие на качество перевода.

Трудности при передаче НПП

Трудности, с которыми переводчики сталкиваются при передаче НПП, делятся на две основные группы: трудности, связанные с распознаванием художественного приёма в тексте оригинала, и трудности, связанные непосредственно с передачей НПП при переводе.

Распознать НПП может быть непросто по ряду причин. Во-первых, у НПП могут отсутствовать вводящие конструкции – языковые структуры, указывающие на то, что передаётся точка зрения персонажа. Согласно результатам проведённого нами количественного анализа на материале русской и англоязычной литературы XX века, вводящие конструкции отсутствуют примерно в половине всех случаев использования НПП (см. рис. 1).

Отсутствие вводящей конструкции в НПП можно наблюдать в следующем отрывке из романа М. Каннингема *“Flesh and Blood”*, в котором нет прямых указаний на то, что в двух вопросительных предложениях, представляющих собой НПП, передаются мысли героя.

(1) *Constantine's ears had filled with an echoing, oceanic sound. Was this the moment? Was she going to tell him it would be better if they didn't see each other for a while?* (M. Cunningham *“Flesh and Blood”*)¹

Во-вторых, НПП может быть немаркированной. Как было сказано выше, НПП является результатом интерференции текста автора и текста персонажа, следовательно содержит характерные черты текста автора и текста персонажа, которые мы будем называть маркерами. На фоне повествовательного текста НПП выделяется именно благодаря маркерам текста персонажа – языковым единицам различных уровней, отождествляемым с речью героя. В случае их отсутствия НПП никак формально не выделяется на фоне текста автора, такой случай языковой реализации НПП мы будем называть немаркированной НПП. Если в тексте встречается именно такая разновидность НПП, на её присутствие может указывать либо вводящая конструкция, либо общий контекст. Следует отметить, что немаркированная НПП встречается нечасто: таковыми являются 11% всех случаев использования НПП в англоязычной литературе и 7% – в русской. Рассмотрим пример немаркированной НПП без вводящей конструкции.

(2) *He picked her up and buried his face in her belly, pretending to bite her. The little body smelled of bed warmth and milk.* (I. McEwan *“Child in Time”*)²

В данном отрывке к НПП можно отнести последнее предложение: оно не имеет ни вводящей конструкции, ни маркеров

¹ Cunningham M. *Flesh and Blood*. New York: Picador, 2007. P. 9.

² McEwan I. *Child in Time*. New York: Anchor Books, 1999. P. 9.

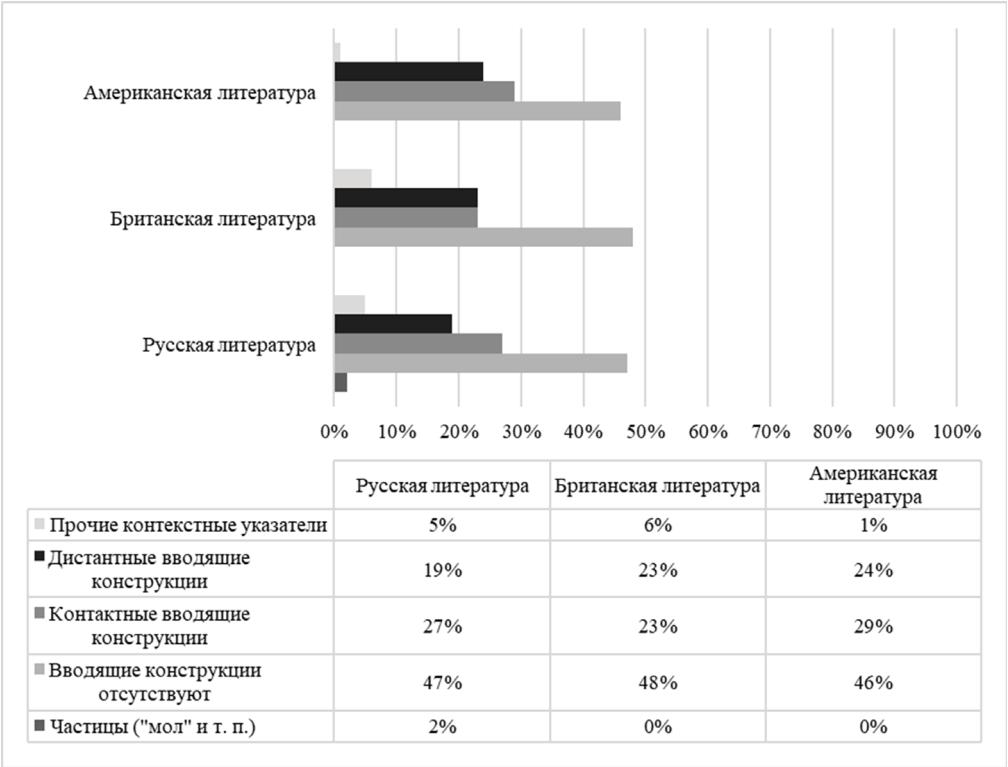

Рис. 1 / Fig. 1. Количественные характеристики способов ввода НПР (%) / Quantity of different ways of introducing free indirect speech (%)

Источник: составлено автором

текста персонажа, но по контексту становится понятно, что в этом предложении содержится восприятие героем своей дочери – маленького ребёнка, который утром, по мнению персонажа, пахнет молоком.

В-третьих, в НПР нет таких характерных черт, которые были бы свойственны только ей, в результате чего распознавание художественного приёма строится в большей степени на установлении отличий от прочих разновидностей чужой речи: прямой и косвенной речи, внутреннего монолога и т. д. [2; 3]. Так, НПР, в отличие от прямой речи, лишена кавычек; не может строиться в виде сложноподчинённого предложения с придаточным изъяснительным, что характерно для косвенной речи; в повествовательных текстах, написанных от 3-го лица, не предполагает использования местоиме-

ния «я» для обозначения персонажа, чьи мысли передаёт, что отличает её от внутреннего монолога и т. д.

Что касается трудностей, связанных с передачей НПР, то одна из основных сложностей заключается в том, что переводчику при передаче НПР средствами ПЯ необходимо сохранить степень текстовой интерференции. Помимо этого, следует учитывать частотность использования соответствующих структур в ПЯ, а также разграничивать общезыковое и индивидуально-авторское [4].

Влияние способа передачи НПР на адекватность перевода

Оценка качества передачи НПР, разумеется, сопряжена с оценкой адекватности перевода вообще. Говоря об адекватности перевода, мы будем понимать её в

соответствии со взглядами А. Д. Швейцера, который писал, что «адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» [5, с. 95]. Конечно же, переводчик художественной литературы имеет дело с переводом как результатом, но, как пишет Д. М. Бузаджи, размышляя об определении понятия «перевод», перевод-процесс подразумевает процесс, направленный на получение перевода-текста и наоборот [6]. Опираясь на данное утверждение, мы можем заключить, что адекватный перевод, будучи результатом процесса перевода, отвечающего коммуникативным условиям, сам им тоже отвечает.

При этом замысел автора в тексте раскрывается постепенно, благодаря следованию друг за другом семантических блоков, отличающихся целостностью и самостоятельностью [7]. Рассмотрение подобных компактных смысловых блоков позволяет изучать их вклад в процесс формирования идейно-эстетического замысла автора и его отражения в переводах [7]. Исходя из этого утверждения, считаем возможным рассмотреть влияние способа передачи НПР как отдельного смыслового блока на адекватность текста перевода вообще.

НПР может выполнять в тексте широкий спектр функций [8; 9; 10], которые, на наш взгляд, можно разделить на сюжетоформирующие и стилистические. К первой группе функций относится передача произнесённой речи, представление содержания мыслей, репрезентация чувств и передача восприятия ситуации. Вторая группа охватывает функции НПР, позволяющие автору решать стилистические задачи. Так, к стилистическим функциям относится создание эффекта неопределённости (завуалированности), внесение в текст повествования «живой речи», ирония, архаизация, литературная стилизация и т. д.

Исходя из этого, если переводчик некорректно передаёт структуры НПР или

вообще отказывается от их передачи без компенсации, текст перевода может потерять либо с содержательной стороны (например, мысли персонажа перейдут в авторский текст), либо со стилистической (произождёт стандартизация). Под стандартизацией мы, вслед за В. К. Ланчиковым, понимаем передачу «авторского приема общезыковыми средствами», в результате чего теряется индивидуальность текста, а «голоса автора и героев звучат с одной безличной интонацией» [11, с. 15]. При этом если некорректная передача НПР носит системный характер, то можно говорить и о неправильно выбранной стратегии перевода [12].

Рассмотрим примеры.

(3) “How peculiar,” Draeger mutters, trying to keep any sound of alarm from his voice. Never show alarm, he always maintained (K. Kesey “Sometimes a Great Notion”)¹.

– Странно, – бормочет Дрэгер, стараясь ничем не выдать своего беспокойства. Он считает, что волнение всегда надо скрывать (К. Кизи «Порою нестерпимо хочется...», пер. М. Ланиной)².

В данном отрывке НПР представлена предложением *Never show alarm, he always maintained*. В оригинале текстовая интерференция достигается, в частности, благодаря использованию повелительного наклонения – маркера текста персонажа: подобные конструкции более типичны для текста персонажа и, соответственно, выделяются на фоне чисто авторского повествовательного текста. Кроме того, в данном отрезке текста, содержащем НПР, вводящая конструкция располагается постпозиционно: лишь после прочтения непосредственной НПР и перехода к вводящей конструкции становится полностью понятно, что в первой части предложения представлена позиция персонажа.

¹ Kesey K. *Sometimes a Great Notion*. London: Penguin Classics, 2006. P. 7.

² Кизи К. *Порою нестерпимо хочется...* / пер. с англ. М. Ланиной. СПб.: Лениздат, 1993. С. 7.

В переводе же НПП преобразована в косвенную речь. С одной стороны, несмотря на использование другой разновидности чужой речи, в переводе сохраняется передача точки зрения героя. С другой стороны, данный отрывок теряет текстовую интерференцию и, соответственно, завуалированность. Перевод, по сравнению с оригиналом, становится менее экспрессивным: исчезает и повелительное наклонение, и неожиданный переход от прямой передачи речи персонажа к её более завуалированному варианту. В тексте перевода переход становится более плавным и опосредованным в результате указания на автора высказывания в главной части сложноподчинённого предложения, с помощью которого строится косвенная речь. Таким образом, в данном случае в переводе происходит стандартизация, и перевод значительно уступает оригиналу с точки зрения стилистики.

В то же время переводчики, решающие не передавать при переводе НПП, не всегда заменяют её структурами косвенной речи, иногда выбор падает и на прямую речь.

(4) Он решительно надел картуз, взял стек, быстро прошел, звеня шпорами, по пустому коридору, сбежал по крутой лестнице на подъезд... Да, но куда идти? (И. А. Бунин «Солнечный удар»)¹

He put his hat on decisively, picked up his riding crop, and quickly passed through the empty corridor, his spurs chinking. "But where am I going?" he wondered as he bolted down the steep wooden stairs (I. Bunin "Sunstroke", trans. by G. Hettlinger)².

Так, в приведённом отрывке из рассказа И. А. Бунина «Солнечный удар» НПП представлена последним вопроси-

тельным предложением с частицей «да», не имеющим вводящих конструкций. Помимо обозначенных маркеров, на то, что данный отрывок является НПП, указывает и предшествующее многоточие, свидетельствующее о паузации [13]: герой спустился по лестнице, но вдруг осознал, что не имеет ни малейшего представления о дальнейших действиях. В переводе же НПП передана в виде прямой речи. В результате такого решения авторство вопроса становится очевидным: появляется указание на персонажа *he wondered* и кавычки. Задумчивость героя, а также почти что риторический характер вопроса исчезают.

Ещё одним примером неудачной передачи НПП может служить отрывок из романа К. Кизи "Sometimes a Great Notion". Однако в данном случае неудачное решение переводчика приводит не только к стилистической стандартизации, но и к затруднениям в понимании смысла отрывка.

(5) The rain hums against the roof overhead. Draeger pushes the book away, then pulls it back. *Rubbish; she doesn't* – He tries to situate himself more comfortably in the wooden chair, hoping to overcome the unruly feeling of disorientation that has been building ever since he twisted that focus knob. "Nonsense." *But that's the trouble, that is the trouble...* "This is senseless." He pushes the book away again. *It is nonsense.* (K. Kesey "Sometimes a Great Notion")³

Наверху по крыше шумит дождь. Дрэгер отталкивает альбом, потом снова подвигает его к себе. «Чушь, она не может...» Он пытается поудобнее устроиться на деревянном стуле в надежде, что ему удастся победить это странное ощущение собственной потерянности, которое овладело им в тот момент, когда он навел фокус бинокля. «Чушь». *Но это действительно неприятность, и большая неприятность. «Это бессмысленно».* Он снова

¹ Бунин И. А. Солнечный удар // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 5. С. 241.

² Bunin I. Sunstroke / trans. by G. Hettlinger // Sunstroke: Selected Stories of Ivan Bunin. Chicago: Ivan D. Ree, 2002. P. 8.

³ Kesey K. Sometimes a Great Notion. London: Penguin Classics, 2006. P. 13.

отодвигает от себя альбом. «Это – ерунда» (К. Кизи «Порою нестерпимо хочется...», пер. М. Ланиной)¹.

В данном отрывке присутствуют сразу две разновидности чужой речи: прямая речь и НПР. При этом, если прямая речь, как и бывает обычно, выделяется пунктуационно, двоеточием, и служит для передачи в данном случае произнесённой речи, то НПР выполняет функцию представления содержания мыслей персонажа, на основе чего возникает контраст между тем, что герой подумал и что сказал. НПР не имеет вводных конструкций, однако во всех трёх случаях выделена курсивом. Кроме того, на представление мыслей героя указывает также присутствие сокращений (*doesn't, that's*), экспрессивных оценочных лексем (*rubbish, nonsense*), повтор и незаконченность мысли. Переводчик же передаёт НПР непоследовательно: первый случай использования НПР преобразован в прямую речь с сохранением курсивного выделения, второй – остаётся в виде НПР и также выделен с помощью курсива, третий же – снова преобразован в прямую речь, но без курсивного выделения. Таким образом, из трёх случаев использования НПР в переводе сохраняется только один, который в целом уступает оригинальной НПР по степени экспрессивности: из маркеров текста персонажа сохранены только оценочная лексема и повтор. Однако, помимо стилистической стандартизации, передача структур НПР подобным образом приводит и к затруднениям в восприятии текста читателем: в переводе совершенно непонятно, где прозвучавшая речь, а где представлены мысли героя. При этом, если в первом случае переводчик хотя бы сохранил курсивное выделение (хотя это в целом избыточно, учитывая, что оба средства выделения выполняют цитатную функцию [14]), то последний совершенно не отличается от

передачи в отрывке произнесённой речи. Всё это отрицательно сказывается на адекватности текста перевода.

Кроме того, отказ от передачи НПР не всегда сводится к использованию вместо неё прямой или косвенной речи. Иногда переводчик устраняет вообще указание (например, в виде главного предложения в косвенной речи) на передачу речи или мыслей персонажа и отказывается от воссоздания в переводе текстовой интерференции, из-за чего оценочное суждение или любая другая фраза героя превращается в констатацию факта «всезнающим» автором.

(6) Побурел спирт от крови, отвратным на вид сделался. Затосковали парни, ждут: чего дальше будет? (В. П. Астафьев «Царь-рыба»)².

The spirit had turned dark red from the blood and looked revolting. The two lads had come over all quiet waiting to see what would happen next (V. Astafiev "Queen Fish: A Story in Two Parts and Twelve Episodes", trans. by K. Judelson)³.

В приведённом выше примере НПР в тексте оригинала передаёт восприятие героями происходящего: молодые люди ожидают развития событий. НПР представлена частью сложного предложения в виде пояснения к глаголу «ждать» и вводится после двоеточия. Маркерами текста персонажа выступает использование «чего» вместо нормативного «что», а также вопросительное предложение. В результате НПР приобретает разговорность, что чётко характеризует особенности восприятия обычных «парней». В тексте перевода же весь отрывок перенесён в план авторской речи в виде придаточной части сложноподчинённого пред-

¹ Кизи К. Порою нестерпимо хочется... / пер. с англ. М. Ланиной. СПб.: Лениздат, 1993. С. 14.

² Астафьев В. П. Царь-рыба // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мол. гвардия, 1981. Т. 4. С. 27.

³ Astafiev V. Queen Fish: A Story in Two Parts and Twelve Episodes / trans. by K. Judelson. M.: Progress Publishers, 1982. P. 44.

ложения, следующей после *to see what*, и не содержит каких бы то ни было разгворных маркеров.

Если в приведённом выше примере потеря в большей степени стилистическая, то в ряде случаев отказ от воссоздания в переводе текстовой интерференции может повлечь за собой и искажение смысла.

(7) Glover was keen on golf. In order to keep himself in condition for the game on board ship he had a weighted club, its head on a spring, which he swung, he said, a hundred times morning and evening (E. Waugh "The Ordeal of Gilbert Pinfold")¹.

Главер был помешан на гольфе. Дабы сохранить на корабле спортивную форму, он взял с собой нагруженную клюшку с пружиной в рукоятке и утром и вечером делал по сто махов (И. Во «Испытание Гилберта Пинфолда», пер. В. Харитоновой)².

В приведённом выше примере из романа И. Во НПР представлена вторым предложением и имеет включённую вводящую конструкцию *he said*. Помимо завуалированности, достигаемой за счёт расположения вводящей конструкции – читатель понимает, что передаётся речь персонажа, лишь в середине предложения, – важность использования НПР заключается в том, что она указывает на произнесённую речь персонажа: рассказчик не знает наверняка, делает ли Гловер по сто махов, он лишь передаёт читателю услышанное от самого героя. В переводе же из-за потери НПР складывается впечатление, что выполнение героем указанного упражнения – объективный факт, о котором читателю рассказывает автор.

При этом следует отметить, что в проанализированном материале НПР была передана иными средствами в 15% случаев, однако отказ от передачи НПР

не всегда ведёт к стилистическим потерям. Пример подобного решения, не повлиявшего на общую адекватность текста перевода, можно обнаружить в переводе романа Дж. Ирвинга "The World According to Garp", выполненном М. Литвиновой и Е. Комиссаровым.

(8) "And the father? What was he like?" A bum, many thought. A swine, a lout, a liar—a no-good run-out fuck-around of a man! But he's dead! sobbed a few.

"Then you're better off, aren't you?" Jenny asked (J. Irving "The World According to Garp")³.

– Ну а отец? Что он собой представлял?

– Бездельник, каких мало – отвечали почти все.

– Обманщик, грубиян, никуда не годный, мерзкий, пропащий тип. Но ведь его больше нет! – всхлипывали иные.

– Видите, как вам повезло, – подытоживала Дженни (Дж. Ирвинг «Мир от Гарпа», пер. М. Литвиновой, Е. Комиссарова)⁴.

В данном отрывке героиня Дженни убеждает молодых матерей в том, что отсутствие мужа в их жизни, будь то потому, что он погиб на войне или их просто бросил, – это вовсе не плохо. При этом речь Дженни представлена в виде прямой речи, а речь отвечающих на её воззвания матерей – в виде НПР, причём двух (обе следуют за первой репликой Дженни), вводимых в текст произведения посредством постпозиционных вводящих конструкций (*many thought, sobbed a few*). Переводчики же включили обе НПР в диалог, сделав их двумя отдельными репликами. Такое решение представляется вполне удачным, поскольку данные НПР характеризуются низкой степенью текстовой интерференции, а также содержат большое количество маркеров текста

¹ Waugh E. The Ordeal of Gilbert Pinfold. London: Penguin Classics, 2006. P. 37.

² Во И. Испытание Гилберта Пинфолда / пер. с англ. В. Харитоновой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1992. С. 25.

³ Irving J. The World According to Garp. New York: Ballantine Books, 1990. P. 13.

⁴ Ирвинг Дж. Мир от Гарпа / пер. с англ. М. Литвиновой, Е. Комиссарова. М.: Новости, 1992. С. 10–11.

персонажа, характеризующихся разговорностью: эмоциональная и экспрессивная лексика (*bum, swine, no-good run-out fuck-around of a man*), сокращённая форма глагола. Кроме того, вторая НПР отличается нетипичной пунктуацией: восклицательный знак расположен до вводящей конструкции, которая начинается со строчной буквы. В переводе же вся экспрессивность и эмоциональность НПР сохранена, а сокращённая грамматическая форма компенсирована усилительной частицей «ведь». При этом нельзя сказать, что отказ от передачи НПР в данном месте произошёл без компенсации: в целом в тексте перевода содержится даже больше случаев использования НПР, чем в оригинале (частотность использования НПР составляет 0,9 на страницу перевода по сравнению с 0,77 в тексте оригинала).

Следует также отметить, что в целом в случае отказа от передачи НПР решение заменить НПР на прямую речь представляется стилистически более удачным, нежели на косвенную. Это связано с тем, что модели прямой речи более свободны, поскольку имитируют разговорную речь, в то время как косвенная речь помещена в рамки сложноподчинённого предложения и не предполагает существенных отклонений в структуре (даже при построении свободной косвенной речи).

На общую адекватность текста перевода влияет также выбор моделей построения НПР. Так, использование переводчиком нетипичных для ПЯ моделей НПР затрудняет восприятие художественного приёма читателем и даже может привести к потере художественного приёма в тексте перевода. Это касается выбора как вводящей конструкции, так и средств создания текстовой интерференции.

(9) Wilt tried to control his temper and for once found it impossible. There was something incredibly arrogant about Printers Three. (T. Sharpe "Wilt")¹

Уилт хотел сдержаться, но не смог справиться с собой. Этот класс наборщиков был невероятно нагл и самонадеян (Т. Шарп «Уилт», пер. Т. Матц)².

Так, в приведённом выше примере НПР, представляющая собой последнее простое предложение, выполняет функцию передачи мыслей героя – оценки наборщиков. Художественный приём не имеет вводящих конструкций, распознать его возможно лишь благодаря наличию маркеров текста персонажа: экспрессивного наречия *incredibly*, усиливающего оценку *arrogant*, а также конструкции с неопределённым местоимением *something*, показывающей, что герой затрудняется с оценкой, не может определиться, почему наборщики кажутся ему неприятными. В переводе также использована оценочная лексика и усилительное наречие «невероятно», однако из-за выбора переводчиком прошедшего времени («был») последнее предложение, в оригинале представляющее собой НПР, в переводе таким не воспринимается, а скорее относится к авторскому повествованию. Это связано с тем, что в НПР в русском языке в подобных случаях используется настоящее время как способ описания субъективной временной ситуации, которую проживает персонаж [15; 16].

В следующем же примере из романа Дж. Джойса использование в НПР (второе предложение) нетипичного для русского языка указательного местоимения «это» в качестве формального подлежащего не приводит к потере художественного приёма, однако подобный буквализм затрудняет восприятие текста: для русского языка в таком случае более типично построение безличных предложений [17], которые в целом достаточно часто используются в русской НПР.

¹ Sharpe T. Wilt. London: Pan Books, 1978. P. 23.

² Шарп Т. Уилт / пер. с англ. Т. Матц. М.: Эксмо, 2010. С. 34.

(10) It was Wells who had shouldered him into the square ditch the day before because he would not swop his little snuff box for Wells's seasoned hacking chestnut, the conqueror of forty. It was a mean thing to do; all the fellows said it was (J. Joyce "A Portrait of the Artist as a Young Man")¹.

Это ведь Уэллс его столкнул накануне в жолоб в уборной за то, что он не стал меняться своей табакерочкой на его битку, на сорокаразовый каштан-чемпион. Это подло было так делать, все мальчики так сказали (Дж. Джойс «Портрет художника в юности», пер. С. Хоружего)².

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что НПР, выполняя множество разнообразных функций, играет важную роль в построении произведения, причём как с содержательной, так и со стилистической стороны. Поэтому отказ от передачи художественного приёма или выбор неудачного варианта его передачи может сказаться на общей адекватности текста перевода. При этом некорректная передача НПР может привести как к смысловым неточностям или даже искажениям, так и к стилистической стандартизации.

Основные ошибки при передаче НПР связаны, во-первых, с неспособностью переводчика распознать художественный приём, а во-вторых, с некорректным выбором способа передачи. Так, неправильные переводческие решения чаще всего приводят к потере текстовой интерференции, в результате чего отрывок текста полностью переходит в авторское повествование или превращается в прямую речь героя, а точка зрения персонажа либо вообще исчезает, либо становится выражена излишне прямолинейно. При этом в случае выбора для передачи НПР других разновидностей чужой речи модели прямой речи представляются более удачными, поскольку позволяют сохранить разговорность и экспрессивность НПР.

Исходя из этого, можно заключить, что НПР требует особого внимания при переводе художественного произведения, а решения, связанные с отказом от передачи художественного приёма, должны сопровождаться компенсацией.

Полученные выводы могут использоваться как при обучении художественному переводу, так и непосредственно при переводе художественной литературы в языковой паре «английский – русский».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
2. McHale B. Speech Representation (2011) [Электронный ресурс] // The living handbook of narratology : [сайт]. URL: http://lhn.sub.uni-hamburg.de/index.php/Speech_Representation.html (дата обращения: 03.04.2024). DOI: 10.1515/9783110217445.434.
3. Rundquist E. Free Indirect Style in Modernism: Representations of Consciousness. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. 197 p. DOI: 10.1075/lal.29.
4. Псурцев Д. В. Частотно-типологическая модель перевода // Мосты. Журнал переводчиков. 2019. № 2 (62). С. 46–60.
5. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
6. Бузаджи Д. М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты. Журнал переводчиков. 2011. № 2 (30). С. 44–55.
7. Симашко Т. В., Чалова Л. В. Структурирование художественного текста как основа для исследования его переводов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 110–123. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-110-123.
8. Акимова Э. Н., Короткова А. А. Реализация функций несобственно-прямой речи в зависимости от контекста (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы

¹ Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man. London: Penguin Classics, 2003. P. 11.

² Джойс Дж. Портрет художника в юности / пер. С. Хоружего. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 13–14.

- Международной научно-практической конференции (Москва, 22–24 мая 2019 года) / гл. ред. М. Н. Русецкая. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 25–30.
9. Загрядская Н. А. Функции несобственно-прямой речи в художественной литературе США начала XX века // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 405–407. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00158.
 10. Харлова Н. М. Несобственно-прямая речь в рассказах И. А. Бунина // Учёные записки Шадринского государственного педагогического университета (сетевой журнал). 2024. № 1 (3). С. 97–105. URL: <https://uzshspu.ru/journal/article/view/165> (дата обращения: 03.04.2024).
 11. Ланчиков В. К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов и ее преодоление // Ланчиков В. К. Огранка смысла: очерки теории перевода (художественная литература и публицистика). М.: Р. Валент, 2018. С. 5–36.
 12. Руденко Е. С., Темирганова З. Б., Исаева Р. И. От переводческой ошибки к переводческой стратегии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 129–142. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-129-142.
 13. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка: учеб. для вузов по спец. «Журналистика»; 5-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 399 с.
 14. Ланчиков В. К. Курсив без права передачи. О курсивном выделении в переводах художественной литературы // Мосты. Журнал переводчиков. 2020. № 1 (65). С. 32–42.
 15. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Т. 2 / сост., пер., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
 16. Ригато С. Несобственно-прямая речь и её формы во второй части романа Ю. К. Олеши «Зависть» // Slavica tergestina. 1998. № 6. С. 163–196.
 17. Туринова О. О. Личные и притяжательные местоимения в русских переводных текстах англоязычной прозы: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. 259 с.

REFERENCES

1. Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
2. McHale, B. (2011). Speech Representation. In: *The living handbook of narratology*. URL: http://lhn.sub.uni-hamburg.de/index.php/Speech_Representation.html (accessed: 03.04.2024). DOI: 10.1515/9783110217445.434.
3. Rundquist, E. (2017). *Free Indirect Style in Modernism: Representations of Consciousness*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/lal.29.
4. Psurtsev, D. V. (2019). Frequency-typological model of translation. In: *Bridges. Journal of translators*, 2 (62), 46–60 (in Russ.).
5. Schweitzer, A. D. (1988). *Translation Theory: Status, Problems, Aspects*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
6. Buzadzhi, D. M. (2011). On the Definition of the Concept of “Translation”. In: *Bridges. Journal of translators*, 2 (30), 44–55 (in Russ.).
7. Simashko, T. V. & Chalova, L. V. (2022). Structuring of a literary text as a basis for the investigation of its translations. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 110–123. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-110-123 (in Russ.).
8. Akimova, E. N. & Korotkova, A. A. (2019). Realization of functions of non-proper direct speech depending on context (on the material of M. Bulgakov's novel “The master and Margarita”). In: *Slavic culture: origins, traditions, interaction. XX Cyril and Methodius Readings: materials of the International scientific and practical conference (Moscow, May 22-24, 2019)*. Moscow: State Institute of Russian Language named after A. S. Pushkin publ., pp. 25–30 (in Russ.).
9. Zagryadskaya, N. A. (2019). Free indirect discourse in early 20th century American literature. In: *The world of science, culture and education*, 5 (78), 405–407. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00158 (in Russ.).
10. Kharlova, N. M. (2024). Improper-direct speech in the stories of I. A. Bunin. In: *Scientific Notes of Shadrinsk State Pedagogical University (online journal)*, 1 (3), 97–105. URL: <https://uzshspu.ru/journal/article/view/165> (accessed: 03.04.2024) (in Russ.).
11. Lanchikov, V. K. (2018). Topography of Search. Standardization in the Language of Literary Translations and How to Overcome It. In: Lanchikov, V. K. *Faceting Meaning: Essays on Translation Theory (Fiction and Journalism)*. Moscow: R. Valent publ., pp. 5–36 (in Russ.).

12. Rudenko, E. S., Temirhanova, Z. B. & Isaeva, R. I. (2021). From translation error to translation strategy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 129–142. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-129-142 (in Russ.).
13. Rosenthal, D. E. (1987). *Practical Stylistics of the Russian Language*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
14. Lanchikov, V. K. (2020). Italics without the right to transfer. On italic highlighting in translations of fiction. In: *Bridges. Journal of Translators*, 1 (65), 32–42 (in Russ.).
15. Kartsevskiy, S. I. (2004). *From the linguistic heritage. Vol. 2*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
16. Rigato, S. (1998). Indirect Speech and Its Forms in the Second Part of Yu. K. Olesha's Novel "Envy". In: *Slavica tergestina*, 6, 163–196 (in Russ.).
17. Turinova, O. O. (2018). *Personal and possessive pronouns in Russian translated texts of English prose* [dissertation]. Moscow (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алимова Анастасия Дмитриевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета;

ORCID: 0009-0004-2447-2173; e-mail: alimovaad@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia D. Alimova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Translation Studies and English Translation, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;

ORCID: 0009-0004-2447-2173; e-mail: alimovaad@gmail.com

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-18-26

ПРОТОТИП И СТЕРЕОТИП КАК МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Глызина В. Е.¹, Митякина К. В.², Пашаева И. В.³

¹ Байкальский государственный университет, 664003, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Новороссийский филиал), 353907, Краснодарский край, г. Новороссийск, ул. Видова, д. 56, Российская Федерация

³ Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: vecotd@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.07.2024

После доработки 25.09.2024

Принята к публикации 28.10.2024

Аннотация

Цель. Анализ проблемы соотношения понятий стереотипа и прототипа, используемых при исследовании процесса категоризации человеком предметов окружающего мира.

Процедура и методы. В процессе работы использованы компонентный и сопоставительный методы лингвистического анализа, а также ключевой метод научного познания – интерпретативный, предполагающий наблюдение, сравнение и обобщение, служащий для выявления социокультурных, бытовых, политических и других национальных особенностей, под действием которых формируются определённые стереотипы и прототипы. В ходе исследования авторами применялся также метод аксиологического анализа (способ этносемиометрии), используемый для выведения значимых смыслов текста и позволяющий определить в своей целостности некоторое представление о наполнении его содержания ценностным отношением автора. Процедура исследования состояла в следующем: была проанализирована теоретическая база исследуемой проблематики и выбраны некоторые примеры прототипов из повседневной жизни людей разных наций и стереотипов из текстов немецких СМИ для компонентного и сопоставительного анализа.

Результаты. В ходе исследования определено, что стереотип и прототип относятся к разным видам человеческого опыта, хотя и имеют много общего и служат принципам его категоризации. Проанализированы примеры иноязычных прототипов и стереотипов, указывающие на их существенное различие при восприятии человеком образов окружающего мира.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в определённом вкладе в научную проблематику категоризации и концептуализации человеческого опыта. Фиксация информации в языковых формах, в нашем случае – в стереотипах и прототипах, является одним из основных вопросов когнитивной лингвистики, поэтому представленное исследование имеет значимость для этой науки.

Ключевые слова: категория, прототип, прототипичность, средства массовой информации, стереотип

Для цитирования:

Глызина В. Е., Митякина К. В., Пашаева И. В. Прототип и стереотип как механизмы восприятия человеком окружающего мира // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 18–26. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-18-26>

Original research article

PROTOTYPE AND STEREOTYPE AS HUMAN PERCEPTION MECHANISMS OF SURROUNDING WORLD

V. Glyzina¹, K. Mityakina², I. Pashaeva³

¹ Baikal State University, ulitsa Lenina 11, Irkutsk 664003, Irkutsk region, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Novorossiysk branch, ulitsa Vidova 56, Novorossiysk 353907, Krasnodar region, Russian Federation

³ Irkutsk National Research Technical University, ulitsa Lermontova 83, Irkutsk 664074, Irkutsk region, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: vecotd@yandex.ru

Received by the editorial office 11.07.2024

Revised by the author 25.09.2024

Accepted for publication 28.10.2024

Abstract

Aim. To analyze the problem of the relationship between the concepts of stereotype and prototype used in the study of the process of categorization the objects in the world around by a person.

Methodology. In the course of work, the component and comparative methods of linguistic analysis were used, as well as the key method of scientific cognition – interpretative, involving observation, comparison and generalization, serving to identify social-cultural, everyday, political and other national characteristics, under the influence of which certain stereotypes and prototypes are formed. In the course of the study, the authors also used the method of axiological analysis (the method of ethnosemiometry) to derive significant meanings of the text and determine in its entirety some idea of filling its content with the value attitude of the author. The research procedure was as follows: the theoretical basis of the studied issues was analyzed and some examples of prototypes from the daily lives of people of different nations and stereotypes from the texts of the German media were selected for component and comparative analysis.

Results. The study determined that stereotype and prototype refer to different types of human experience, although they have much in common and serve the principles of its categorization. Examples of foreign language prototypes and stereotypes are analyzed, indicating their significant difference in a person's perception of images of the world around.

Research implications. The study makes a certain contribution to the scientific problems of categorization and conceptualization of human experience. Recording information in linguistic forms, in our case – in stereotypes and prototypes, is one of the main issues of cognitive linguistics, therefore this study is significant for the science. The article may be useful for researchers, linguist students, a wide range of readers.

Keywords: category, prototype, prototypicality, media, stereotype

For citation:

Glyzina, V. E. & Mityakina, K. V. & Pashaeva I. V. (2024). Prototype and stereotype as human perception mechanisms of surrounding world. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 18–26. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-18-26>

Введение

Понятия стереотип и прототип исследуются в различных научных направлениях учёными многих стран. В лингвистике изучение данного вопроса связано прежде всего с процессом познания окружающего мира и языковыми механизмами, способными прогнозировать возможные действия при коммуникативном общении. Всё материальное, социальное и интеллектуальное подлежит категоризации, которая способна упорядочить и систематизировать окружающий нас мир. Многие теоретические и практические исследования посвящены вопросам, относительно тождественности между такими явлениями, как стереотип и прототип. Проводятся многочисленные эмпирические исследования относительно проблемы категоризации человеческого опыта. Прежде всего, необходимо упомянуть таких учёных, как Т. А. ван Дейк, Н. Н. Болдырев, С. Г. Тер-Минасова, В. В. Красных, Э. Рош, Дж. Лаккофф, Дж. Тейлор, Р. Лангакер. Наиболее известными являются исследования Э. Рош, подтверждающие теорию прототипов: автором были проанализированы такие категории, как мебель, фрукты, транспорт, оружие, овощи, инструменты; среди них автор выбрала наилучшие, т. е. те, с которыми любой человек контактирует ежедневно [1, р. 27-28]. Согласно Э. Рош, прототипом в определённой категории является тот элемент, который наиболее схож с другими элементами этой категории и имеет наименьшее количество общих черт с элементами других категорий. Люди устанавливают принадлежность объекта или идеи к определённой категории, сопоставляя их с прототипом данной категории. В работе известного французского учёного Чарльза У. Морриса¹, которая относится к 1946 году, была сформулирована мысль о том, что через язык человеку передаётся

заранее сформированный и эмоционально окрашенный опыт. Далее этот опыт воспринимается как единственно верный, даже несмотря на то, что он может не соответствовать феноменологическому опыту [2, с. 2915].

В качестве общей трактовки термина «стереотип» приведём определение Т. Г. Добросклонской: понятие «стереотип» обычно используется для обозначения устойчивого распространённого представления о предмете или явлении действительности, обладающего выраженной эмоционально-оценочной окраской, обусловленной социокультурными факторами. Стереотипы оказывают влияние на систему ценностей и отношений, на идеологическую подоснову, что в свою очередь неизбежно влияет на восприятие окружающей действительности [3, с. 167].

Материалом исследования явились труды зарубежных и отечественных учёных по проблеме категоризации человеческого опыта, иноязычные новостные сайты, немецкоязычные средства массовой информации.

Прототип и стереотип: разграничение и пересечение понятий

Наше исследование основывается на фундаментальных направлениях когнитивной лингвистики и психологии. Данный подход характеризуется взаимосвязью между языком и культурными традициями определённой нации, между речью и особенностями менталитета. Изучение культуры народа через его язык является важной задачей, поскольку язык отражает способ концептуализации понимания мира, влияющей на процесс коммуникации с представителями другой культуры. [4, с. 435; 5, с. 102]. Каждое общество имеет стереотипные представления о поведении и традициях «своего» и «чужого» культурного пространства [6, с. 89]. Процесс познания предполагает некую категоризацию объектов, при которой происходит упрощение социальной ре-

¹ Morris Ch. Science, language and behavior. New York: Prentice Hall Inc., 1946, 374 p.

альности. Личностный жизненный опыт человека имеет определённые ограничительные рамки, пространство вокруг человека представляет сложную систему, поэтому такая категоризация является необходимой и упрощает восприятие действительности. В процессе познания мира и категоризации различных видов явлений формируются прототипы и стереотипы.

Многочисленные исследования показывают, что прототип следует считать одним из наиболее частотных и полных представителей какой-либо категории. Основой прототипа являются знания, накопленные обществом в процессе жизнедеятельности. Для наглядности приведём пример. Ярким образцом прототипических различий является чашка, у которой, например, в китайской культуре отсутствует ручка и блюдце [7, с. 276]. В европейской культуре чашка (по Дж. Тэйлору) – это: “... *the prototypical cup* has a handle, it is made of porcelain, it comes with a saucer; it has a certain overall shape and a typical size; cups are used for drinking hot tea or coffee, and you usually buy them in sets of six” [8, p. 270] («... прототипическая чашка имеет ручку, изготовлена из фарфора, в комплекте идёт блюдце; имеет определённую общую форму и типичный размер; чашки используются для питья горячего чая или кофе, и вы обычно покупаете их наборами по шесть штук»¹). Материал, из которого изготовлена чашка, также отличается своей прототипичностью: так, один народ прототипическим материалом для чашки считает фарфор, в другой культуре – это стекло и т. д.

Такие различия определяются личностным опытом при взаимодействии с предметами. Наблюдения А. Вежбицкой показывают, что даже пейзаж люди воспринимают по-разному в силу отсутствия или наличия определённых знаний и опыта [9, с. 321]. Далее приведём пример с прототипом птицы, для большин-

ства русскоговорящих это будет воробей. Однако те представители русской культуры, которые проживают на берегу моря, считают прототипической птицей чайку. Следовательно, прототип обладает определёнными свойствами (такими, например, как место жительства носителя прототипа), которые влияют на остальных членов категории и полностью зависят от него. Все остальные менее типичные представители сравниваются с прототипом по схожести или различию от центра к периферии.

Прототип не является эмоционально-окрашенным явлением; к нему нельзя относиться с положительной или отрицательной стороны; различные представления о каком-либо предмете не могут вызвать непонимание при взаимодействии людей с различными культурами. Поскольку прототип формируется согласно той среде, к которой принадлежит носитель языка, нельзя говорить об его универсальности. В самобытной культуре любого этноса существуют свои понятия относительно предметов, которые не должны находить соответствие прототипу в других культурах. Однако, как отмечает Б. Гаспаров, возможно, люди, принадлежащие к одной культуре, могут использовать различные прототипы одной и той же категории. Это связано с бесчисленным количеством различных ситуаций, которые возникают между людьми при индивидуальном взаимодействии вокруг определённого прототипа [10, с. 244].

Осмысливая такое понятие, как стереотип, исследователи доказывают, что это готовый некий эмоционально окрашенный образ, который функционирует в конкретном обществе. Основой стереотипа являются различные источники информации, которые формируют определённое мнение относительно какой-либо группы людей или отдельно взятого человека или явления. Особенностью стереотипа является его множественная воспроизводимость в языке. В частности, многие литературные стереотипы отно-

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи – В. Г., К. М.

сятся к стереотипам, с которыми человек не может вступить в коммуникативное взаимодействие, они существуют только как языковые образы. Чаще всего такие образы мы наблюдаем в научной фантастике или фэнтези. Приведём примеры из книг всемирно известных писателей-фантастов Д. Р. Р. Толкина, Н. Перумова, А. Сапковского, в произведениях которых присутствуют изменённые образы известных сказочных персонажей (эльфы и гномы). Заимствованные из мифологии других культур гномы в современном представлении – это очень сильные, коренастые существа, которые хорошо владеют техникой, а эльфы не только изысканы и красивы, но являются великолепными стрелками. Поскольку герои произведений вымышленные, то феноменологический опыт отсутствует, и поэтому распространение литературных стереотипов возможно только благодаря коммуникативной деятельности. В силу того, что стереотип является знанием, в структуру которого включены эмоции человека, то в процессе коммуникации может возникнуть сложность. Эмоциональность стереотипа выражается в поддержании положительного образа «Я» в противоположность отрицательному «Они». При попытке изменить уже сформированный стереотип включаются негативные эмоции, которые могут препятствовать взаимодействию. Устоявшийся стереотип не всегда соответствует действительности, тем не менее это мнение большинства людей определённого этноса, и в связи с этим он будет функционировать в языке.

Несомненным является тот факт, что стереотип – понятие более объёмное: если прототип может быть выражен одной лексемой, то стереотип – это всегда образное представление о некоем субъекте или явлении. Стереотип всегда имеет оценочный компонент [11, с. 215], тогда как прототип – констатация факта. Отличие этих двух понятий также заключается в том, что стереотип, как правило, даёт реципиенту информацию о предме-

те или явлении, с которым он лично не взаимодействовал; прототип – это всегда знакомый человеку объект.

Стереотип складывается под влиянием определённых социальных условий и предшествующего опыта – в этом заключается его схожесть с прототипом. Общая особенность стереотипа и прототипа также заключается в том, что чрезмерная приверженность стереотипам и прототипам вредит пониманию другой культуры. И стереотип, и прототип присущи массовому сознанию: они функционируют и в повседневной жизни, и в литературе, и в СМИ. Причём для массмедиа стереотипы более характерны, чем прототипы: средства массовой информации имеют практически неограниченные возможности для формирования стереотипов. Мнения, распространяемые СМИ, вытесняют индивидуальные установки, если они есть, и становятся мнением людей, заменяя им опыт личного общения. Такое сильное влияние объясняется тем, что многие люди воспринимают информацию, распространяемую СМИ, как истинно верную и неоспоримую.

Рассмотрим примеры из немецкоязычных СМИ начала 2000-х годов, демонстрирующие формирование у немецкого реципиента негативных стереотипов о нашей стране.

Например, в ряде немецкоязычных СМИ нами выявлено частое употребление перифразы “Reich” по отношению к России [7, с. 99]:

– “Staatspräsident Putin wird bei uns viel kritisiert, weil er seine persönliche Macht autokratisch zu festigen sucht. Seine gelenkte Demokratie entspricht nicht unseren Vorstellungen von Freiheit, Gewaltenteilung, Transparenz, Teilhabe. Andererseits weiss niemand im Westen, wie ein solches *Viel-Völker-, Viel-Kulturen – und Viel-Religionen-Reich* nach langer kommunistischer Diktatur angemessener zu regieren sei, ohne in Anarchie zu stürzen”¹ («Президента Пу-

¹ Christ in der Gegenwart. 2006. No. 4.

тина в нашей стране много критикуют за то, что он стремится автократически консолидировать свою личную власть. Его контролируемая демократия не соответствует нашим идеям свободы, разделения властей, прозрачности и участия. С другой стороны, никто на Западе не знает, как такой многоэтнической, многокультурной и многорелигиозной империей можно управлять более адекватно после длительной коммунистической диктатуры, не погружаясь при этом в анархию»).

– “Mit den Reformen Peters I, und dem Sieg des Russischen *Reiches* im Krieg gegen Schweden Russland jedoch im 18. Jahrhundert zu einer wichtigen europäischen Großmacht neben Großbritannien, Frankreich, Österreich und Preußen”¹ («Благодаря реформам Петра I и победе Российской империи в войне со Швецией Россия стала важной европейской державой XVIII века наряду с Великобританией, Францией, Австрией и Пруссией»).

– “Dafür haben auch die Bürger des *Riesenreichs* im Osten ein sicheres Gespür. So gross ist die Rolle der Orthodoxie, die nach dem Ende der kommunistischen Sowjetunion das ideologische Vakuum füllen will”² («Это остро чувствуют и граждане огромной империи на востоке. Такова роль ортодоксальности в заполнении идеологического вакуума после распада коммунистического Советского Союза»).

В приведённых выше примерах мы наблюдаем, как немецкие журналисты создают стереотип самодержавной, империалистической страны, употребляя лексику *Reich* («Империя, королевство, рейх»). Мы используем следующую дефиницию слову «империя» – сфера господства короля или кайзера, охватывающая территорию многих племён и народов.

Следовательно, понятие *Reich* не соответствует действительности, так как в России никогда не правила ни король, ни кайзер [7, с. 100].

В немецком медиадискурсе начала 2000-х гг. также довольно распространён стереотип представления России как советской державы. Так, уже заголовки некоторых статей содержат отрицательную оценку, которая влияет на дальнейшее негативное восприятие информации: “Russland wie bei *Breschnew*”³ («Россия как при Брежнев»), “Obama klagt über *Kalten Krieger* Russland”⁴ («Обама жалуется на холодную войну России»), “Vom *Gulag* zur Avantgarde”⁵ («От ГУЛАГа до авангарда»), “*Perestrojka* mit manisch Glücklichen”⁶ («Перестройка с маниакально счастливыми людьми»). Можно предположить, что в сознании реципиентов формируется негативный стереотип, содержащий в себе следующий смысл: Россия живёт советским прошлым; эпоха СССР проецируется на современную ситуацию в российском обществе, что свидетельствует об отсутствии прогресса, отсталости от передовых государств.

Заключение

Исследование показывает, что такие явления, как прототип и стереотип, имеют свои особенности, заключающиеся в различиях между видами опыта, который является основой феноменологического (опыт при взаимодействии со средой) и структурального знания (готовая языковая форма) [11; 12; 13]. Несмотря на то, что прототип формируется через личное наблюдение, при личностном взаимодей-

¹ Frankfurter Rundschau. 2008. No. 4 (05.01.2008).

² Schepp M. Feierliche Einsetzung von Patriarch Kirill: Ein Modernisierer für Moskau [Электронный ресурс] // DER SPIEGEL : [сайт]. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/feierliche-einsetzung-von-patriarch-kirill-ein-modernisierer-fuer-moskau-a-604812.html> (дата обращения: 10.05.2024).

³ Financial Times Deutschland (22.08.2009).

⁴ Der Spiegel (06.07.2009).

⁵ Follath E. Vom Gulag zur Avantgarde [Электронный ресурс] // DER SPIEGEL : [сайт]. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/vom-gulag-zur-avantgarde-a-b1cf52f0-0002-0001-0000-000067398860> (дата обращения: 10.05.2024).

⁶ Steiner E. Perestrojka mit manisch Glücklichen [Электронный ресурс] // Die Presse : [сайт]. URL: <https://www.diepresse.com/522074/perestrojka-mit-manisch-gluecklichen> (дата обращения: 10.05.2024).

ствии с объектом, немаловажную роль играют социальные установки. Однако эти установки влияют на формирование стереотипа только косвенно, опосредованно тем, что в одной и той же культуре или группе область применения какого-либо предмета будет одинаковой. Собственное понимание об объекте позволяет человеку свободнее ориентироваться в окружающем его пространстве. В отличие от прототипа стереотип, в основе которого лежит структуральное знание, базируется на приобретённом опыте в процессе языкового взаимодействия в социокультурной среде. Следует, однако, отметить, что прототип и стереотип могут изменяться. Что касается прототипа, то это происходит в случае отсутствия опыта при взаимодействии человека с предметами или иной категорией, когда он попадает в другой географический район или страну с иной культурой. Чтобы изменился стереотип, требуется время, поскольку изменения могут быть вызваны различными как социальными, так

и политическими процессами при многочисленном взаимодействии с представителями какой-либо группы.

Несмотря на то, что прототип и стереотип являются относительно близкими друг к другу явлениями, поскольку оба реализуют функцию категоризации человеческого опыта, нельзя между ними ставить знак равенства. Стереотип и прототип представляют упрощённый и схематизированный образ, но они имеют разный вектор категоризации. Так, категоризация прототипа происходит от центра категории к периферии, определяя отдалённость или близость объекта к той или иной категории, а стереотип – это стандартная эмоционально окрашенная установка, включающая опыт коммуникативного взаимодействия общества с представителем определённой группы, где процесс категоризации имеет обратный вектор, от периферии к центру. Таким образом, эти два феномена имеют в своей основе различные типы опыта человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rosch E. Principles of categorization // *Cognition and Categorization* / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. Hillsdale; New York: Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.
2. Зырянова И. Н., Косяков В. А. Суггестивное воздействие стереотипов (на материале современных англоязычных СМИ, создающих образ России) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 9. С. 2914–2919. DOI: 10.30853/phil20220488.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Едиториал УРСС, 2008. 202 с.
4. Задорин А. В. Конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в Красноярском крае в настоящее время // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020*. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2020. С. 433–442.
5. Ярков А. П. Гендерные и демографические факторы в укладе хозяйства мусульман Сибири // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019*. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2019. С. 87–93. DOI: 10.17150/978-5-7253-3001-4.11.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов; 3-е изд. испр. М.: КДУ, 2011. 350 с.
7. Шахеров В. П. Культурное влияние Китая на приграничные города Байкальской Сибири в XVIII–XIX вв. // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023*. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. С. 98–106. DOI: 10.17150/978-5-7253-3124-0.08.
8. Taylor J. R. *Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory*. Oxford: Claderon Press, 1995. 328 p.
9. Вежбицкая А. *Язык, культура, познание*. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
10. Гаспаров Б. М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

11. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
12. Костина К. В., Солдатенко И. В. Имагологические инструменты воздействия в иноязычном медиапространстве // Казанская наука. 2022. № 10. С. 98–100.
13. Гусева А. Е., Прокофьева О. В. Этнические стереотипы в текстах немецких и британских СМИ // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 21–29. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-21-29.

REFERENCES

1. Rosch, E. (1978). Principles of categorization. In: Rosch, E. & Lloyd, B. B., eds. *Cognition and Categorization*. Hillsdale; New York: Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.
2. Zyryanova, I. N. & Kosyakov, V. A. (2022). Suggestive Impact of Stereotypes (by the Material of Modern English-Language Media That Create the Image of Russia). In: *Philology. Theory & Practice*, 15 (9), 2914–2919. DOI: 10.30853/phil20220488 (in Russ.).
3. Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialinguistics: a systematic approach to studying the language of the media*. Moscow: Editorial URSS publ. (in Russ.).
4. Zadorin, A. V. (2020). Confliction and integration potential of interethnic and migration relations in Krasnoyarsk region today. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2020*. Irkutsk: Baikal State University publ., pp. 433–442 (in Russ.).
5. Yarkov, A. P. (2019). Gender and demographic factors in the way farming Muslims of Siberia. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2019*. Irkutsk: Baikal State University publ., pp. 87–93. DOI: 10.17150/978-5-7253-3001-4.11 (in Russ.).
6. Kornilov, O. A. (2011). *Language pictures of the world as derivatives of national mentalities*. Moscow: KDU publ. (in Russ.).
7. Shakherov, V. P. (2023). Cultural influence of china on the border towns of Baikal Siberia in the XVIII–XIX centuries. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2023*. Irkutsk: Baikal State University publ., pp. 98–106. DOI: 10.17150/978-5-7253-3124-0.08 (in Russ.).
8. Taylor, J. R. (1995). *Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory*. Oxford: Claderon Press.
9. Wierzbicka, A. (1996). *Language, Culture, Cognition*. Moscow: Russkiye slovari publ. (in Russ.).
10. Gasparov, B. M. (1996). *Language, memory, image. Linguistics of language existence*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye publ. (in Russ.).
11. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie*. M.: Obshchestvennoe mnenie, 2004.
12. Kostina, K. V. & Soldatenko, I. V. (2022). Imagological instruments of influence in a foreign language mediaspace. In: *Kazan Science*, 10, pp. 98–100 (in Russ.).
13. Guseva, A. E. & Prokofeva, O. V. (2023). Ethnic stereotypes in the texts of German and British media. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, 21–29. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-21-29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глызина Вера Евгеньевна (г. Иркутск) – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональных целей Байкальского государственного университета; ORCID: 0009-0004-2445-7547; e-mail: vecotd@yandex.ru

Митякина Ксения Викторовна (г. Новороссийск) – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Информатика, математика и общегуманитарные науки», ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Новороссийский филиал); ORCID: 0009-0005-9496-0639; e-mail: ksenia_kostina84@mail.ru

Пашаева Ирина Валерьевна (г. Иркутск) – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Иркутского национального исследовательского технического университета; ORCID: 0009-0006-3536-4746; e-mail: pashaeva@istu.edu

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vera E. Glyzina (Irkutsk) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages for Professional Purposes, Baikal State University;
ORCID: 0009-0004-2445-7547; e-mail: vecotd@yandex.ru

Ksenia V. Mityakina (Novorossiysk) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Computer Science, Mathematics and General Humanitarian Sciences, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Novorossiysk branch;
ORCID: 0009-0005-9496-0639; e-mail: ksenia_kostina84@mail.ru

Irina V. Pashaeva (Irkutsk) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages № 2, Irkutsk National Research Technical University;
ORCID: 0009-0006-3536-4746; e-mail: pashaeva@istu.edu

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-27-37

РАЗЛИЧИЯ В КАТЕГОРИИ РОДА ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАК ОСНОВА ПОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ РУССКО-ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Гнатюк О. А.

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ),
125319, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 64, Российская Федерация
e-mail: go7605848@mail.ru

Поступила в редакцию 17.04.2024

После доработки 25.06.2024

Принята к публикации 27.06.2024

Аннотация

Цель данной работы состоит в определении психолингвистических особенностей интерференции, возникающей при использовании в речи имён существительных испанского языка, отличающихся в категории рода от соответствующих им существительных русского языка.

Процедура и методы. В работе исследуются примеры использования имён существительных испанского языка греческого и латинского происхождения на материале устной речи с помощью метода сплошной выборки, а также метода квантитативного (количественного) анализа языка.

Результаты. В результате проведённого исследования были выявлены определённые интерферентные ошибки при использовании имён существительных указанного типа: некорректный выбор артикля, некорректный выбор формы согласуемого (зависимого) слова.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования подтверждают гипотезу о влиянии языковой картины мира родного языка на язык изучаемый и вносят вклад в развитие психолингвистики, а также сравнительно-сопоставительного языкознания. Полученные данные могут найти практическое применение при составлении двуязычных (русско-испанских) словарей и грамматических пособий.

Ключевые слова: психолингвистика, русско-испанский языковой контакт, интерференция, ошибки, грамматическая категория, род

Для цитирования:

Гнатюк О. А. Различия в категории рода имён существительных как основа появления интерференции на примере русско-испанского языкового контакта (психолингвистический аспект) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 27–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-27-37>

Original research article

DIFFERENCES OF THE GENDER CATEGORY OF NOUNS AS THE BASIS OF THE INTERFERENCE ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN-SPANISH LANGUAGE CONTACT (THE PSYCHOLINGUISTIC ASPECT)

O. Gnatyuk

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI),
Leningradsky prospect 64, Moscow 125319, Russian Federation
e-mail: go7605848@mail.ru

Received by the editorial office 17.04.2024

Revised by the author 25.06.2024

Accepted for publication 27.06.2024

Abstract

Aim. To identify the psycholinguistic features of interference observed in the speech under the usage of some Spanish nouns which differ in Gender from the corresponding Russian nouns.

Methodology. The paper presents the research of the usage of some Spanish nouns of Greek and Latin origin on the material of the oral speech with the help of such methods as *Continuous sampling* and *Quantitative analysis*.

Results. On the basis of the results of the study such interference mistakes observed under the usage of these nouns as incorrect forms of the article and related words were revealed.

Research implications. The research results confirm the Hypothesis of the Native Linguistic World-view influence on the foreign language as well as contribute to Psycholinguistics and Comparative linguistics. The data revealed can be applied in the process of bilingual (Russian-Spanish) dictionaries and grammar textbooks compiling.

Keywords: Psycholinguistics, Russian-Spanish language contact, interference, mistakes, grammatical category, gender

For citation:

Gnatyuk, O. A. (2024). Differences of the gender category of nouns as the basis of the interference on the example of Russian-Spanish language contact (the psycholinguistic aspect). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 27–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-27-37>

Введение

Процесс порождения мыслей (образов, желаний, действий) получает оформление с помощью языковых средств. И внутренняя речь, и внешняя формируются с помощью языка. В то же время мышление определяется языковым сознанием, ключевую роль в функционировании которого играет грамматика. Мысли, возникающие в сознании, материализуются в языке согласно нормам грамматики. Языковое сознание нации существует в рамках определённой грам-

матической сетки или грамматического каркаса, включающего набор грамматических категорий.

Грамматическая категория определяется как «категория, имеющая обязательное формально-языковое выражение и проявляющаяся на основе сопоставления грамматических форм»¹. Различные языки при наличии формально одинаковых грамматических категорий часто име-

¹ См.: Грамматическая категория // Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. С. 77-78.

ют глубокие отличия в их содержании и практическом проявлении.

Грамматика является средством категоризации мира. Грамматические категории *рода* и *числа* способствуют предметному восприятию действительности носителей языка. Ввиду масштабности влияния указанных грамматических категорий на языковое сознание в рамках данной работы ограничимся исследованием психолингвистического влияния категории *рода* на процесс изучения иностранного языка на примере русско-испанского языкового контакта.

Цель работы состоит в определении психолингвистических особенностей интерференции, возникающей при использовании в речи имён существительных испанского языка, отличающихся в категории *рода* от соответствующих им существительных русского языка. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть понятие «грамматический род» в лингвистике, определить ключевые области несовпадений категории *рода* в испанском и русском языках, проанализировать примеры интерферентных ошибок, возникающих при использовании имён существительных, не совпадающих в категории *рода*.

Практическим материалом исследования послужили записи устных бесед (короткие монологи и диалоги) на испанском языке на различные темы между русскоязычными обучающимися. Критериями отбора участников бесед стали следующие: родной язык – русский, владение испанским языком – на уровне B2-C1, изучение испанского языка было начато во взрослом возрасте (после 17 лет), процесс обучения целенаправленный.

Кроме того, всех участников устных бесед объединяет их причастность к Институту Сервантеса (*Instituto Cervantes*), крупнейшей образовательной организации, имеющей свои филиалы по всему миру, и занимающейся как преподавани-

ем испанского языка, так и продвижением испанской культуры¹. Все участники бесед в период 2021–2022 гг. проходили обучение в различных группах Института Сервантеса (*C1. Nivel Dominio, Lectura, Conversación*), соответственно, формирование языковой компетенции, в том числе грамматических аспектов, проходило согласно официальным государственным нормам и стандартам испанского языка.

Устные записи были переведены в письменную форму для дальнейшего исследования. Полученный языковой материал оформлен в «Корпус устной речи на испанском языке русскоязычных обучающихся» длительностью более 10 часов звучащей речи и представляет собой источник для поиска интерферентных ошибок на всех языковых уровнях в различных областях. В рамках данной работы проанализированы примеры использования в устной речи на испанском языке имён существительных греческого и латинского происхождения, оканчивающихся на *-та*.

С помощью метода сплошной выборки был осуществлён поиск примеров. Фиксировались не только отдельные лексемы из интересующей нас группы слов, но и словосочетания с ними. Путём квантитативного (количественного) анализа² языка найденные примеры были подсчитаны. Затем проведена систематизация и интерпретация результатов некорректного использования имён существительных испанского языка, отличающихся в категории *рода* от соответствующих им существительных русского языка.

¹ Институт Сервантеса в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://moscu.cervantes.es/ru/default.shtm> (дата обращения: 01.04.2024).

² См.: Квантитативный анализ языка // Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др.; под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. Т. 1; 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2014. С. 79.

Грамматическая категория рода в лингвистике

Род – это «грамматическая категория имён (существительного и прилагательного), а также некоторых разрядов местоимений, порядковых числительных, причастий и глаголов в единственном числе прошедшего времени и в условном наклонении».¹

Род является свойством имён существительных и местоимений, позволяющим осуществление согласования с именами прилагательными и другими частями речи в определённых формах².

Безусловно, понятие *рода* связано с *гендером*, но существуют и другие социальные и культурные факторы, влияющие на процесс и результат номинации рода имён существительных в ходе развития общества. Как отмечает Хулиан Санча Баскес (*Julían Sancha Vázquez*), гипотеза возникновения грамматического рода на основе представления бинарной оппозиции «самец (*“macho”*) – самка (*“hembra”*)» подвергается сомнению тем фактом, что в настоящее время грамматические системы рода функционируют абсолютно иным образом, значительно отличаясь от того, как они функционировали изначально [1].

С точки зрения грамматики категория *рода* получает выражение посредством флексий. Лингвисты Франсиско Морено-Фернандес (*Fransisco Moreno-Fernández*) и Хирото Уэда (*Hiroto Ueda*) в работе «Род имён существительных в испанском языке: о его грамматической сущности» (*El género en los sustantivos del español: sobre su naturaleza gramatical*), подробно рассматривая процесс образования лексем женского рода от лексем мужского рода

и наоборот, приходят к выводу, что «по сравнению с другими флективными процессами (такими, как изменение по числам или глагольным формам) категория рода обладает формальной и семантической упорядоченностью в меньшей степени, а появление морфемы женского пола *-a* является результатом не грамматической флексии, а лексической деривации» [2, р. 95].

Учитывая данное обстоятельство, отметим, что при изучении иностранного языка именно лексический аспект в процессе образования словоформ в рамках категории *рода* может стать определённой преградой для полного понимания. Если грамматическая составляющая данного процесса, выражающаяся во флексивности, может быть освоена сразу, то семантические особенности ввиду имеющих различий в языковых картинах мира родного и иностранного языков могут представлять определённые сложности.

Особенности категориального выражения рода усваиваются в процессе освоения родного языка, и впоследствии при изучении иностранного языка в случае несоответствия родовых признаков они могут стать причиной появления интерферентных ошибок.

Особенности грамматической категории рода в испанском и русском языках

В грамматических системах русского и испанского языков имеются определённые различия, в том числе в области категории *рода*. В целом истоки данных различий можно свести к следующим ключевым аспектам.

Во-первых, прежде всего обратим внимание на *количественное несовпадение в категории рода в русском и испанском языках*.

В русском языке категория рода имён существительных – это «несловоизменяемая морфологическая категория, представленная как противопоставление

¹ См.: Род // Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. С. 401.

² См.: Sobre el género // Paredes García F., Álvaro García S., Paredes Zurdo L. Las 500 dudas más frecuentes del español. Barcelona: Instituto Cervantes, Espasa Libros, 2013. P. 138. Здесь и далее перевод текста иностранных источников наш – О. Г.

трёх классов слов, каждый из которых характеризуется своими особенностями склонения, согласования – это слова мужского (муж, стол), женского (жена, книга) и среднего (окно, существо) рода»¹.

В современном испанском языке, согласно изданию Института Сервантеса «500 наиболее частых трудностей испанского языка» (*Las 500 dudas más frecuentes del español*), «имена существительные могут быть только мужского (*masculino*) или женского рода (*femenino*), в то время как имена прилагательные, детерминативы и местоимения могут также относиться и к среднему роду (*neutro*)»².

Как отмечает Нурия Алькальде Гарсия (*Nuria Alcaide García*), «в процессе трансформации латыни в испанский язык средний род (имён существительных) исчез, а латинские имена существительные среднего рода распределились между мужским и женским родами» [3, р. 19–20].

Соответственно, учитывая тот факт, что в русском языке категория рода трёхчленная, а в испанском представлена оппозицией «мужской род (*masculino*) – женский род (*femenino*)», существительные русского языка среднего рода в испанском языке могут быть или женского (*la ventana (f)* – окно (ср. р.)³, или мужского рода (*el cielo (m)* – небо (ср. р.)⁴, что может создавать объективные трудности при изучении испанского языка русскоязычными обучающимися и, как следствие, возможные интерферентные

ошибки ввиду отсутствия аналогии с русским языком.

Во-вторых, следует добавить, что даже относительно устоявшееся *количественное выражение категории рода в испанском языке претерпевает качественные изменения*, связанные как с постоянным внутренним развитием языка, так и с воздействием внешних социальных факторов. Так, оппозиция мужского и женского рода в современном испанском языке приобретает новые черты под влиянием феминистического движения. Как отмечено Мартой Ламас (*Marta Lamas*), среди носителей испанского языка по данному вопросу есть веский аргумент, а именно: «на испанском языке говорят о женщинах в женском роде, потому что так легче делать вывод о том, что, когда говорят о роде или представлении о роде, значит, имеют в виду женщин или представление о женском поле» [4, р. 148].

Согласно Н. В. Титаренко, «в испанском языке выделяют три группы образования рода: подвергающиеся изменениям в зависимости от рода (*el profesor / la profesora*), не подвергающиеся изменениям, но при этом в согласовании показывающие этот род (*el taxista rápido / la taxista rápida*) и так называемые *género epiceno*, т. е. имеющие лишь один род (*la gorila*)» [5, с. 151–152]. Изменения, вызванные феминистическим движением, выражаются в создании новых форм женского рода в первых двух группах следующим образом: добавление окончания *-a* к существительным, которые изначально использовались лишь в мужском роде, а также выбор формы артикля и согласуемого (зависимого) слова в женском роде для его выражения.

В современном испанском языке возникают так называемые феминитивы, внося определённые изменения в устоявшуюся структуру имён существительных в рамках оппозиции: «мужской род (*masculino*) – женский род (*femenino*)». Так, ряд имён существительных (как правило, обозначающих профессии), имев-

¹ См.: Род // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. С. 424.

² См.: Sobre el género // Paredes García F., Álvaro García S., Paredes Zurdo L. *Las 500 dudas más frecuentes del español*. Barcelona: Instituto Cervantes, Espasa Libros, 2013. P. 138–140.

³ Карманный испанско-русский и русско-испанский словарь = *Pequeño diccionario español-ruso y ruso-español* / сост. К. А. Марцишевская, Б. Х. Сордо-Пенья, С. Маринеро. М.: Русский язык; Madrid: Rubinos. 1985. С. 221.

⁴ Там же. С. 54.

ших ранее форму мужского рода, начинает использоваться и в форме женского рода, что с течением времени закрепляется и нормативно оформляется в языке.

В то же время для русского языка характерно традиционное использование ряда имён существительных, обозначающих профессии в мужском роде, как и прежде, что потенциально создаёт определённую почву для интерференции для русскоязычных носителей на испанском языке. Например: *Abogado / abogada*¹ (адвокат).

Кроме того, как отмечает А. Огнева, существительные, имеющие лишь один род (*género epiceno*), вместе с существительными общего рода (*sustantivos de género común*) образуют группу так называемых «проблемных имён существительных» (*los sustantivos “problemáticos”*) ввиду того, что их принадлежность к определённому роду в испанском и русском языках может не совпадать [6, p. 185].

В контексте упоминания феминитивов следует обратить внимание на важное обстоятельство. Как отмечает Альваро Гарсия Месегер (*Alvaro García Meseguer*) в работе «Испанский язык сексистский? Исследование о грамматическом роде» (*¿Es sexista la lengua Española? Una investigación sobre el género gramatical*), вопрос о том, как следует называть лиц мужского пола, обозначающих профессии, традиционно являющиеся женскими, представляется спорным и открытым ввиду отсутствия чётких правил [7, p. 50–52]. Соответственно, в каждом конкретном случае должен быть выбран наиболее приемлемый вариант [7, p. 50–52].

В целом предположим, что изменения в категории *рода* в испанском языке, имеющие феминистический характер, потенциально становятся причиной ряда

интерферентных ошибок для изучающих испанский язык.

Наконец, следует отметить *семантическое несоответствие в категории рода целого ряда имён существительных испанского и русского языков*. Речь идёт о неодушевлённых существительных, так как «определение рода одушевлённых существительных напрямую связано с их биологическим родом» [3, p. 19], что, как правило, является аналогичным в различных языках. В то же время «распределение по родам неодушевлённых имён существительных является полностью произвольным, и представляет собой результат долгого и сложного процесса определения вариантов (рода) носителями языка» [3, p. 19].

Мы согласны с Н. В. Зененко в том, что «грамматическая категория рода соотносится с понятийно-семантической категорией одушевлённости / неодушевлённости и является ключевой для формирования лексико-грамматического класса существительного» [8, с. 39].

Как отмечено В. С. Виноградовым и И. Г. Милославским, «для подавляющего большинства неодушевлённых существительных принадлежность к мужскому, женскому, а в русском языке и среднему роду никак не связана с содержанием» [9, с. 69]. Более того, «взаимосвязи между значением и родовой принадлежностью у русских и испанских лексем неодушевлённых существительных вообще нет» [9, с. 69].

На современном этапе развития человечества невозможно достоверно ответить на вопрос о том, по каким причинам представители одной нации наделили ряд лексем категорией мужского рода, в то время как в другом языке эти же лексемы обладают женским родом. Очевидно, что это следует воспринимать как данность, как неотъемлемую черту определённого языка.

Родовые особенности неодушевлённых предметов усваиваются в детстве в процессе постижения основ родного

¹ См.: *Abogado, abogada* [Электронный ресурс] // *Diccionario de la lengua española*: [сайт]. URL: <https://dle.rae.es/abogado> (дата обращения: 04.03.2024).

языка, и в дальнейшем восприятие тех же предметов действительности происходит сквозь призму сформированной грамматической картины мира языка, усвоенного первым и потому, как правило, ставшим доминантным. Соответственно, в случае семантического несоответствия категорий рода имён существительных, обозначающих один предмет действительности на разных языках, велика вероятность возникновения интерферентных ошибок по причине восприятия предмета согласно нормам грамматики родного языка.

Таким образом, в рамках каждого указанного аспекта (*количественное несоответствие родов* ввиду отсутствия среднего рода в испанском языке в том виде, в котором он присутствует в русском языке, *изменения в оппозиции «мужской род (masculino) – женский род (femenino)»*, вызванные феминистическим движением, а также *ряд имён существительных испанского и русского языков, имеющих несовпадения в категории рода*) объективно выделяются отдельные группы лексем, каждая из которых могла бы стать предметом для отдельного исследования. В рамках данной статьи ограничимся обзором особенностей использования в речи испанских имён существительных греческого и латинского происхождения, оканчивающихся на *-та*.

Психолингвистические особенности использования в устной речи на испанском языке русскоязычными обучающимися имён существительных латинского и греческого происхождения

Среди многочисленных лексем испанского и русского языков, не совпадающих в категории рода, особого внимания заслуживают имена существительные мужского рода в испанском языке греческого и латинского происхождения, оканчивающиеся на *-та*, *-та*: *el poeta*, *el problema*, *el programa*, *el sistema*, *el tema*, *el trauma*, *el co-*

meta, *el planeta*, *el enigma*, *el esquema* и др.¹ Принадлежность имён существительных указанной группы женскому роду в русском языке, а также наличие конечной гласной *-а*, потенциально может приводить к возникновению интерферентных ошибок в речи на испанском языке.

С помощью метода сплошной выборки «*Корпус устной речи на испанском языке русскоязычных обучающихся*» был проверен на предмет наличия примеров, содержащих использование испанских лексем указанной группы в устной речи на испанском языке русскоязычных обучающихся. Отобранные примеры были проанализированы.

Количественная характеристика результатов

В результате проведённого исследования всего было выявлено 165 случаев интерферентных ошибок, возникающих по причине несовпадения категории рода имён существительных в испанском и русском языках. Примеры интерферентных ошибок именно в результате использования имён существительных греческого и латинского происхождения составили 15,15% (25 примеров).

Перечень имён существительных, при использовании которых возникли интерферентные ошибки, выглядит следующим образом: *el enigma* (загадка), *el esquema* (схема), *el problema* (проблема), *el programa* (программа), *el sistema* (система), *el tema* (тема), *el teorema* (теорема), *el trauma* (травма). Процентное распределение ошибок с указанными лексемами представлено на рис. 1.

Как показано на рис. 1, больше всего ошибок допущено при использовании лексем: *el programa* (32%), *el sistema* (16%), *el tema* (16%), что связано с высокой употребительностью указанных имён существительных в речи.

¹ Мартинес Карраскоса Х. Х., Момбиела Рапун В., Корсаков Н. Испанский язык: большой справочник по грамматике. М.: Живой язык, 2014. С. 17; Diccionario de la lengua española [Электронный ресурс]. URL: <http://lema.rae.es/drae> (дата обращения: 04.03.2024).

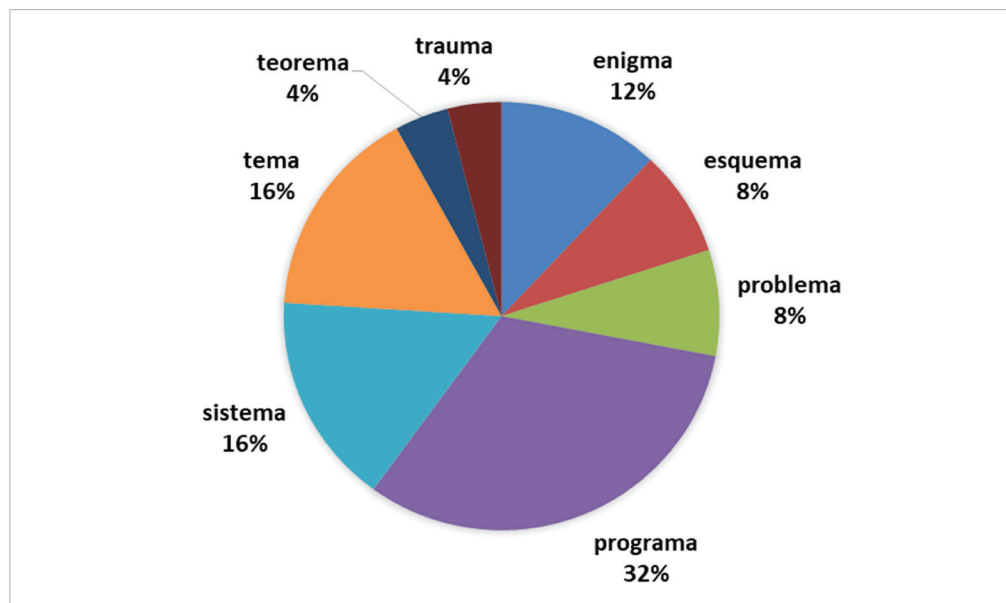

Рис. 1 / Fig. 1. Имена существительные греческого и латинского происхождения, при использовании которых зафиксированы интерферентные ошибки / The Spanish nouns of Greek and Latin origin observed under the interference errors revealed

Источник: составлено автором

Качественная характеристика результатов

Согласно полученным результатам исследования, форма слов использована корректно, т. к. окончание *-та* данных лексем на испанском языке соответствует окончанию *-а* соответствующих им существительных в русском языке и не вызывает интерференцию в данном аспекте.

Однако были зафиксированы интерферентные ошибки в постановке артикля и выборе формы согласуемых (зависимых) слов (имён прилагательных, указательных местоимений и др.). Рассмотрим примеры.

Некорректный выбор артикля

El tema (м.р.) / тема (ж.р.).

Las temas son interesantes / **темы** интересные¹.

В данном примере наблюдается некорректный выбор определённого артикля в форме *las* вместо *los*, вызванный тем, что

имя существительное *тема* (*tema*) в русском языке женского рода.

El enigma (м.р.) / загадка (ж.р.).

Para que? No sé, una enigma más / Для чего? Не знаю, ещё **одна загадка**.

В указанном примере некорректно выбран неопределённый артикль в форме *una* вместо *un*, что объясняется тем, что слово *загадка* (*enigma*) в русском языке относится к женскому роду.

El esquema (м.р.) / схема (ж.р.).

Es una de las esquemas / это **одна** из **схем**.

В примере наблюдается некорректный выбор сразу двух артиклей: *una* и *las* вместо *un* и *el*, вызванный восприятием существительного *esquema* (*схема*) в женском роде.

Некорректная форма имени прилагательного

El trauma (м.р.) / травма (ж.р.).

...y en su juventud era trauma psicológica / ...и в (его/её) детстве была **психологическая травма**.

¹ Здесь и далее иллюстративный материал приводится из собранного автором статьи «Корпуса устной речи на испанском языке русскоязычных обучающихся».

В отрывке предложения содержится пример выбора некорректной формы прилагательного *psicológica* вместо *psicológico*, что объясняется восприятием имени существительного *травма* (*trauma*) в женском роде согласно нормам грамматики русского языка и соответствующим неправильным употреблением прилагательного *психологический*.

Некорректная форма местоимения (притяжательного, указательного)

El tema (м.р.) / тема (ж.р.).

Me gusta esta tema / мне нравится эта тема.

В указанном примере наблюдается некорректное использование указательного местоимения *esta* вместо *este*, связанное с восприятием лексемы *тема* (*tema*) в женском роде.

El problema (м.р.) / проблема (ж.р.).

Sin algunas problemas / без каких-либо проблем.

В данном примере содержится некорректный выбор формы неопределённого местоимения *algunas* вместо *algunos*, обусловленный восприятием существительного *проблема* (*problema*) в женском роде.

Примеры двойных ошибок

В результате проведённого анализа практического материала были зафиксированы случаи двойных интерферентных ошибок. Рассмотрим примеры.

El sistema (м.р.) / система (ж.р.).

Es una sistema muy centralizada / это очень централизованная система.

В предложении наблюдается двойная интерферентная ошибка: некорректный выбор неопределённого артикля *una* вместо *un*, а также формы прилагательного *centralizada* вместо *centralizado*. Причиной указанных ошибок является некорректное восприятие имени существительного *система* (*sistema*) в женском роде, что соответствует русскому языку. Правильный вариант данного примера выглядит следующим образом: *es un sistema muy centralizado*.

El programa (м.р.) / программа (ж.р.).

Esta programa educativa / эта образовательная программа.

В этом примере также можно увидеть пример двойной интерферентной ошибки: некорректный выбор формы указательного местоимения *esta* вместо *este*, а также прилагательного *educativa* вместо *educativo*. Это вызвано восприятием существительного *программа* (*programa*) в женском роде. Правильный вариант указанного примера выглядит следующим образом: *este programa educativo*.

Как отмечено Моникой Белда-Торрихос (*Mónica Belda-Torrijos*) в статье «Анализ ошибок при русско-испанском языковом контакте русскоязычных студентов» (*Análisis de errores ruso-español en estudiantes rusos*), при совершении интерферентных ошибок задействуется «механизм гипергенерализации (*hipergeneralización*) или генерализации (*generalización*) правил в случаях, когда они не применимы (например, использование имён существительных, оканчивающихся на *-a*, в женском роде, а существительных, оканчивающихся на *-o*, – в мужском)» [10, р. 367].

Действительно, интерферентные явления возникают в результате обобщения правил родного языка, и данный процесс происходит неосознанно. «Критерий наличия / отсутствия сознания в процессе появления ошибок при изучении иностранного языка становится ключевым при определении характера данных ошибок» [11, с. 8]. В ситуации возникновения интерферентных ошибок при владении иностранным языком на уровне В2 и выше можно говорить о неосознанном характере их совершения и об общем психолингвистическом влиянии языковой картины мира родного языка на язык изучаемый. Кроме того, устная речь позволяет судить о спонтанности ошибок подобного рода.

Таким образом, интерферентные ошибки, возникающие при использовании имён существительных, отличающихся в категории рода, возникают в

процессе неосознанной генерализации правил родного языка на фоне имеющихся знаний в данной области.

Заключение

В результате проведённого исследования выявлены следующие случаи интерферентных ошибок, возникающих при использовании в речи на испанском языке имён существительных греческого и латинского происхождения, оканчивающихся на *-та*: некорректный выбор артикля, неправильная формы согласуемого (зависимого) слова (имени прилагательного, указательного местоимения и др.).

Во всех случаях причиной возникновения ошибок подобного типа является восприятие имени существительного в женском роде, что соответствует нормам русского языка, но некорректно в испанском. Материал исследования, представляющий собой примеры устной речи на испанском языке на уровне B2 и выше,

свидетельствует о возможности спонтанного характера выявленных ошибок [11, с. 7]. Результаты работы доказывают психолингвистическое воздействие языковой картины мира родного языка на язык изучаемый.

Таким образом, *цель* работы, заключающаяся в определении психолингвистических особенностей интерференции, возникающей при использовании в речи имён существительных испанского языка, отличающихся в категории рода от соответствующих им существительных русского языка, достигнута.

Результаты исследования могут найти применение в областях *психолингвистики* и *сравнительно-сопоставительного языкознания*. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных при составлении двуязычных (русско-испанских) словарей и различных грамматических пособий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sancha Vázquez J. Una historia panorámica del «género gramatical» en la lengua española: ¿es el género una «clase sexual»? // Tonos digital: revista de estudios filológicos. 2021. Iss. 40 [Электронный ресурс]. URL: <https://produccioncientifica.uca.es/documentos/60778e47566b3b18ed41cf16> (дата обращения: 10.04.2024).
2. Moreno Fernández F., Ueda H. El género de los sustantivos del español: sobre su naturaleza gramatical // Boletín de la Academia Puertorriqueña de la Lengua Española. 1986. Vol. 14. N. 2. P. 79–107.
3. Alcaide García N. Dificultades de aprendizaje en la enseñanza del género gramatical del español en alumnos estonios // Monográficos Linguae Plurales. Núm. 2: La Enseñanza del Español como Lengua Extranjera en el Báltico: III Jornadas de ELE en Tallinn – Selección de artículos. Tallinn: Tallinna Ülikool, 2016. P. 18–35.
4. Lamas M. Usos, dificultades y posibilidades de la categoría género // Papeles de Población. 1999. Vol. 5. Núm. 21. P. 147–178.
5. Титаренко Н. В. Основные явления в грамматике современного испанского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 9 (172). С. 151–153.
6. Ogneva A. ¿Cómo se establece la concordancia con los sustantivos de género común? Una comparación entre el español y el ruso // LynX. Panorámica de Estudios Lingüísticos. 2021. No. 20. P. 181–199.
7. García Meseguer A. ¿Es sexista la lengua Española? Una investigación sobre el género gramatical. Barcelona: Grupo Planeta, 1994. 254 p.
8. Зененко Н. В. Категориальная вариативность и частеречная классификация в языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-2. С. 34–41. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-34-41.
9. Виноградов В. С., Милославский И. Г. Русская грамматика в сопоставлении с испанской: сходства и различия. Статья первая. Род и одушевленность существительных // Русский язык за рубежом. 1979. № 2. С. 66–70.
10. Belda-Torrijos M. Análisis de errores ruso-español en estudiantes rusos // Actas del V Congreso de Lingüística General (León 5–8 de marzo de 2002). Vol. 1. Madrid: Arco Libros, 2004. P. 357–374.

11. Гнатюк О. А. Психолингвистические основы формирования интерференции, наблюдаемой при русско-испанском языковом контакте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-1. С. 6–13. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-6-13.

REFERENCES

1. Sancha Vázquez, J. (2021). Una historia panorámica del «género gramatical» en la lengua española: ¿es el género una «clase sexual»? In: *Tonos Digital: revista de estudios filológicos*, 40. URL: <https://produccioncientifica.uca.es/documentos/60778e47566b3b18ed41cf16> (accessed: 10.04.2024).
2. Moreno Fernández, F. & Ueda, H. (1986). El género de los sustantivos del español: sobre su naturaleza gramatical. In: *Boletín de la Academia Puertorriqueña de la Lengua Española*, 14 (2), 79–107.
3. Alcaide García, N. (2016). Dificultades de aprendizaje en la enseñanza del género gramatical del español en alumnos estonios. In: *Monográficos Linguae Plurales. Núm. 2: La Enseñanza del Español como Lengua Extranjera en el Báltico: III Jornadas de ELE en Tallinn – Selección de artículos*. Tallinn: Tallinna Ülikool, pp. 18–35.
4. Lamas, M. (1999). Usos, dificultades y posibilidades de la categoría género. In: *Papeles de Población*, 5 (21), 147–178.
5. Titarenko, N. V. (2022). The fundamental phenomena in the grammar of the modern Spanish language. In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (172), 151–153 (in Russ.).
6. Ogneva, A. (2021). ¿Cómo se establece la concordancia con los sustantivos de género común? Una comparación entre el español y el ruso. In: *LynX. Panorámica de Estudios Lingüísticos*, 20, 181–199.
7. García Meseguer, A. (1994). *¿Es sexista la lengua Española? Una investigación sobre el género gramatical*. Barcelona: Grupo Planeta.
8. Zenenko, N. V. (2022). Varieties of the categories and classification of parts of speech in a language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3-2, 34–41. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-34-41 (in Russ.).
9. Vinogradov, V. S. & Miloslavsky, I. G. (1979). Russian grammar in comparison with Spanish: similarities and differences. Article one. Gender and animacy of nouns. In: *Russian Language Abroad*, 2, 66–70 (in Russ.).
10. Belda-Torrijos, M. (2004). Análisis de errores ruso-español en estudiantes rusos. In: *Actas del V Congreso de Lingüística General (León 5-8 de marzo de 2002). Vol. 1*. Madrid: Arco Libros., pp. 357–374.
11. Gnatyuk, O. A. (2022). Psycholinguistic basis of the process of interference formation observed under Russian-Spanish language contact. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3-1, 6–13. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-6-13 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гнатюк Ольга Александровна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ);

ORCID: 0009-0007-6680-756X; e-mail: go7605848@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Gnatyuk (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI);

ORCID: 0009-0007-6680-756X; e-mail: go7605848@mail.ru

Original research article

УДК 5.9.8.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-38-47

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF AFFIXAL AND PREFIXAL DERIVATIVES OF ENGLISH AND RUSSIAN TERMINOLOGY OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

A. Davtyan ^{*1}, **N. Ilyina** ², **N. Chernyavskaya** ³

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, prospekt Vernadskogo 82 build. 1, Moscow 119571, Russian Federation;

² Kutafin Moscow State Law University, ulitsa Sadovaya-Kudrinskaya 9 build. 2, Moscow 125993, Russian Federation;

³ MIREA – Russian Technological University, prospekt Vernadskogo 78, Moscow 119454, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: davtyan.anahit@gmail.com

Received by the editorial office 16.04.2024

Revised by the author 24.06.2024

Accepted for publication 08.08.24

Abstract

Aim. The aim of this study is to conduct a comprehensive analysis of affixal and prefixal derivatives of terms in international humanitarian law in English and Russian languages, including not only core terms of international humanitarian law but also general terms, commonly used words in the national language, and function words.

Methodology. The research we conducted employed a multifaceted methodology to analyze affixal and prefixal derivatives in the terminology of international humanitarian law, in both English and Russian languages. Synchronous analysis method systematically organizes the vocabulary and establishes systemic relationships. Comparative-contrastive analysis method reveals the specifics of multilingual terms and forms the basis of language for special purposes in the field of international humanitarian law. Cognitive-conceptual analysis method determines and justifies the features of cognitive professional activity. The study also includes a comparative approach, which analyzes concepts of international humanitarian law in English and Russian based on the translation of legal documents. The goal is to establish the degree of equivalence and discrepancies in the definitive features of concepts in this legal field.

Results. The analysis of the terminology in this legal sphere showed that several derivatives can be formed from the same root morpheme, collectively referred to in linguistics as a derivational nest. This is understood as a "complex unit of the derivational system, representing an ordered set of all derivatives with the same root, linked by relationships of immediate or mediated derivativeness to one non-derived (basic) word, which is called the apex of this nest". The analysis revealed that terms derived from the same base, thanks to suffixes determining meaning, can denote processes, results of processes, and agents: peacemaking – peacemakers, diplomacy – diplomat, and so forth. The study of Russian prefixal derivatives allowed us to identify a multitude of terms with antonymous prefixes in their morphemic structure, which can be expressed by the following prefixes: anti-; de-; dis-; un-. According to the research findings, most affixal terms in international humanitarian law involve both prefixes and suffixes. Suffixes, essentially, represent a common means of terminological formation, which, in turn, reflects the complexity of terminology.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in the fact that our analysis of affixal and prefixal derivatives of English and Russian terms in international humanitarian law opens up prospects for further development of terminological studies, language theory for specific purposes, lexicography, terminography, theory of intercultural communication, and translation theory.

The research materials can be applied in compiling terminological dictionaries and in work on the systematization, unification, and standardization of terms in international humanitarian law. The collected material and the results of the comparative study can also be used in university courses in linguistics, history of linguistics and history of the English language, general and specific lexicology, terminology, theory of translation in the legal field.

Keywords: affixal terms, comprehensive analysis, word formation, suffixal terms, terminology system of international humanitarian law.

For citation:

Davtyan, A. G., Ilyina, N. Yu. & Chernyavskaya, N. E. (2024). Comprehensive analysis of affixal and prefixal derivatives of English and Russian terminology of international humanitarian law. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 38–47. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-38-47>

Научная статья

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ АФФИКСАЛЬНЫХ И ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ТЕРМИНОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Давтян А. Г.¹, Ильина Н. Ю.², Чернявская Н. Е.³

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация;

² Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2, Российская Федерация;

³ МИРЭА – Российский технологический университет, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 78, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: davtyan.anahit@gmail.com

Поступила в редакцию 16.04.2024

После доработки 24.06.2024

Принята к публикации 08.08.24

Аннотация

Цель. Проведение комплексного анализа суффиксальных и префиксальных производных терминов международного гуманитарного права в английском и русском языках, включающего, наряду с основными терминами международного гуманитарного права, общие термины, общепринятые слова национального языка, служебные слова.

Процедура и методы. В проведённом нами исследовании использована многоаспектная методология, в том числе: метод синхронного анализа; метод сравнительно-сопоставительного анализа, который позволяет анализировать понятия международного гуманитарного права на английском и русском языках на основе перевода юридических документов с целью установления степени эквивалентности понятий в этой правовой области и расхождений в их опреде-

лённых характеристиках; метод когнитивно-концептуального анализа. Материалом для нашей статьи послужила терминология международного гуманитарного права, выявленная приёмом сплошной выборки из англо-русских юридических словарей, толковых и энциклопедических юридических словарей, в том числе электронных.

Результаты. Анализ терминологии данной правовой сферы показал, что от одной и той же корневой морфемы может быть образовано несколько производных, совокупность которых определяется в лингвистике как словообразовательное (или деривационное) гнездо. По результатам исследования было установлено, что в образовании большинства аффиксальных терминов международного гуманитарного права, участвуют префиксы и суффиксы. Суффиксы представляют собой распространённое средство терминообразования, которое, в свою очередь, отражает комплексность терминологии. Проведённый анализ показывал, что произведённые от одной и той же основы термины благодаря суффиксу, определяющему значение, могут обозначать процесс, результат процесса, деятеля: *мировотворчество* – *мировотворцы*, *дипломатия* – *дипломат* и т. д. Исследование английских производных позволило выявить множество терминов, имеющих в морфемном строении антонимичные префиксы, которые могут быть выражены следующими префиксами: *anti-*; *de-*; *dis-*; *un-*.

Теоретическая и/или прикладная значимость. Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведённое нами исследование аффиксальных и префиксальных производных английских и русских терминов международного гуманитарного права своими результатами открывает перспективы для дальнейшего развития терминоведения, теории языка для специальных целей, лексикографии, терминографии, теории межкультурной коммуникации, теории перевода. Материалы исследования могут быть применены в практике составления терминологических словарей, в работе по систематизации, унификации и стандартизации отраслевой терминологии международного гуманитарного права. Собранный материал и полученные результаты сопоставительного исследования могут быть также применены в вузовских курсах по языкознанию, истории языкознания и истории английского языка, общей и частной лексикологии, терминоведению, теории перевода в правовой сфере.

Ключевые слова: аффиксальные термины, комплексный анализ, словообразование, суффиксальные термины, терминосистема международного гуманитарного права

Для цитирования:

Давтян А. Г., Ильина Н. Ю., Чернявская Н. Е. Комплексный анализ аффиксальных и префиксальных производных английских и русских терминов международного гуманитарного права // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 38–47. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-38-47>

Introduction

The article presents the research results associated with a multi-aspect analysis of suffixal and prefixal derivatives of English and Russian terms used in the field of international humanitarian law, including both single-component and multi-component terms.

The relevance of the research is determined by both linguistic and extralinguistic factors, among which the following phenomena can be attributed:

– The absence of works related to the study of the relationship between language and international humanitarian law.

– Insufficient study of specialized terminologies comparatively.

– Insufficient study of the contemporary state of terminology in international humanitarian law.

– The absence of works dedicated to the use of general terms in language for specific purposes, common lexicon for verbalizing legal information through specialized terms in situations of armed conflict.

In total, we have examined 1234 terms in English and 1134 terms in the Russian language, functioning in the language for specific purposes in the field of international humanitarian law. The material for our article was based on the terminology of international humanitarian law identified by the method of complete sampling from English-Russian legal dictionaries, explanatory and encyclopedic legal dictionaries, including electronic ones. The following dictionaries of legal terms were used: Vorobiev V. V., Zakirova E. S., Lebedev D. I. "English-Russian Dictionary of Legal Terms and Reference"¹; Makushev P. V., Khridochkin A. V. "International Law: Dictionary-Reference Book"²; Dodonov V. N., Panov V. P., Rumyantsev O. G. "International Law: Dictionary-Reference Book"³; Ilyin Yu. D. "Comprehensive English-Russian and Russian-English Legal Dictionary"⁴; Bushe-Solnye F. "Practical Dictionary of Humanitarian Law"⁵; Borisenko I. I., Saenko V. V. "Modern Russian-English Legal Dictionary"⁶; Avdeeva T. G., Aleshin V. V., Ashavsky B. M. et al. "Dictionary of International Law"⁷; Tikhomirova L. V., Tikhomirov M. Yu. "Legal

Encyclopedia"⁸; Mal'ko A. V. et al. "Legal Encyclopedic Dictionary"⁹ and others.

The study is quite comprehensive and delves into the intricacies of terminological derivation in the context of international humanitarian law. It's clear that the research aims to bridge the gap in the literature by providing a detailed analysis of how affixal and prefixal derivatives function within this specialized legal language, both in English and Russian [1].

The methodology is robust, employing various analytical methods to dissect the structure and formation of terms. The results highlight the complexity of the derivational systems in both languages, with a particular focus on the concept of a "derivational nest," which is a key element in understanding how terms evolve and interrelate within a language¹⁰. The implications of this research are significant for the fields of lexicography, terminography, and translation theory, as it provides a framework for understanding and standardizing terms in international humanitarian law. This can be particularly useful for educational purposes and for professionals working within this field.

The conclusion underscores the importance of prefixes and suffixes in forming terms that are not only linguistically accurate but also conceptually aligned with the systematic nature of international humanitarian law. The study's findings could indeed serve as a foundation for further research and development of terminological systems in this legal sphere.

Overall, the research presents a valuable contribution to the understanding of legal terminology and its application in international contexts. It's a testament to the dynamic nature of language and the need

¹ Воробьев В. В., Закирова Е. С., Лебедев Д. И. Англо-русский словарь юридических терминов и понятий. М.: Прометей, 2020. 404 с.

² Макушев П. В., Хридошкин А. В. Международное право. Словарь-справочник. М.: Прометей, 2017. 570 с.

³ Додонов В. Н., Панов В. П., Румянцев О. Г. Международное право. Словарь-справочник. М.: ИНФРА-М, 1997. 362 с.

⁴ Ильин Ю. Д. Большой англо-русский и русско-английский юридический словарь. С транскрипцией. М.: Живой язык, 2018. 528 с. Further in the text: Ильин Ю. Д. Большой англо-русский и русско-английский юридический словарь.

⁵ Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с франц. Кирпичниковой Е., Алексейцевой Т. М.: Весь мир, 2017. 1018 с. Further in the text: Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права.

⁶ Борисенко И. И., Саенко В. В. Современный русско-английский юридический словарь. М.: ABBYY PRESS, 2010. 487 с.

⁷ Словарь международного права / Авдеева Т. Г., Алешин В. В., Ашавский Б. М. и др.; под ред. С. А. Егорова. М.: СТАТУТ, 2014. 495 с.

⁸ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр: изд-во Тихомирова М. Ю., 2014. 972 с.

⁹ Малько А. В., Нырклов В. В., Игнатенкова К. Е. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2016. 1131 с.

¹⁰ Doebbler C. F. J. Dictionary of Public International Law. London: Rowman & Littlefield Publishers, 2018. 700 p. Further in the text: Doebbler C. F. J. Dictionary of Public International Law.

for continuous study to keep pace with the evolving landscape of international law and communication [2]. The study of legal terminology holds significant importance due to the expansion of international political, military, economic, and business contacts, leading to an active increase in the number of specialized lexical units aimed at facilitating professional communication in the field of law, including in the sphere of international humanitarian law [3].

To study the basic terms and concepts used in legal communication within the framework of international humanitarian law as the newest branch of international law, we have utilized primary international conventions, protocols, the UN Charter, and others. Additionally, we have conducted a comprehensive analysis of terms in international humanitarian law, nominating specific international rules, principles related to the protection of non-combatant (or ceased to participate) individuals, including civilian populations, medical personnel, journalists, wounded, prisoners of war, victims of air and sea disasters, and other individuals entitled to certain guarantees for the protection of their lives. We have also explored terms nominating emblems and distinctive signs used for the identification of protected individuals, civil defense means, places, and objects of cultural value.

Review and analysis of the degree of development of the topic "Comprehensive analysis of affixal and prefixal derivatives of English and Russian terms in international humanitarian law" allow to identify several key points.

– In the last five years, interest in affixal and prefixal derivatives in the terminology of international humanitarian law has significantly increased. This is due to the growing attention to the linguistic aspects of this area, as well as to the strengthening of interaction between English-speaking and Russian-speaking specialists in this field.

– It is important to note that comprehensive analysis of affixal and prefixal derivatives includes not only the study of specific suffix-

es and prefixes, but also their functional significance in the formation of the terminology of international humanitarian law. This approach allows for a deeper understanding of the specificity of term formation and their semantic load [4].

– In the context of recent research, an increase in the number of works devoted to the comparative analysis of English and Russian terms in international humanitarian law, taking into account their affixal and prefixal structure, can be noted. This indicates a growing interest in the linguistic features of this area.

– Thus, it is important to say that the topic of comprehensive analysis of affixal and prefixal derivatives of English and Russian terms in international humanitarian law has received increased attention over the past five years, which indicates its relevance and potential for further research.

Analysis of Suffixal Derivatives of English and Russian Terms in International Humanitarian Law

During the analysis of affixal single-component terms of diverse-structured languages of international humanitarian law, we have found that the suffixal method of term formation is more pronounced. Among the most productive suffixes in the English language is the suffix "-ing," contributing to the creation of names:

processes and actions: bargaining, foraging, hearing, reforming, peacebuilding, peacekeeping, peacemaking, self-executing, suffering;

results of action: boarding, screening, smuggling. We have also identified that in English terminology of humanitarian law, suffixes "-tion" and "-sion" are highly productive: adjudication, adoption, annexation, assimilation, capitulation, convention, coalition, compassion, competition, commission, confederation, demobilization, democratization, desertion, evacuation, injunction, liberation, militarization, persecution, protection, reconciliation, revolution, victimization, etc. Additionally, productive English suffixes

creating derivatives with specific meanings include "-er/-or," for example: adjudicator, bystander, commander, conciliator, fighter, prisoner of war, privateer, surrender, waiver, etc [5]. We have found that a small number of derivatives are formed using what we consider less productive suffixes such as "-age" and "-ance," for example: advantage, allegiance, ambulance, assistance, avoidance, bondage, espionage, pillage, etc [5]. Furthermore, within the English terminological system, derivatives formed using suffixes "-ity" and "-ness" are distinguished, imparting the meaning of attribute, property, state, or quality: dignity, diversity, impartiality, impunity, locality, military, neutrality, proportionality, responsibility, ripeness, security, sovereignty, witness [5]. We believe these suffixes have low productivity due to the scarcity of similar terms. In the analysis of Russian suffixal derivatives of terms in international humanitarian law, we have identified that suffixes perform specific terminological functions. Thus, the most productive in the process of forming Russian terms are suffixes "-ни[j]-(е)" and "-ени[j]-(е)," giving the meaning of a subject or phenomenon with procedural significance: *возвращение* (return), *дезавуирование* (disavowal), *депонирование* (deposit), *запрещение* (prohibition), *интернирование* (internment), *истребление* (extermination), *лишение* (deprivation), *наказание* (punishment), *нападение* (attack), *нарушение* (violation), *переселение* (relocation), *похищение* (kidnapping), *правонарушение* (tort), *преследование* (persecution), *преступление* (crime), *признание* (recognition), *принуждение* (coercion), *прекращение* (cessation), *разоружение* (disarmament), *разрешение* (permission), *соблюдение* (compliance), *спасение* (rescue), etc¹. The study of the meanings of suffixes "-ни[j]-(е)" and "-ени[j]-(е)" has shown that a certain parallel can be drawn between this Russian suffix and the English suffix "-ing." Firstly, these suffixes are highly productive in both lan-

guages, particularly actively used in forming noun terms in the terminology of international humanitarian law. Secondly, both suffixes exhibit a direct connection with conceptual semantic space. Thirdly, both suffixes have categorical meanings of "actual process" and "action," conceptually meaningful and objectified as a noun [5]. Similar to the suffix "-ing," suffixes "-ни[j]-(е)" and "-ени[j]-(е)," creating noun names with procedural meanings, allow terms to be grouped into specific classes.

Suffixes with a high degree of productivity include "-к-(а)" and "-ац[и]-(а)/-яц[и]-(а)," for example: *бомбардировка* (bombing), *миграция* (migration), *компенсация* (compensation), *высылка* (expulsion), *декларация* (declaration), *делимитация* (delimitation), *демаркация* (demarcation), *демиитаризация* (demilitarization), *декриминализация* (decriminalization), *интеграция* (integration), *легализация* (legalization), *мобилизация* (mobilization), *нейтрализация* (neutralization), *натурализация* (naturalization), *оговорка* (reservation), *оптация* (option), *оккупация* (occupation), *повестка* (summons), *проверка* (verification), *редемаркация* (redemarcation), *ректификация* (rectification), *репатриация* (repatriation), *реинтеграция* (reintegration), *сегрегация* (segregation), *трансформация* (transformation), *эвакуация* (evacuation), *эксплуатация* (operation), etc. The suffix "-ость" indicating the *безнаказанность* (impunity), *безопасность* (security), *дееспособность* (legal capacity), *законность* (legality), *легитимность* (legitimacy), *нейтральность* (neutrality), *неприкосновенность* (inviolability), *неотчуждаемость* (inalienability), *ответственность* (responsibility), *правосубъектность* (legal personality), *соразмерность* (proportionality), etc².

We have identified terms in the Russian terminology of this legal sphere, morpho-

¹ Ильин Ю. Д. Большой англо-русский и русско-английский юридический словарь.

² Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права.

logically consisting of the suffix "-(и)-т-ель," giving such meanings as:

an object that performs an action (restrictor, indicator);

performer of an action (liberator, violator, witness);

principle (estoppel). During the analysis of English and Russian derivational suffixal terms in international humanitarian law, certain similarities were discovered in the terminological systems of these two languages, namely: 1) among single-component derivative terms in the terminology systems of the investigated languages, there is a predominance of verbal nouns; 2) suffixes having the meaning of categorical belonging are highly productive; 3) equivalence of derivative terms with the suffixes "-ing" and "-ни[j]-(е)" is observed, the positive property of which facilitates overcoming difficulties in professional communication among representatives of different languages [6]. We believe that in terminology, the main requirements imposed on the derivational nest are: 1) the presence of the nest base, i.e., a non-derived term; 2) the presence of derivative terms from the non-derived one; 3) structural-semantic and grammatical relationships between derivative terms and the nest base. The study has shown that derivational nests may consist of three and four components, for example: command – commander – commando; defence – defensive – defendant; detainee – detaining – detention¹; diplomacy – diplomat – diplomatic; human – humane – humanity – humanitarian; internee – internal – internally – internment – international; militia – militant – military – militarization; nation – national – nationality – nationalism – nationalization; occupy – occupying – occupation; protect – protecting – protection; гражданин – гражданство – гражданский (citizen – citizenship – civil); диплом – дипломатия – дипломат – дипломатический (diploma – diplomacy – diplomat – diplomatic); закон – законность – законный

(law – legality – legal); миротворцы – миротворчество – миротворческий (peacekeepers – peacekeeping – peacemaker); нейтральный – нейтральность – нейтралитет – нейтрализация – нейтрализованный (neutral – neutrality – neutrality – neutralization – neutralized)².

Analysis of Prefixal Derivatives of English and Russian Terms in International Humanitarian Law

After suffixation, the prefixal method of term formation is the second most productive. There is a considerable number of prefixal single-component terms in the analyzed material.

Unlike suffixes, prefixes can influence the meaning of the created term but do not change the categorical and part of speech belonging of the base.

According to A. I. Smirnitsky, "prefixation in modern English is more characteristic of the verb system" [7]. In this context, prefixes reveal themselves in retained verbal nouns in their morphemic structure. A distinctive feature of the language of the investigated field is the presence of a large number of prefixal verbal nouns with action meaning, which is related to the fact that the studied branch is based on a special human activity connected with a humane mission – protecting human rights in armed conflict situations [8].

The analysis of Russian prefixal derivatives has allowed us to identify numerous terms with antonymous prefixes in their morphemic structure. Taking into account the features of the prefix, we have identified three groups of prefixal terms entering into antonymic relations: terms in the morphemic structure of which antonymous prefixes are present; terms where the antonymic prefix is present only in the morphemic structure of one of the pair; terms where the prefix does not influence antonymy. During the re-

¹ Doeblbler C. F. J. Dictionary of Public International Law.

² Левитан К. М., Одинцова О. А., Павлова С. В. Англо-русский и русско-английский юридический словарь = Англо-русский и русско-английский юридический словарь. М.: Проспект, 2018. 512 с.

search, we have identified that in the English terminological system of international humanitarian law, antonymous relations can be expressed by the following prefixes:

anti-: anti-aggression, anti-personnel;
de-: delegitimation, demobilization, de-spoil;
dis-: disarmament, displacement, disuse;
un-: unaccompanied, unexplode, unnecessary.

As a result of the conducted research, it was established that for English terms of international humanitarian law, the prefix re- is highly productive, conveying the idea of repeating or re-implementing an action, for example: recapture, reconciliation, reconstruction, redoubt, reintegration, resettlement, retreat, etc.

It is also important to emphasize the wide application in the Russian terminological system of this legal branch of units containing the prefix "право" (right), for example, правонарушение (violation of law), правопреемство (succession of law), правосубъектность (legal capacity), правотворчество (lawmaking), etc¹.

From the above, it follows that prefixation can indicate generic (hyper-hyponymic) relations between concepts nominated by these terms.

Conclusions

Thus, as a result of the research, it can be concluded that most affixal terms of international humanitarian law involve both prefixes and suffixes.

Obviously, prefixes can significantly change the meaning of the base word while not altering the categorical and part of speech belonging of the derived term. Considering the quantity of derivatives, predominantly represented by prefixes in both terminologies, it can be noted that they are capable of creating antonym pairs. It is also noteworthy that the same prefixes actively participate in creating relationships of genus

between terms and, subsequently, between concepts. This property of prefixes is undoubtedly significant. It is explained by the fact that the hierarchical relationships underlie the systematic nature of the concepts of international humanitarian law [8]. It has been found that suffixes essentially represent a common means of term formation, which, in turn, reflects the complexity of terminology. It should be noted that through suffixes, the class membership of a particular term can be established. It can be argued that the identified similarity will serve as additional justification for the comprehensive organization of terminology into the terminological system of this legal sphere.

It should be noted that single-component derivative affixal terms of international humanitarian law represent the most common morphological class in the English and Russian terminological systems examined by us. In terms of quantity, the least represented in this group can be considered complex terms.

In conclusion, it is necessary to note, that the theoretical significance of this research is indeed substantial. It not only deepens the understanding of the processes involved in the creation of terminology in the field of international humanitarian law but also lays the foundation for future research in areas such as terminology, specialized language, lexicography, terminography, intercultural communication, and translation theory. This study contributes to the development of methods for the standardization and systematization of terms, which is particularly important for ensuring accuracy and understanding in international legal communication [9]. The theoretical significance of the research is as follows:

1. Development of Terminological Research: The analysis of affixal and prefixal derivatives of terms in international humanitarian law in English and Russian languages expands the boundaries of terminological research, providing new data on the structure and functioning of terms.

2. Theory of Language for Special Purposes: The study aids in understanding the

¹ Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права.

specifics of language for special purposes, especially in the context of international law, which can be useful for developing educational programs and courses.

3. Lexicography and Terminography: The results of the research can be used to create terminological dictionaries, as well as in work on the systematization, unification, and standardization of terms in international humanitarian law.

4. Theory of Intercultural Communication: Understanding affixal and prefixal derivatives of terms is important for ensuring

accuracy and effectiveness in intercultural communication in the field of international law.

5. Translation Theory: The research provides a basis for the translation of legal terms, which is critically important for the correct understanding and interpretation of international documents and legislation.

These aspects underscore the importance of the research for the academic community and professionals working in the field of international humanitarian law and can serve as a foundation for further research in this area.

REFERENCES

1. Alekseeva, L. M. & Mishlanova, S. L. (2021). Age-Old Path of Russian Terminology. In: *Scientific Dialogue*, 9, 9–34. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-9-34 (in Russ.).
2. Lekant, P. A., Dibrova, E. I., Kasatkin, L. L. & Klobukov, E. V. (2019). *Modern Russian language: textbook for the academic bachelor's degree*. Moscow: Yurait publ. (in Russ.).
3. Anisimova, A. G. & Shetle, T. V. (2008). The role of terminology in teaching language for special purposes. In: *Philological sciences*, 3, 83–89 (in Russ.).
4. Volodina, M. N. (2019). Term as a Linguistic Manifestation of Special Concept. In: *Stephanos*, 4 (36), 160–166. DOI: 10.24249/2309-9917-2019-36-4-160-166 (in Russ.).
5. Shelov, S. D. (2018). *Essay on the Theory of Terminology: Composition, Conceptual Organization, Practical Applications*. Moscow: Pervyy tom publ. (in Russ.).
6. Vorobyova, N. M. (2002). *Linguistic means of expressing the ontological categories of "processes" and "qualities": (based on the suffixes of nouns in English and Russian)* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
7. Smirnitky, A. I. (1956). *Lexicology of the English language*. Moscow: Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh publ. (in Russ.).
8. Khomutova, T. N. & Naumova, K. A. (2017). Military-political discourse as a distinctive type of discourse. In: *Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*, 14 (3), 49–53. DOI: 10.14529/ling170307 (in Russ.).
9. Kunilovskaya, M. & Lapshinova-Koltunski, E. (2019). Translationese Features as Indicators of Quality in English-Russian Human Translation. In: *Proceedings of the Second Workshop on Human-Informed Translation and Interpreting Technology (HiT-IT 2019, Varna, Bulgaria, September 5-6)*. Shoumen, Bulgaria: Incoma Ltd., pp. 47–56. DOI: 10.26615/issn.2683-0078.2019_006.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Вековой путь российского терминоведения // Научный диалог. 2021. № 9. С. 9–34. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-9-34.
2. Современный русский язык: учебник для академического бакалавриата / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков; под ред. П. А. Леканта; 5-е изд. М.: Юрайт, 2019. 493 с.
3. Анисимова А. Г., Шетле Т. В. Роль терминологии при обучении языку для специальных целей // Филологические науки. 2008. № 3. С. 83–89.
4. Володина М. Н. Термин как языковое выражение специального понятия // Stephanos. 2019. № 4 (36). С. 160–166. DOI: 10.24249/2309-9917-2019-36-4-160-166.
5. Шелов С. Д. Очерк теории терминоведения: состав, понятийная организация, практические приложения. М.: Первый том, 2018. 598 с.
6. Воробьева Н. М. Языковые средства выражения онтологических категорий «процессы» и «качества»: (на материале суффиксов существительных английского и русского языков): дисс. ... канд. филол. М., 2002. 223 с.
7. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 260 с.

8. Хомутова Т. Н., Наумова К. А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 3. С. 49–53. DOI: 10.14529/ling170307.
9. Kunilovskaya M., Lapshinova-Koltunski E. Translationese Features as Indicators of Quality in English-Russian Human Translation // Proceedings of the Second Workshop on Human-Informed Translation and Interpreting Technology (HiT-IT 2019, Varna, Bulgaria, September 5-6). Shoumen, Bulgaria: Incoma Ltd., 2019. P. 47–56. DOI: 10.26615/issn.2683-0078.2019_006.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anahit G. Davtyan (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Political and Legal Disciplines and Social Communications, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

ORCID: 0000-0003-1262-7161; e-mail: davtyan.anahit@gmail.com

Nadezhda Yu. Ilyina (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department Head, Department of the English Language, Kutafin Moscow State Law University;

ORCID: 0000-0002-8633-0662; e-mail: ilinadezhda@yandex.ru

Natalya E. Chernyavskaya (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, MIREA – Russian Technological University;

ORCID: 0009-0002-3651-4276; e-mail: Nekulya@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давтян Анаит Гагиковна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

ORCID: 0000-0003-1262-7161; e-mail: davtyan.anahit@gmail.com

Ильина Надежда Юрьевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

ORCID: 0000-0002-8633-0662; e-mail: ilinadezhda@yandex.ru

Чернявская Наталья Евгеньевна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры иностранных языков МИРЭА – Российского технологического университета;

ORCID: 0009-0002-3651-4276; e-mail: Nekulya@gmail.com

Original research article

УДК 811.16

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-48-58

POLITENESS IN UNIVERSITY STUDENT – TEACHER EMAIL COMMUNICATION: A CROATIAN TEACHERS' PERSPECTIVE

K. Kolar

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, ulitsa Miklukho-Maklaya 6,
Moscow 117198, Russian Federation*

e-mail: klara.kolar96@gmail.com

Received by the editorial office 23.01.2024

Revised by the author 16.02.2024

Accepted for publication 26.02.2024

Abstract

Aim. The aim of the article is to get an initial insight into how Croatian university teachers perceive their students' e-mails in terms of politeness.

Methodology. The given study incorporates a small-scale qualitative and quantitative analysis of data collected via a meticulously designed questionnaire, administered to a group of Croatian university teachers focused on their perception of their students' emails.

Results. The study found that although Croatian teachers express general satisfaction with students' etiquette, they note problems that indicate insufficient development of students' communicative competence. This is due to students' lack of knowledge of politeness strategies and their lack of awareness of social distance and power distance. Thus, the author emphasizes the need for teaching electronic etiquette in the Croatian higher education system and proposes to introduce a special course on electronic communication etiquette into educational programs.

Research implications. Although the study is based on a rather limited amount of material, it provides an initial understanding of the problems that arise in the e-mail correspondence of students and teachers at Croatian universities and motivates for further research, justifying the introduction of comprehensive education in the field of netiquette at the university level. The importance of understanding the meaning of polite communication and mastering politeness strategies for the development of socio-cultural communicative competence, especially in the academic context, is emphasized, as well as the need for further research into the texts of Croatian students' e-mails in order to identify problems and formulate appropriate recommendations for their solution.

Keywords: politeness, email communication, netiquette, higher education, academic discourse, Croatia

For citation:

Kolar, K. (2024). Politeness in university student – teacher email communication: a Croatian teachers' perspective. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 48–58. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-48-58>

Научная статья

ВЕЖЛИВОСТЬ В ОБЩЕНИИ ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ МЕЖДУ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ И СТУДЕНТАМИ – ВЗГЛЯД ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Колар К.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация
e-mail: klara.kolar96@gmail.com

Поступила в редакцию 23.01.2024

После доработки 16.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Аннотация

Цель данного исследования – выявить, как преподаватели хорватских университетов воспринимают электронные письма своих студентов с точки зрения вежливости.

Процедура и методы. Исследование включает качественный и количественный анализ данных, собранных с помощью тщательно разработанной анкеты, заполненной преподавателями хорватских университетов и ориентированной на восприятие ими электронных писем своих студентов.

Результаты. В результате проведённого исследования выяснилось, что, хотя хорватские преподаватели выражают общее удовлетворение этикетом учащихся, они отмечают проблемы, свидетельствующие о недостаточном развитии коммуникативной компетентности учащихся. Это вызвано незнанием студентами стратегий вежливости и недостаточной их осведомлённостью о социальной дистанции и дистанции власти. Таким образом, автором подчёркивается необходимость обучения электронному этикету в системе высшего образования Хорватии и предлагается ввести специальный курс по этикету электронной коммуникации в учебные программы.

Теоретическая и практическая значимость. Хотя исследование выполнено на достаточно ограниченном материале, оно даёт первоначальное представление о проблемах, возникающих при переписке студентов и преподавателей по электронной почте в хорватских университетах, и мотивирует к дальнейшим исследованиям, обосновывает введение всестороннего образования в области сетевого этикета на университетском уровне. Подчёркивается важность понимания значения вежливого общения и владения стратегиями вежливости для развития социокультурной коммуникативной компетентности, особенно в академическом контексте, а также необходимость дальнейшего исследования текстов электронных писем хорватских студентов, с целью выявления проблем и формирования соответствующих рекомендаций для их решения.

Ключевые слова: вежливость, стратегии вежливости, общение по электронной почте, электронный этикет, академический дискурс, Хорватия

Для цитирования:

Колар К. Вежливость в общении по электронной почте между преподавателями и студентами – взгляд преподавателя // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 48–58. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-48-58>

Introduction

In an era where education is increasingly embracing digital transformation [1; 2; 3; 4], and especially following the global COVID-19 pandemic, computer-mediated communication (CMC) has emerged as the cornerstone of interaction between teachers and students [5; 3]. As the landscape of education and communication evolve, the significance of adhering to a unique set of digital communication rules (i.e. netiquette) has become more pronounced. However, a lack of knowledge about these rules seems to be a key obstacle in digital communication, often leading to misconceptions or breakdowns [1; 6; 7; 8]. The repercussions of neglecting netiquette can extend beyond mere miscommunication, potentially leading to negative consequences, especially in academic settings, due to a palpable social and power distance and a status difference between university teachers and students across cultures [9; 10; 11, among many others].

While existing research regarding netiquette in academic communication often delves into how netiquette is (mis)applied by students (or rather how students construct emails and (mis)use politeness in it), a critical aspect of it – namely, how teachers perceive such misapplication and communication in general – remains overlooked. While the usage and application of politeness is of crucial importance, focusing solely on observable behaviours may result in the presentation of one-sided, exclusively student-focused, results and views. To achieve a more comprehensive understanding of this topic, it is essential to explore both the application of communication etiquettes by students and the perception of this application by teachers.

Politeness is a culture-specific phenomenon. As it is a broadly accepted “the same verbal or non-verbal act can be considered polite in one culture and perceived as inappropriate or even rude in another” [12, p. 196]. While more interest has been developed and employed for the purpose of politeness research in various cultures, many

(smaller) cultures, e.g. the Croatian culture, have been overlooked [13]. This investigation is a pivotal part of an on-going, broader study examining politeness in student-teacher email communication across diverse cultural contexts, including Croatia, Russia, and the United States [13].

This article aims to shed light on the largely unexplored territory of perception of students’ politeness in email communication by teachers in Croatian universities. In other words, the article aims to find out how satisfied university teachers are with their students’ email messages in terms of politeness. The hypothesis driving this study posits that besides the lack of communicative competence, potential differences and peculiarities of youth communication might also affect the perception of politeness in students’ emails, as the teachers may not always see them as polite.

The research employs a dual-method approach, combining qualitative and quantitative analyses of data collected via a carefully designed questionnaire distributed on a small scale.

In particular, we believe these concerns might be especially connected to the students’ perceived inability to navigate the delicate balance of social and power distance in their communication with teachers. The research questions we were interested in were as follows:

1. Are teachers overall satisfied or dissatisfied with their students’ communication in the context of applied politeness?
2. How often do teachers come across dissatisfactory levels of politeness in email communication with their students?
3. What do the teachers think the main issues in student-teacher email communication are?
4. How can these issues be solved?

Politeness and politeness theory – general review and academic contexts

Politeness as a socio-linguistic phenomenon which varies in different contexts and

groups [14; 15; 16, and many others]. According to Watts [16], it is “one of the means by which we are able to adapt our behaviour to that which is appropriate to the social interaction type, which we are involved” [16, p. 143]. It is not something we are born with, “but something we have to learn and be socialised into” [16, p. 4].

The theory of politeness developed by Brown and Levinson [17] stands out as one of the most renowned and influential. It centres on the preservation of one's face, defined as “the public self-image that every member wants to claim for himself” [17, p. 61]. While this theory significantly contributed to the development of politeness-related ideas in linguistics, it faced substantial criticism, particularly for asserting the universality of politeness and exhibiting an Anglocentric bias [12; 15; 18; 19; etc.]. This critique highlights the disregard for cultural differences in the study of politeness based on their theory. Consequently, the politeness theory has evolved with a greater emphasis on a discursive approach to politeness [2; 18; 19 and many more] and a pragmatic socio-cultural context, particularly concerning cross-cultural disparities in various cultures [12; 19; 20].

According to Locher and Watts [19], politeness is a “discursive concept arising from interactants' perceptions and judgments of their own and others' verbal behaviour” [19, p. 13]. This concept is categorized into first order politeness (politeness1) and second order politeness (politeness2). Politeness1 pertains to how individuals perceive social behaviour and employ the term “polite(ness),” while politeness2 refers to politeness as a theoretical concept with varying degrees [19, p. 14-15]. Given that the focus in this article is on politeness1, i.e. the understanding of politeness in the Croatian academia, the politeness referred to here, is politeness1.

As mentioned in the introduction, understanding politeness is crucial for quality conversations, meaning research focused on politeness (in the linguistic sense, and particularly in digital communication) is of

great importance. Therefore, the approach adopted here is grounded in Brown's and Levinson's theory, but with a pragma-discursive emphasis and focus on Croatian culture, particularly on the perception of politeness in student-teacher email communication.

Additionally, as suggested, the topic of politeness in student-focused and academic communication, especially in digital formats, is not a new topic. With the heavy influence of digitalization, mentioned in the introduction, and the rising popularity and development of academic mobility, politeness has been explored from several university/school-focused points of view. For example, many linguists, including M. Alemi and Z. Maleknia [1], M. Almoaily [6], P. Salazar Campillo [9], and R. Eslami Zohreh, K. Wei-Hong [2] took a thorough look at the structural and grammatical application of politeness either through various politeness markers [1] or with a focus on facework in specific email parts and grammatical and syntactical elements used in them [2; 6; 9]. Such approaches have allowed us to delve into the perception and application of politeness in email communication on behalf of students from different cultures, in their native and non-native languages, and on a macro (structural) and micro (marker-based) level. Furthermore, plentiful research was conducted with a keen interest in how politeness is employed with regard to specific face-threatening acts [10], especially given the potential culturally-dependent power and social distance between teachers and students in various cultures [5]. Many of these studies, and other research, focused on various types of mistakes that student may make in digital communication, and certain research even focused on how netiquette in specific cultural contexts could be improved and addressed [8]. Indeed, these and many topics have been discussed, with a rising introspection in the context of new social media, class-performing options and environments, and multicultural classes. However, to the author's knowledge, there has not been research focused solely on teachers' take on

all of these topics, and particularly their opinion on politeness as applied by students. Additionally, apart from the research conducted by the author [13], there have been no studies focused on politeness in Croatia. This was exactly the reason for and the motivation behind this research, which is why the next several pages will be dedicated to the methodology used in this study (on the analysis of the perception of students' politeness in email communication from the point of view of their teachers), and the results received from it.

Methodology

For the purpose of data collection, a questionnaire aimed at assessing Croatian university teachers' level of satisfaction with their students' application of politeness in email communication was designed. It consisted of ten questions and a comment section, where participants could express anything they wished to add on the topic discussed. The questionnaire consisted of 2 parts. Part 1 contained three questions focused on the respondents' university-related work experience (the institution they work in, their position, and the length of experience they've acquired working in the higher education system). Part 2 had seven questions focused on the frequency of email communication with students, medium used for this purpose, most common issues in this context and their effect on the perception of politeness, as well as potential solutions for them (See Appendix 1).

Some of the questions were multiple choice questions, while some were open type questions. The results of the questionnaire (i.e. the responses to the questions) were then collected and analysed quantitatively and qualitatively, with the main focus being on gaining an initial insight into how satisfied university teachers are with email communication with their students and how they think potential issues in this regard might be resolved.

The questionnaire was completed by altogether 13 teachers from three Croatian

universities: the majority (11/13) work at VERN' University, a private university in Zagreb, while one works at the University North, and one at the University of Zagreb, both of which are public universities. The overwhelming majority of participants have worked in the higher education system for 14 or more years, and the average duration of all participants' employment in the system is 16.35 years.

Results

The analysis of the results showed that 53.8% of participants use electronic media to communicate with their students daily, and 46.2% to do so weekly. Furthermore, 84.6% primarily use email for such communication, whereas 15.4% use other media (they used the comment section to mention they use Teams or their university's communication app).

While discussing their satisfaction level with their students' approach and politeness level in this type of communication, 53.8% of participants expressed they were mostly happy with how their students addressed them, whereas 46.2% said they were partially satisfied with it. When asked about the occurrence of emails perceived as dissatisfactory, 46.2% of participants stated they received (politeness-wise) unsatisfactory emails several times a year, 38.5% claimed this happened several times a month, and the remaining participants claimed they either never receive such emails (7.7%), or that they receive them less than once a year (7.7%).

Finally, when it comes to the questions in which the participants could express their concerns, causes for dissatisfaction and, in general, thoughts with regards to students' communication, their answers provided interesting information.

When asked what bothers them the most within the frames of communication with their students (politeness-wise and in general), 34.86% of participants expressed the main issues they have are related to students' poor structuring of email (no introduction

or initial greeting, messages containing attachments without any text, empty email subjects) and the usage of inappropriate/misleading email addresses, for which they blame the students' lack of understanding of how emails function.

Furthermore, 30.07% of participants claimed they do not like the tone and style some of their students use (which they described as "demanding", "aggressive", "passive-aggressive", or "too nonchalant"). Finally, 15.38% were dissatisfied with the students' orthography skills and the verbiage they use (including many orthographic mistakes and misspelling). Only 15.38% stated they were happy with their students' communication. However, one of the respondents from the last group stated that, "while they had no issues with their students' communication, their colleagues probably would have" (potentially referring to the relaxed tone of their correspondence). Having said that, it is safe to conclude that the issues participants observe mostly arise from the students' lack of understanding with regard to politeness and communication competence on the one hand, and literacy on the other.

The next question required the participants to discuss what they believe is the biggest/most common issue in the communication between Croatian university students and teachers (within the frames of politeness, and in general). Firstly, 30.07% of participants stated that the biggest issue in their opinion stems from the fact that students do not understand and respect the difference between themselves and their professors status-wise, resulting in a lack of proper politeness and communication competences. These responses address that there is a certain social and power distance between university teachers and students in Croatia, which is supposed to be upheld and understood – which the students either do not understand, or do not know how to apply in email context. In fact, one of the respondents in the questionnaire went as far as to say that "respect towards university teachers, the authority they (should) hold and the financial

aspect of their work is not recognized, not only in email and by their students, but in general", even further emphasising how the social distance that is expected is often not respected.

On the other hand, 23.07% of respondents cited students' lack of attention (in the construction of emails, but also in class), which results in faulty literacy levels, as the main issue in student email communication. While a lack of attention may not be a direct sign of impoliteness, it could result in being viewed as such. This is emphasised by one of the participants in this group who suggested that "not putting effort and taking your time while doing something", thus leading somebody else to waste their time, "can definitely be seen as impolite".

Moreover, 15.38% of respondents emphasised orthography and wording (i.e. students' issues in this regard) as the prevailing issue, whereas the remaining 15.38% of participants, interestingly, gave opposing responses. To be more precise, 7.69% of participants believe the issues in student-teacher email communication stem from a generational gap (between students and university staff). The remaining 7.69%, on the other hand, simply stated that students in general tend to be impolite and "each new generation of students acts more impolitely", although they previously claimed they were somewhat satisfied with the students' communication. Thus, we could conclude that the main source of issues for these participants is also age difference, which may reflect a potential shift in the perception of politeness in Croatia.

Finally, when the participants were asked how issues in university student-teacher email communication could be resolved and whether they thought email standards should be taught, the majority of participants (61.55%) responded they believe university students should be taught (academic) email standards, either within the frames of an individual course or as a part of an already existing course (e.g. communication courses, sociology courses, media courses etc.). Out of the remaining respondents, 23.07%

believe students learn enough about email standards through other courses, whereas 15.38% are not sure if a course would be helpful, as they also partially think students are already taught enough.

Discussion

On the basis of this small-scale, but informative questionnaire, we believe several points should be discussed. Once again, we must emphasise that, since this is the first research of this kind and the number of respondents is very limited, we shall consider their responses as preliminary results and a first insight only.

First and foremost, it seems that, email correspondence has become a popular medium for academic communication between teachers and students, which corresponds with the research [2; 4; 7; 20]. The popularity of this media is further corroborated by the fact that all respondents in the questionnaire communicate with their students via email at least once a week.

Secondly, it has been concluded that, while there are no official courses on email communication intended for university students (at least not in the universities the respondents teach), on average, teachers seem to be more or less satisfied with their students' level of email communication. However, the majority of respondents also believe there is significant space for improvement with regards to the quality of students' email communication with teachers. This especially applies to the students' ability to structure emails, use proper wordage and phrasing, and, in general, be more careful and observant, so as not to miss or disregard any fields etc. Additionally, it would appear that, while some Croatian students seem to understand and respect the social and power distance between themselves and their teachers, some either do not or struggle to project this distance in their emails, resulting in dissatisfying communication scenarios, as predicted in the introduction. This might be explained by a few reasons both personal and social: (1) the lack of communicative

skills and ignorance of politeness strategies by students, (2) democratisation of communicative norms in asymmetrical contexts, (3) changes in teacher – student roles in Croatian academy [10]. However, given that no real-life examples of such issues were given, discussed or analysed, for more specific and detailed results further research on the topic is needed, so as to establish how the given issues can be resolved.

Finally, the responses in this questionnaire confirm there is a need for more extensive education in the context of academic email communication, ideally in the form of a course on this topic. According to the responses, it could be concluded that, while students do learn about email guidelines within the frames of other courses, a separate course dedicated to email standards would be useful, as it might help them develop communicative competences. For this purpose, research focused on emails by Croatian students, including their level of grammatical knowledge, the politeness markers they used and the politeness strategies they applied, should be conducted to see the issues pointed out by their teachers first hand. While there is some introductory research on the topic of email politeness strategies by Croatian students [13], we call for research focused on real-life emails, as it would create more objective and realistic image of their linguistic abilities. With such results, comprehensive guidelines could be constructed for distribution and potential usage in the higher education system in Croatia,

While indicative of certain ideas, this research has limitations which need to be addressed. Firstly, a wider audience should be addressed. Furthermore, apart from the quantity of respondents, their "quality" (or rather their educational characteristics and place of employment, as well as age and gender characteristics) should be taken into consideration, too. Finally, teachers' age and students' year of study should also be taken into consideration. This would additionally elucidate what issues persist in university student-teacher communication, what areas

should be improved, what areas lost quality etc. Therefore, this research could be used as a mere introduction to a much wider topic.

Conclusion

In conclusion, this article delves into the underexplored realm of politeness and etiquette in email communication within the frames of Croatian higher education system, more explicitly, on the teachers' perspective of their students' level of politeness. In the wake of the digital transformation of education and the pivotal role of computer-mediated communication, the study emphasizes the importance of understanding and navigating the digital surrounding in which such communication takes place, giving special attention to delicate balance of social and power distance in student-teacher interactions.

The findings reveal that, while teachers are overall satisfied with their students' email etiquette, a notable percentage identifies issues dealing with scarcity of communication competence. The findings suggest a lack of awareness regarding social and power distance between teachers and students, which confirms our hypothesis. Additionally, the majority of respondents believe that a course dedicated to email etiquette or a

more thorough integration of this topic into existing curricula would contribute to enhancing students' understanding of proper email communication in academic settings. Importantly, thus, this research advocates for the incorporation of explicit education on email standards into the Croatian higher education system and a creation of guidelines on the topic for better understanding of the application of these standards with the purpose of reducing dissatisfaction and creating more comfortable communication scenarios. Additionally, and for this to be realised, the research also calls for studies focused on (Croatian) students' politeness-based and, in general, linguistic abilities, with the purpose of establishing potential issues teachers emphasises in this research and, thus, creating the said guidelines.

This research will hopefully also lead to more thorough studies and insights into the given topic, helping students develop communicative competences and eventually providing them with a set of guidelines they could use for a higher-quality communication. Thus, it also call for a more detailed introduction of this topic to the Croatian higher education system, as well as a motivation for future studies of this relatively uncharted area.

Appendix 1: Questionnaire – Part 2 (translation)

1. How often do you communicate with your students electronically?
2. Which medium do you use the most while communicating with your students electronically?
3. If you use email to communicate with your students, how satisfied are you with the approach your students apply during such communication (especially politeness-wise)?
4. How often do you get emails from your students which you consider to be of unsatisfactory level (with regards to their approach and politeness-wise)?
5. What bothers you the most within the frames of communication with your students (politeness-wise and in general)?
6. In your opinion, what is the biggest/most common issue in the context of university student-teacher communication (politeness-wise and in general)?
7. In your opinion, how could this issue be solved? Do you think there is a need for guidelines on the standards of (academic) email communication or for structured teaching on such communication (e.g. for this topic to be covered within the frames of various courses)?

REFERENCES

1. Alemi, M. & Maleknia, Z. (2023). Politeness markers in emails of non-native English speaking university students. In: *Russian Journal of Linguistics*, 27 (1), 67–87. DOI: 10.22363/2687-0088-33334.
2. Eslami Zohreh, R. & Wei-Hong, K. (2015). Facework in Non-Face-Threatening Emails by Native and Non-Native English Speakers. In: *Russian Journal of Linguistics*, 4, 111–126.
3. Nguyen, M. H., Gruber, J., Fuchs, J., Marler, W., Hunsaker, A. & Hargittai, E. (2020). Changes in Digital Communication During the COVID-19 Global Pandemic: Implications for Digital Inequality and Future Research. In: *Social Media + Society*, 6 (3). URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305120948255> (accessed: 10.01.2024). DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305120948255>.
4. Wallengren Lynch, M., Dominelli, L. & Cuadra, C. (2022). Information Communication Technology during Covid-19. In: *Social Work Education*, 42 (1), 1–13. DOI: 10.1080/02615479.2022.2040977.
5. Codina-Espurz, V. (2021). The influence of social distance and power in email politeness in an academic context. In: *Estudios Interlingüísticos*, 9, 44–59.
6. Almoaily, M. (2018). Greetings as a politeness strategy in EFL distance learning students' official emails. In: *Linguistics and Literature Studies*, 6 (6), 259–266. DOI: 10.13189/lls.2018.060601.
7. Economidou-Kogetsidis, M. (2011). "Please answer me as soon as possible": Pragmatic failure in non-native speakers' e-mail requests to faculty. In: *Journal of Pragmatics*, 43 (13), 3193–3215. DOI: 10.1016/j.pragma.2011.06.006.
8. Kochkareva, I. V. (2021). Acquaintance with Digital Etiquette: Email Correspondence for Distance Learning. In: *Development of education*, 4 (1), 47–50. DOI: 10.31483/r-97473 (in Russ.).
9. Salazar Campillo, P. (2018). Student-initiated email communication: An analysis of openings and closings by Spanish EFL learners. In: *Sintagma: revista de lingüística*, 30, 81–93. DOI: 10.21001/sintagma.2018.30.05.
10. Zhenovich, C., Larina, T. V. & Ozyumenko, V. (2023). Culture and identity in critical remarks: A case study of Russian and Israeli academic classroom discourse. In: *Pragmatics and Society*, 15 (3), 351–375. DOI: 10.1075/ps.20064.zbe.
11. Zhou, Q., Laiche, S. & Larina, T. V. (2023). Emotional effect of teachers' discourse in a multicultural classroom. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22 (1), 123–137. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.10.
12. Larina, T. (2015). Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. In: *International Review of Pragmatics*, 7 (2), 195–215. DOI: 10.1163/18773109-00702003.
13. Kolar, K. (2022). Politeness Strategies in Croatian University Student-Teacher Email Communication. In: *Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects: Proceedings of the XI International Scientific Conference (Chelyabinsk, April 7–9, 2022): in 2 parts. Part 2*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University publ., pp. 72–76. DOI: 10.47475/9785727118054_72.
14. Locher, M. A. (2004). *Power and Politeness in Action: Disagreements in Oral Communication*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
15. Locher, M. & Larina, T. V. (2019). Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts. In: *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), 873–903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903.
16. Watts, R. J. (2003). *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Leech, G. & Larina, T. (2014). Politeness: West and East. In: *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Linguistics (Russian Journal of Linguistics)*, 4, 9–34.
18. Locher, M. A. & Watts, R. J. (2005). Politeness theory and relational work. In: *Journal of Politeness Research*, 1 (1), 9–33. DOI: 10.1515/jplr.2005.1.1.9.
19. Eslami, Z., Larina, T. V. & Pashmforoosh, R. (2023). Identity, politeness and discursive practices in a changing world. In: *Russian Journal of Linguistics*, 27 (1), 7–38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051.
20. Brown, P. & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алеми М., Малекниа З. Politeness markers in emails of non-native English speaking university students (Маркеры вежливости в англоязычных электронных письмах студентов) // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 1. С. 67–87. DOI: 10.22363/2687-0088-33334.
2. Зохре Ислами Р., Вэй-Хонг Ко. Facework in Non-Face-Threatening Emails by Native and Non-Native English Speakers (Стратегии вежливости в электронных письмах студентов) // *Russian Journal of Linguistics*. 2015. № 4. С. 111–126.
3. Nguyen M. H., Gruber J., Fuchs J., Marler W., Hunsaker A., Hargittai E. Changes in Digital Communication During the COVID-19 Global Pandemic: Implications for Digital Inequality and Future Research // *Social Media + Society*. 2020. Vol. 6. Iss. 3. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305120948255> (дата обращения: 10.01.2024). DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305120948255>.
4. Wallengren Lynch M., Dominelli L., Cuadra C. Information Communication Technology during Covid-19 // *Social Work Education*. 2022. Vol. 42. Iss. 1. P. 1–13. DOI: 10.1080/02615479.2022.2040977.
5. Codina-Espurz V. The influence of social distance and power in email politeness in an academic context // *Estudios Interlingüísticos*. 2021. No. 9. P. 44–59.
6. Almoaily M. Greetings as a politeness strategy in EFL distance learning students' official emails // *Linguistics and Literature Studies*. 2018. Vol. 6. No. 6. P. 259–266. DOI: 10.13189/lls.2018.060601.
7. Economidou-Kogetsidis M. "Please answer me as soon as possible": Pragmatic failure in non-native speakers' e-mail requests to faculty // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. Iss. 13. P. 3193–3215. DOI: 10.1016/j.pragma.2011.06.006.
8. Кочкарева И. В. Знакомство с цифровым этикетом: электронная переписка при дистанционном обучении // Развитие образования. 2021. Т. 4. № 1. С. 47–50. DOI: 10.31483/r-97473.
9. Salazar Campillo P. Student-initiated email communication: An analysis of openings and closings by Spanish EFL learners // *Sintagma: revista de lingüística*. 2018. Vol. 30. P. 81–93. DOI: 10.21001/sintagma.2018.30.05.
10. Zbenovich C., Larina T. V., Ozyumenko V. Culture and identity in critical remarks: A case study of Russian and Israeli academic classroom discourse // *Pragmatics and Society*. 2023. Vol. 15. Iss. 3. P. 351–375. DOI: 10.1075/ps.20064.zbe.
11. Чжоу Ц., Лаши С., Ларина Т. В. Emotional effect of teachers' discourse in a multicultural classroom (Эмоциональный эффект речи преподавателя в мультикультурном классе) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 1. С. 123–137. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.10.
12. Larina T. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. 2015. Vol. 7 (2). P. 195–215. DOI: 10.1163/18773109-00702003.
13. Колар К. Politeness Strategies in Croatian University Student-Teacher Email Communication (Стратегии вежливости в электронной коммуникации хорватских студентов и преподавателей) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Международной научной конференции (Челябинск, 07–09 апреля 2022 г.): в 2-х частях. Ч. 2 / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. С. 72–76. DOI: 10.47475/9785727118054_72.
14. Locher M. A. Power and Politeness in Action: Disagreements in Oral Communication. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2004. 365 p.
15. Лохэр М. А., Ларина Т. В. Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts (Введение в исследование вежливости и невежливости в глобальном контексте) // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 4. С. 873–903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903.
16. Watts R. J. Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 304 p.
17. Лич Дж., Ларина Т. В. Politeness: West and East (Вежливость: Запад и Восток) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 9–34.
18. Locher M. A., Watts R. J. Politeness theory and relational work // *Journal of Politeness Research*. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 9–33. DOI: 10.1515/jplr.2005.1.1.9.

19. Эслами З. Р., Ларина Т. В., Пашмфоруш Р. Identity, politeness and discursive practices in a changing world (Идентичность, вежливость и дискурсивные практики в меняющемся мире) // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 1. С. 7–38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051.
20. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klara Kolar (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
ORCID: 0000-0002-6762-2790; e-mail: klara.kolar96@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колар Клара (г. Москва) – аспирантка кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
ORCID: 0000-0002-6762-2790; e-mail: klara.kolar96@gmail.com

Научная статья

УДК 81-13

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-59-68

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Лукьянова В. С.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал), 143007,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3, Российская Федерация
e-mail: v.lukyanova@odin.mgimo.ru

Поступила в редакцию 26.06.2024

Принята к публикации 08.07.2024

Аннотация

Цель работы – обосновать необходимость применения онтолингвистического подхода для выделения наиболее успешного переводческого инструментария межкультурной передачи художественного текста.

Процедура и методы. Вопросы межкультурной передачи рассматриваются на основе вертикального и горизонтального подходов к компонентному анализу маркеров детской экспрессивной речи на различных уровнях языка. С опорой на используемый метод сравнительно-сопоставительного анализа выделяются основные переводческие сложности, способные приводить к дальнейшей необоснованной интерпретации художественного произведения.

Результаты. Выявляются перспективы междисциплинарного подхода для решения переводческих задач, что позволяет более точно и полно выражать оттенки детской речи в языке перевода. Применение горизонтального подхода способствует более близкой к замыслу автора передачи образа персонажа-ребёнка.

Теоретическая значимость работы заключается в определённом вкладе в междисциплинарный характер переводческой парадигмы на стыке с онтолингвистикой в ракурсе предложенной методологии исследования вопросов перевода детской речи.

Ключевые слова: адекватность перевода, детская речь, онтолингвистический подход, художественный перевод, экспрессивная речь

Для цитирования:

Лукьянова В. С. Возможности применения онтолингвистического подхода в переводе художественного текста // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 59–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-59-68>

Original research article

THE APPLICATIONS OF THE SPEECH DEVELOPMENT APPROACH IN THE TRANSLATION OF A LITERARY TEXT

V. Lukyanova

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
Russian Federation (Odintsovo branch), ulitsa Novosportivnaya 3, Odintsovo 143007, Moscow
Region, Russian Federation
e-mail: v.lukyanova@odin.mgimo.ru*

Received by the editorial office 26.06.2024

Accepted for publication 08.07.2024

Abstract

Aim. To substantiate the need to apply a speech development approach to identify the most successful translation tools for the intercultural transmission of a literary text.

Methodology. The issues of intercultural transmission are considered on the basis of vertical and horizontal approaches to the component analysis of markers of children's expressive speech at various levels of language. Based on the method of comparative analysis, the main translation difficulties that can lead to further unjustified interpretation of a work of art are highlighted.

Results. The prospects for applying an interdisciplinary approach to solving translation problems are revealed, which makes it possible to more accurately and fully express the specifics of children's speech in the translation language. The use of a horizontal approach contributes to the transfer of the image of the child character closer to the author's intention.

Research implications. The theoretical significance of the work is in a certain contribution to the interdisciplinary nature of the translation paradigm at the junction with ontolinguistics in the perspective of the proposed methodology for studying the translation of children's speech.

Keywords: translation adequacy, children's speech, speech development approach, literary translation, expressive speech

For citation:

Lukyanova, V. S. (2024). The applications of the speech development approach in the translation of a literary text. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 59–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-59-68>

Введение

В художественной литературе использование образа ребёнка занимает особое место, нередко передавая авторскую идею с опорой на народную мудрость о том, что «уста́ми ребёнка́ глаголет исти́на». Так, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» в сцене заседания военного совета в Филях образ М. В. Кутузова передаётся через призму понимания шестилетней девочки: «Малаша, которая, не спуская глаз, смотрела на то, что делалось перед ней, иначе понимала значение этого совета. Ей казалось, что дело было

только в личной борьбе между “дедушкой” и “длиннополым”, как она называла Бенигсена ...»¹. Такое представление персонажа передаёт особую чистоту, правоту и теплоту через призму образа ребёнка. Когда художественное произведение трактуется в переводческом ракурсе, нередко образ ребёнка становится малофункциональным, если не сказать исключительно декоративным. Данное

¹ Толстой Л. Н. Война и Мир. Том 3. Часть 3 // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.229/index.html> (дата обращения: 10.05.2024).

отношение опасно неадекватной интерпретацией художественного произведения и способно привести к значительным коммуникативным потерям в процессе его межкультурной передачи. В предлагаемом исследовании затрагиваются проблемы межкультурной передачи художественного текста, рассматриваемые на примере перевода рассказа американского писателя Дж. Д. Сэлинджера *"A Perfect Day For Bananafish"*¹ («Хорошо ловится рыбка-бананка»). Акцентируя внимание на междисциплинарном характере современной переводческой парадигмы, целесообразно выделить точки соприкосновения разных подходов, в рамках которых учитываются необходимые для данного исследования понятия (языковая и культурная картина мира, детская импрессионная и экспрессивная речь, вертикальный и горизонтальный подходы к анализу детской речи), анализируются проблемы перевода диалогических реплик ребёнка на основании их типологических характеристик, затрагивая фонетический и лексико-грамматический уровни языка.

Теоретико-методологическая база

Проблема перевода детской речи в контексте художественной литературы представляет собой сложный феномен, передающий особую стилистическую и прагматическую информацию через характерные детскому речевому поведению маркеры, которые лишь усложняют традиционные переводческие трудности, такие как несовпадения на лексико-грамматическом уровне (семантика, реалии и др.). Актуальность межкультурной адаптации детской экспрессивной речи в художественном тексте обусловлена прагматическими факторами, указывающими на необходимость использования методов онтолингвистического анализа речи, направленного на адекватную передачу

информации с точки зрения намерения автора, целевой зрительской аудитории, социальных, культурных и др. традиций в языке оригинала и перевода. Данное исследование показывает, что в рассматриваемом тексте оригинала и перевода заключена информация, содержащая вербальные возрастные маркеры, требующие интерпретации в процессе перевода.

В условиях данной работы под онтолингвистическим подходом в переводе подразумевается подход к анализу детской речи на основе достижений онтолингвистики как раздела лингвистики в рамках антропоцентрической парадигмы, изучающей онтогенез речи, представляющий собой формирование речевой способности, возникновение индивидуального языка с его дальнейшим развитием, а также дальнейшие возрастные языковые изменения. Подобное исследование стало возможным благодаря фундаментальным трудам С. Н. Цейтлин, А. Н. Гвоздева, К. В. Солнцевой, в которых детская речь активно изучается с позиции лингвистики, а также работам в области психологии Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, Е. В. Шереметьевой и психолингвистики в исследованиях А. М. Шахноровича, Д. Слобина, В. Штерна и др.

Вертикальный и горизонтальный подходы онтолингвистики

На ценность онтолингвистических исследований указывают работы современных лингвистов, в которых детская речь рассматривается как значимый этап формирования языковой способности, а также как особый вид деятельности, обладающий относительно самостоятельным выражением с характерной сложной структурой, с присущими ей специфическими целями и мотивами. Несмотря на внешнее сходство инструментов такой деятельности с инструментом, используемым взрослыми носителями языка в речи взрослых и детей, они функционируют по-разному в силу различного семантического наполнения [1].

¹ Salinger J. D. *A Perfect Day for a Bananafish* // Salinger J. D. *Nine Stories*. New York: Little, Brown and Company, 1981. P. 21–25. Далее – Salinger J. D. *A Perfect Day for a Bananafish*.

Изучение детской речи реализуется через вертикальный подход, рассматривающий её в сопоставлении со взрослым эталоном. Такая позиция представлена в исследованиях экспрессивной (продуктивной) детской речи в качестве так называемого детского юмора и в исследованиях импрессивной (обращённой) речи, принимающей активное участие в формировании речи ребёнка, на примере детских художественных и аудиовизуальных произведений [2, с. 7–10]. Применение вертикального подхода представлено в исследованиях перевода детской импрессивной речи на примере работ таких переводчиков, как С. Я. Маршак и К. И. Чуковский. Не менее важным средством компонентного и семантического анализа может послужить горизонтальный подход, согласно которому детская речь изучается исходя из её характеристик на конкретном этапе освоения языка ребёнком. Это особенно важно, когда речь идёт о переводе «недетского» художественного произведения, но с привлечением персонажа-ребёнка, что требует усилий для воспроизведения аутентичности речи ребёнка, отражая языковое отношение между «нормой и узу-сом (обиходом)» [3, с. 113]. По мнению Г. Т. Хухуни и И. И. Валуйцевой, являясь сложным процессом, перевод должен нести признаки «художественности» для «реципиентов принимающей культуры», максимально передавая при этом «лингвистилистические особенности, присущие автору исходного текста» [4, с. 158; 5, с. 47–48].

Проблема передачи детского речевого компонента в художественном тексте

Таким образом, определение наиболее продуктивных переводческих подходов и средств межкультурной передачи детской речи в художественном тексте представляет собой цель настоящего исследования. Особое внимание уделяется выявлению наиболее важных типологических характеристик коммуникативно-

речевого поведения ребёнка на определённом этапе освоения языка и речи и иллюстрируется примерами качественного анализа рассказа американского классика Дж. Сэлинджера *“A Perfect Day For Bananafish”* и его переводов, выполненных Р. Р. Ковалевой¹, М. Бирюлиной-Жудро² и М. Немцовым³.

Перевод Риты Райт-Ковалёвой является самым известным. В её переводе русское название рассказа звучит как «Хорошо ловится рыбка-бананка». Название рассказа по-разному передано у других переводчиков: «Лучший день банановой рыбы» (пер. В. Голышева и Э. Наппельбаума), «Чудный день для банановой рыбки» (пер. С. Махова), «Самый день для банабульки» (пер. М. Немцова), а также «Отличный день для селёдки» (пер. неизвестен, 1962 г.). В силу того, что центральной точкой рассказа является диалог с маленькой девочкой, стоит обратить внимание и на то, что в самом слове *bananafish* семантика содержит налёт детскости: помимо популярного идиоматического выражения *go banana*, означающего «сойти с ума», эта лексема является высокочастотной в детском дискурсе начиная с самых ранних этапов освоения языка: она присутствует в популярной

¹ Сэлинджер Дж. Хорошо ловится рыбка-бананка // Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи; Выше стропила, плотники: повести; Хорошо ловится рыбка-бананка; Человек, который смеялся; Голубой период де Домье-Смита; Лапа-растяпа: рассказы / пер. с англ. и предисл. Р. Райт-Ковалевой; 2-е изд. М.: Молодая Гвардия, 1967. С. 220–231. Далее – Сэлинджер Дж. Хорошо ловится рыбка-бананка (пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой).

² Сэлинджер Дж. Идеальный день для банановой рыбки / пер. с англ. М. Бирюлина-Жудро // Портал Проза.Ру. URL: <https://proza.ru/2015/03/24/1895> (дата обращения: 21.04.2024). Далее – Сэлинджер Дж. Идеальный день для банановой рыбки (пер. с англ. М. Бирюлиной-Жудро).

³ Сэлинджер Дж. Д. Самый день для банабульки // Сэлинджер Дж. Д. Девять рассказов / пер. с англ. М. Немцова. М.: Эксмо, 2022. С. 5–24. Далее – Сэлинджер Дж. Д. Самый день для банабульки (пер. с англ. М. Немцова).

детской песне “Apples and Bananas”¹, “Banana Song”², а также в детских дразнилках: *Anna Banana!* (“Freaky Friday”, 2003). Американский политик, занимавший пост вице-президента США, Хьюберт Горацио Хамфри шутил о своей склонности к многословию: “*I’m like the little boy who knew how to spell banana, but never knew when to stop*”³ / «Я словно маленький ребёнок, который знает, как писать слово “банан”, но не знает, когда остановиться» (перевод наш – В. Л.).

В рамках данного исследования целесообразно использовать **методы** компонентного анализа маркеров детской речи, а также метод контекстуального анализа переводимого речевого произведения персонажа с опорой на вертикальный и горизонтальный подходы онтолингвистического анализа, дополняющие возможности используемого метода сравнительно-сопоставительного анализа с целью выделения основных переводческих сложностей, учёт которых поможет в дальнейшем избегать неадекватной или недостаточной интерпретации художественного произведения.

Онтолингвистический инструмент межкультурной передачи: фонетический уровень

Обсуждая творчество Д. Д. Сэлинджера, исследователи указывают на завершенность поэтики «несчастливой истории» в рассказе о ветеране войны Симоре Глассе, который, будучи духовно

развитым и увлекающимся практиками дзен-буддизма, не находил себе места не только в обществе людей, но и даже рядом со своей женой [6, с. 148]. Центральной точкой рассказа является сцена, где главный герой передаёт свои знания маленькой девочке Сибилле, рассказывая ей притчу о ненасытных рыбках, которые погибли от того, что съели слишком много бананов [7]. В словаре культуры XX века В. П. Руднева данный рассказ интерпретируется с трёх разных позиций: поверхностно-бытовой, психоаналитической и дзенской⁴.

Являясь ядром рассказа, сцена общения с ребёнком вызывает большое количество интерпретаций отчасти в силу того, что возраст ребёнка эксплицитно не обозначен автором, а в тексте присутствуют только косвенные признаки того, что ребёнку от 3 до 4 лет. Например, описание девочки на этапе интродукции персонажа: *She was wearing a canary-yellow two-piece bathing suit, one piece of which she would not actually be needing for another nine or ten years*⁵. Это предположение подтверждается в дальнейшем коммуникативно-речевыми особенностями ребёнка. Так, в речи проскальзывает большое количество фонетических искажений: “*See more glass,*” “*Did you see more glass?*”⁶. Ребёнок не может корректно произнести имя главного героя *Semour Glass*, называя его более понятными для его мировосприятия словами *See More Glass*, что через образ ребёнка несёт такие коннотации, как «Провидец», «Видящий словно сквозь стекло», «Чист как стекло». В русском переводе М. Бирюлиной-Жудро антропоним передавался как «Си-мор Глаз, Сине-море-глаз», что от-

¹ RAFFI - Apples and Bananas - In Concert with the Rise and Shine Band // Raffi: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E5b-oUqmQCQ> (дата обращения: 21.04.2024).

² Minions Banana Song Full Song // Пирожные пироги: RUTUBE-канал. URL: <https://rutube.ru/video/11c29fb8879b62d5ccc2dc5a9b13b99e/?t=0> (дата обращения: 21.04.2024).

³ Safire W. On Language; What’s so Funny about Bananas? [Электронный ресурс] // The New York Times Magazine : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/1993/05/09/magazine/on-language-what-s-so-funny-about-bananas.html> (дата обращения: 06.04.2024).

⁴ Хорошо ловится рыбка бананка // Руднёв В. П. Словарь культуры XX века. [Электронный ресурс]. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culture-dictionary/articles/130/horoshlo-lovitsya-rybka-banan-ka.htm?ysclid=lx5oyi3dp705972590> (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Salinger J. D. A Perfect Day for a Bananafish. P. 22.

⁶ Там же.

ражает фонетическое сходство с оригиналом, однако не передаёт дополнительных глубоких смыслов в устах ребёнка: «Си-мор Глаз, Сине-море-глаз, ... А где Сине-море-глаз?»¹. В переводе Р. Райт-Ковалевой реплика передана вариантом «Сими Гласс, Семиглаз, – сказала Сибилла Карпентер, ... Где Семиглаз?»², что удачно отражает образ человека, видящего суть вещей сквозь форму. В повторном вопросе текста оригинала явно показано, что ребёнок не отличает имени собственного от глагола: *Did you see more glass?* дословно переводится как «Ты не видела ещё стекло?», то есть в речи ребёнка часть антропонима *see* используется девочкой как привычный глагол, а не как часть непривычного имени, что по-русски могло бы звучать как «Ты не видела Миглаз?» (пер. Р. Райт-Ковалевой) и «Где Море-глаз?» (пер. М. Бирюлиной-Жудро).

При переводе необходимо передать важную коннотацию духовности и глубокого видения сути вещей через детскую несформированную речь. Такой контраст несформированной речи и точности воспроизведения духовной характеристики персонажа представляет особую сложность для переводчика. В переводе М. Немцова «Синь мой глаз, ... Ты видела, где синь мой глаз?»³ удачно воссоздано искажение в актуальном членении имени персонажа, как и фонетические особенности (мягкость согласного звука в имени Симур и несформированность звука «р», являющаяся типичным явлением в этом возрасте), однако игра с глаголом *see* передана не до конца. Данный пример демонстрирует наиболее типичные фонетические особенности детской речи в английском и русском языках, среди которых можно выделить субституцию, метатезу, слоговую элизию. По мнению

С. Н. Цейтлин к трём годам фонемные структуры языка полностью осваиваются, однако нормативная артикуляция ещё в стадии формирования, что приводит к фонетическому искажению, поскольку губные звуки усваиваются до язычных, а взрывные формируются до щелевых [8; 9].

Онтолингвистический инструмент межкультурной передачи: лексико-грамматический уровень

Среди грамматических особенностей детской речи можно выделить ограниченность числа употребляемых конструкций, нарушение детерминизма, тенденцию к унификации форм и создание неологизмов. Замена нормативных форм ненормативными происходит на основе более частотных моделей. Высокочастотными примерами среди англоговорящих детей в возрасте примерно от 2 до 4 лет можно назвать отклонение от нормы при выборе формы местоимений (*Me going, He hit I*) [10]. В исследуемом рассказе побудительное высказывание выражено формой утвердительного высказывания: *“You hold me, now”* в сцене, когда ребёнок плавает на матрасе и боится упасть. Также грамматические нарушения вызваны неспособностью различать части речи: *“My daddy’s coming tomorrow on a nairiplane”*⁴ – в этом примере ребёнок не отделяет артикль от существительного, в результате образуется морфологическое искажение с приращением части артикля к определяемому существительному. В русских переводах такого рода особенность воссоздана фонетическими средствами: «Мой папа завтра прилетит на ариплане!»⁵ (пер. Р. Райт-Ковалевой), «Мой папа прилетает завтра на эриплане»⁶ (пер. М. Бирюлиной-Жудро), однако в переводе М. Немцова предложен более удачный вариант, воспроизводящий как

¹ Сэлинджер Дж. Идеальный день для банановой рыбки (пер. с англ. М. Бирюлиной-Жудро).

² Сэлинджер Дж. Хорошо ловится рыбка-бананка (пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой). С. 222.

³ Сэлинджер Дж. Д. Самый день для банабулочки (пер. с англ. М. Немцова). С. 7.

⁴ Salinger J. D. A Perfect Day for a Bananafish. P. 22.

⁵ Сэлинджер Дж. Хорошо ловится рыбка-бананка (пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой). С. 222.

⁶ Сэлинджер Дж. Идеальный день для банановой рыбки (пер. с англ. М. Бирюлиной-Жудро).

лексико-грамматическое искажение, так и более близкое соответствие фонетическим особенностям речи ребёнка возраста до 4 лет: «Мой папа завтра прилетает на самом лёте»¹ (пер. М. Немцова). В данном варианте переводчик избегает труднодоступного для ребёнка такого возраста звука [p], воспроизведение которого в языке перевода «добавляют» взрослости. Для русскоязычного ребёнка было бы также характерно опустить звук [p] и словах «прилетает», что в конечном итоге могло бы иметь следующее звуковое оформление: «Мой папа плиетает завта на самаёте».

Онтолингвистический инструмент межкультурной передачи: экстралингвистический уровень

В диалоге с ребёнком ожидаемы особенности на уровне внешнеязыковых факторов, таких как нарушение референциальных связей, выраженное в отвлекаемости, сбивчивости в репликах, нарушение семантической тождественности. Следует отметить, что взрослый собеседник хорошо понимает особенность детского поведения и ведёт себя максимально деликатно, умело настроившись на одну волну с ребёнком, вступая с ним в соответствующую для столь малого ребёнка языковую игру: *“That’s a fine bathing suit you have on. If there’s one thing I like, it’s a blue bathing suit.”*... – *“This is a yellow,” she said. “This is a yellow.”* – *“It is? Come a little closer.”* Sybil took a step forward. *“You’re absolutely right. What a fool I am.”*² Особенности формирования детского сознания находят своё отражение и в содержательной части речевого коммуникативного поведения ребёнка: он не видит грань между вымышленным и реальным, обращённую речь воспринимает буквально. Такая особенность проявляется в его поведении, в текст диалога вплетаются элементы неискреннего текста, содержание

которого представляется как «сопряжение содержаний текстов в аспекте коммуникативной деятельности участников речевого общения» [11, с. 89]. В случае детской коммуникации следует отметить ценностность фатического компонента речевого взаимодействия с собеседником, когда на первый план выступает момент привязанности, поддержания диалога, а не его содержание. В реплике *“This is a yellow”* снова содержится маркер детской речи в виде избыточного артикля, что на русском языке оказалось сложно воспроизвести: «он вовсе желтый»³ (пер. Р. Райт-Ковалевой), «это желтый»⁴ (пер. М. Немцова), «он желтый!»⁵ (пер. М. Бирюлиной-Жудро). Здесь возможно было бы применение фонетического средства для передачи возрастного оттенка, например, «он волтый!».

Грамматические отклонения являются высокочастотным маркером речи ребёнка в возрасте от 2 до 4 лет: *“We’ll see if we can catch a bananafish.”* – *“A what?”*⁶. В речи взрослого человека такая особенность будет указывать на крайнее удивление, но в речи ребёнка эта формулировка находится в пределах нормы и может быть не вызванной эмоциональным состоянием. Когда Симур рассказывает о гибели рыбок, ребёнок не выражает ожидаемой эмпатии, а включается в игру воображения: *“I just saw one.”* – *“Saw what, my love?”* – *“A bananafish.”* – *“My God, no!”* ... *“Did he have any bananas in his mouth?”* – *“Yes,”* ... *“Six.”*⁷ Важным акцентом в рассказе служит непонимание ребёнком смысла притчи о гибели рыбок, однако здесь следует учесть не только речевую, но и когнитивную возрастную особенность: согласно проведённому в 2010 году исследованию

³ Сэлинджер Дж. Хорошо ловится рыбка-бананка (пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой). С. 223.

⁴ Сэлинджер Дж. Д. Самый день для банабильки (пер. с англ. М. Немцова). С. 20.

⁵ Сэлинджер Дж. Идеальный день для банановой рыбки (пер. с англ. М. Бирюлиной-Жудро).

⁶ Salinger J. D. A Perfect Day for a Bananafish. P. 23.

⁷ Salinger J. D. A Perfect Day for a Bananafish. P. 25.

¹ Сэлинджер Дж. Д. Самый день для банабильки (пер. с англ. М. Немцова). С. 19.

² Salinger J. D. A Perfect Day for a Bananafish. P. 23.

Центра поддержки детей, переживших горе, Дуги (*The Dougy Center*) представление детей о смерти неодинаковое на разных этапах развития. На эгоцентрической стадии (то есть в возрасте 2–4 лет) дети воспринимают смерть как нечто обратимое, замечают изменения в том, как о них заботятся, и могут задавать много вопросов. В возрасте 4–7 лет дети начинают обретать чувство самостоятельности, но по-прежнему считают смерть обратимой, при этом начинают задаваться вопросом о том, как и почему произошла смерть. На этапе формирования конкретного мышления (в возрасте 7–11 лет) дети начинают осознавать, что смерть необратима, и начинают интересоваться реакцией других людей, чтобы понять, какой должна быть адекватная реакция на смерть [12].

Несформированность рема-тематических отношений в репликах ребёнка подчёркивается участием в диалоге взрослого собеседника, который старается выдержать повествовательную линию, он аргументирован и деликатен, но ребёнок ещё слишком мал для конструктивного общения. К сожалению, речевые характеристики ребёнка не всегда интерпретируются адекватно, в результате чего девочке приписывают более старший возраст (крайняя цифра была 10 лет) [6], что существенно нарушает весь портрет персонажа.

Диалог между взрослым персонажем и ребёнком развивается по особым законам, характерным для произведений жанра абсурда, с нарушением детерминизма, особой моделью мира, тождественностью и семантической связностью [13]. Такие поведенческие проявления как ревность, агрессия, неэмпатичность через призму понимания детских маркеров, дают иную картину речевого образа, что желательно более полно отражать в тексте перевода.

Учитывая приверженность Сэлинджера идеям дзен-буддизма, исследователям представляется следующая интерпретация духовного пути персонажа:

если Гласс успел за данное воплощение очистить свою душу от негатива, то его душа выходит за пределы колеса сансары и переходит в состояние нирваны – полной умиротворённости и отрешённости от мирских дел [14]. С учётом этого Симора можно считать персонажем, достигнувшем той самой «другой жизни». В своём диалоге с Сибиллой он передаёт важные сакральные знания, воплощая терпение, доброжелательность и любовь к человеку.

Заключение

В данном произведении Дж. Сэлинджер использует разнообразие лингвистических особенностей на фонетическом, грамматическом, лексико-семантическом и синтаксическом уровнях для создания живой детской речи персонажа. Особенности коммуникации ребёнка подчёркиваются и экстралингвистическими факторами психологического характера. В процессе межкультурной передачи речевого образа персонажа-ребёнка переводчики, следуя общему тренду переводить на «взрослый» язык, в основной массе отказывались от возрастной адаптации текста в пользу передачи смысла высказывания, что влекло за собой определённые коммуникативные потери. В случаях решения передать «детский» язык средствами русского «детского» языка наблюдается адекватное воссоздание передаваемой диалогической картины, что, с нашей точки зрения, стилистически необходимо. Самым популярным переводческим приёмом становится использование в языке перевода фонетического искажения, которое полностью заменяет фонетическое искажение в языке оригинала. Фонетическое искажение также используется в случае передачи грамматических отклонений от языковой нормы, однако оно не всегда распознано в тексте оригинала и соответственно не подвергается передаче как детская речь.

В рамках данного произведения, можно увидеть, как через диалог с ребёнком

раскрывается особый тип персонажа, отражающий трансформацию фундаментальной концепции «другой жизни» в литературе писателей XX века. Художественные миры Дж. Сэлинджера сходятся в осуждении американской коммерциализации в ущерб духовному развитию человека, что с учётом использования онтолингвистического подхода при переводе адекватно отражается в межкультурном диалоге. Проанализировав три перевода рассказа, можно сделать вывод о том, что в силу определённой недогруженности детской речью местами переводы утрачивают связь с оригиналом, внося некоторые изменения в замысел автора.

Можно констатировать, что формирование методологии исследования через направления переводоведения и онтолингвистики, реализующейся через более пристальное рассмотрение детской экспрессивной речи при использовании вертикального и горизонтального подхода при анализе текста оригинала и пере-

вода, подчёркивает логическую обусловленность междисциплинарного характера данной работы. Дальнейшие исследования перевода детской речи не только в рамках перевода художественного текста, но и аудиовизуальных произведений, включающих в себя изучение речи детей монолингвов, билингвов и полилингвов, способны сделать значимый вклад в разработку нового проблемного поля.

Результаты данного исследования демонстрируют потенциал применяемого онтолингвистического подхода в переводческой антропоцентрической парадигме, что обеспечивает более полную передачу образа персонажа-ребёнка в тексте перевода, позволяет более точно и полно выразить все оттенки детской речи в языке перевода. Работа может оказаться теоретически значимой в аспекте расширения исследовательских возможностей междисциплинарных связей переводоведения и онтолингвистики, объектом которых выступит перевод детской экспрессивной и импрессивной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова С. В. Развитие лексики ребенка. М.: Флинта: Наука, 2018. 224 с.
2. Шереметьева Е. В. От рождения до первой фразы: тернистый путь к общению. Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2019. 282 с.
3. Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Норма: внутренняя или внешняя лингвистика? (Ретроспективный взгляд) // Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение?: коллективная монография / под ред. Н. Н. Германовой, В. А. Пищальниковой. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 111–122.
4. Валуйцева И. И. «Дискурсивные практики в современном мире»: всероссийская научно-практическая конференция (Москва, 27 ноября 2020 года) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 157–159. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-157-159.
5. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Пожелание заказчика или содержание текста? (Об одной дискуссионной проблеме современного переводоведения) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № S6. С. 45–50. DOI: 10.20339/PhS.6s-23.045.
6. Славенски К. Дж. Д. Сэлинджер. Идя через рожь. М.: ЭКСМО, 2014. 504 с.
7. Резаков Я. О. Концепция аутсайдерства в художественных мирах Дж. Сэлинджера и С. Довлатова // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 2 (83). С. 151–155.
8. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
9. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2017. 240 с.
10. Шахнарович А. М. Детская речь в зеркале психолингвистики: Лексика. Семантика. Грамматика. М.: Институт языкознания РАН, 1999. 165 с.
11. Сидорова Н. А., Федулова М. Н., Долженков В. Н. К вопросу исследования содержания неис-

- кренных текстов // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 81–92. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-81-92.
12. Graham J. A., Yuhas H., Roman J. L. Death and Coping Mechanisms in Animated Disney Movies: A Content Analysis of Disney Films (1937–2003) and Disney/Pixar Films (2003–2016) // *Social Sciences*. 2018. Vol. 7. Iss. 10. Article 199. DOI: 10.3390/socsci7100199.
 13. Лукьянова В. С. Явление коммуникативной неудачи в пространстве англоязычного детского анимационного фильма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 56–63. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-56-63.
 14. Бута Е. М. Сэлинджер. Дань жестокому богу. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.

REFERENCES

1. Plotnikova, S. V. (2018). *Development of the child's lexicon*. Moscow: Flinta publ., Nauka publ. (In Russ.).
2. Sheremeteyeva, E. V. (2019). *From birth to the first phrase: the thorny path to communication*. Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian Pedagogical University publ. (In Russ.).
3. Valuytseva, I. I. & Khukhuni, G. T. (2023). Norm: Internal or External Linguistics? (A Retrospective View). In: *Language Norm in Synchrony and Diachrony: Cultural Heritage or an Encroachment on Self-Expression?* Moscow: Moscow State Linguistic University publ. pp. 111–122 (In Russ.).
4. Valuytseva, I. I. (2021). Discursive practices in the modern world: all-Russian practical research conference (Moscow, November 27, 2020). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 157–159. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-157-159 (In Russ.).
5. Khukhuni, G. T. & Valuytseva, I. I. (2023). The customer's wish or the content of the text? (About a controversial problem of modern translation studies). In: *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, S6, 45–50. DOI: 10.20339/PhS.6s-23.045 (In Russ.).
6. Slavensky, K. (2014). *J. D. Salinger. Walking through the Rye*. Moscow: EKSMO publ. (In Russ.).
7. Rezakov, Ya. O (2019). The concept of the outsider in the art worlds by J. Salinger and S. Dovlatov. In: *Scientific notes of Orel State University*, 2 (83), 151–155 (In Russ.).
8. Zeitlin, S. N. (2009). *Essays on word formation and form formation in children's speech*. Moscow: Znak publ. (In Russ.).
9. Zeitlin, S. N. (2017). *Language and child: Linguistics of children's speech*. Moscow: Vlados publ. (In Russ.).
10. Shakhnarovich, A. M. (1999). *Children's speech in the mirror of psycholinguistics: Lexicon. Semantics. Grammar*. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences publ. (In Russ.).
11. Sidorova, N. A., Fedulova, M. N. & Dolzenkov, V. N. (2024). On the issue of studying the content of insincere texts. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 81–92. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-81-92 (In Russ.).
12. Graham, J. A., Yuhas, H. & Roman, J. L. (2018). Death and Coping Mechanisms in Animated Disney Movies: A Content Analysis of Disney Films (1937–2003) and Disney/Pixar Films (2003–2016). In: *Social Sciences*, 7 (10), 199. DOI: 10.3390/socsci7100199.
13. Lukyanova, V. S. (2019). Communicative failures in English animated movies for children. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 56–63. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-56-63 (In Russ.).
14. Buta, E. M. (2014). *Salinger. Tribute to a Cruel God*. Moscow: Algorithm publ. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукьянова Валентина Сергеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал);
ORCID ID: 0000-0002-7532-8663; e-mail: vlukyan0203@yandex.ru, v.lukyanova@odin.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina S. Lukyanova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the English language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch);
ORCID ID: 0000-0002-7532-8663; e-mail: vlukyan0203@yandex.ru, v.lukyanova@odin.mgimo.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-69-80

СДВИГИ В КОММУНИКАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ МЕДИАДИСКУРСА

Максименко О. И.^{1*}, Ахренова Н. А.², Беляков М. В.³

¹ Государственный университет просвещения, 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

³ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: maxbel7@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.09.2024

После доработки 26.09.2024

Принята к публикации 27.09.2024

Аннотация

Цель. В статье рассматривается проблема неосознанного (автоматического) употребления в процессе коммуникации в медиадискурсе слов и конструкций, значение которых с течением времени изменилось. Цель исследования – выявить предполагаемые семантические сдвиги, задача – выяснить причины выявленных сдвигов и интерпретировать процессы их появления.

Процедура и методы. Для решения задачи использованы методы корпусного анализа при формировании выборки и последующего контекстуального, семантического и этимологического анализа, а также количественные методы для выявления частоты встречаемости в сформированной выборке выявленных сдвигов с показателем *ipm*.

Результаты. К основным результатам и главным выводам можно отнести фиксацию сдвигов в коммуникативной норме из-за неразличения семантики слова или словосочетания (конструкции), которые приводят впоследствии к закреплению узусального сдвига и в дальнейшем вызывают неразличение их нормативного и ошибочного употребления.

Теоретическая значимость состоит в развитии теории семантических сдвигов в русском языке, рассмотрении закона семантической поляризации или энантиосемии, возникшей в результате активного использования данных конструкций в языке медиадискурса. **Практическая значимость** предполагает использование результатов для различения ситуации семантического сдвига во избежание его перехода в категорию нормы.

Ключевые слова: медиадискурс, норма, корпус, семантика, сдвиг, улучшение значения, ухудшение значения, закрепление сдвига¹

Для цитирования:

Максименко О. И., Ахренова Н. А., Беляков М. В. Сдвиги в коммуникативной семантике медиадискурса // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 69–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-69-80>

Original research article

SHIFTS IN COMMUNICATIVE SEMANTICS IN THE MEDIA DISCOURSE

O. Maksimenko^{1*}, N. Akhrenova², M. Belyakov³

¹ Federal State University of Education, ulitsa Radio 10A build. 2, Moscow 105005, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, ulitsa Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation

³ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: e-mail: maxbel7@yandex.ru

Received by the editorial office 19.09.2024

Revised by the author 26.09.2024

Accepted for publication 27.09.2024

Abstract

Aim. The article deals with the problem of unconscious (automatic) use in the process of communication in media discourse of words and constructions whose meaning has changed over time. The aim of the study is to identify the supposed semantic shifts, the task is to find out the reasons for the identified shifts and interpret the processes of their appearance.

Methodology. To solve the problem, we used corpus analysis methods to form a sample and subsequent contextual, semantic and etymological analysis, as well as quantitative methods to identify the frequency of occurrence in the sample of the identified shifts with the ipm indicator.

Results. The main results and main conclusions include the fixation of shifts in the communicative norm due to the non-distinction of the semantics of a word or a construction, which subsequently lead to the consolidation of the usual shift and further cause the non-distinction of their normative and erroneous use.

Research implications. Theoretical significance consists in the development of the theory of semantic shifts in the Russian language, consideration of the law of semantic polarisation or enantiosema resulting from the active use of these constructions in the language of media discourse. The practical significance involves using the results to distinguish the situation of semantic shift in order to avoid its transition into the category of norm.

Keywords: media discourse, norm, corpus, semantics, shift, amelioration, deterioration, shift fixation

For citation:

Maksimenko, O. I., Akhrenova, N. A. & Belyakov, M. V. (2024). Shifts in communicative semantics in the media discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 69–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-69-80>

Введение

Изменения на уровне семантики в процессе коммуникации представляют собой значимый и сложный процесс, поскольку приводят к неосознанному (автоматическому) употреблению слов и конструкций, значение которых с течением времени поменялось под воздействием ряда факторов, включая функционирова-

ние языка в медиaprостранстве в целом и интернете в частности.

Цель данного исследования состоит в выявлении семантических сдвигов, возникающих в медиaprостранстве, задача – в выяснении причин выявленных сдвигов, интерпретации процессов их появления и возможном закреплении в языковом узусе.

Проблема смещения языковой нормы или её нарушения не нова. Системный отход от нормы в итоге может привести к закреплению искажения и превращения его в новую норму. Таким образом, норму можно рассматривать как определённую конвенцию. Считаем, что нарушение конвенции происходит как осознанно, намерено, так и по ряду разных причин, в частности из-за незнания закреплённых конвенций [1, с. 174].

Норма с философской точки зрения рассматривается как «предписание, разрешение или запрещение действовать определённым образом. Норма выражается нормативным или деонтическим высказыванием ... Каждая норма включает четыре элемента: содержание, действие, условия приложения, субъект»¹. Норма с позиций лингвистики воспринимается по-разному. Н. Н. Германова, рассматривая норму как объект теории языка, пишет, что норма соотносится «с понятиями языка и речи, потенции и реализации, схемы, системы, узуса, индивидуального акта речи» [2, с. 12], ссылаясь на исследования Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева и Э. Косериу, особо выделяя позицию Э. Косериу по отношению к исследованию нормы: «система – норма – речь» [3, с. 36].

В отечественной лингвистике интерес к исследованию понятию языковой нормы стал активно проявляться в последней трети XX в. Разные аспекты и подходы к её дефиниции рассматривались многократно, в том числе в работах Н. Д. Арутюновой [4; 5], В. В. Виноградова [6], А. Едлички [7], Л. Г. Ефановой [8; 9], Н. Н. Германовой [2; 10], В. А. Ицковича [11], Л. П. Крысина [12], О. С. Иссерс [13], А. Д. Шмелева [14] и др. Л. Г. Ефанова отмечала, что в «лингвистике категория нормы исследуется в трех основных аспектах: как основание оценки (логи-

ко-философский аспект); как одна из составляющих модальной рамки (прагматический аспект); как составной элемент семантической категории градуальности, интенсивности, предельности (количественный аспект)» [8, с. 21].

В. А. Ицкович дефинировал норму как «существующее в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех членов коллектива языковые единицы и закономерности их употребления, причем эти единицы могут быть либо единственно возможными, либо выступать в виде сосуществующих вариантов» [11].

О влиянии теории коммуникации на исследование нормы указывал А. Едличка. Он делал акцент на двусторонности нормы как категории языковой и социальной, говоря, что необходимо отойти от старого основного термина «языковая норма» к выбору термина «норма языковой коммуникации» [7], впоследствии перейдя к термину «коммуникативная норма». А. Едличка предложил различать три вида нормы: формационную (системную), коммуникативную (ситуативную) и стилистическую [7].

М. Р. Савова [15] предложила шкалу оценки речевых норм: этические (прилично – неприлично, хорошо – плохо), коммуникативные (удачно – неудачно, эффективно – неэффективно), языковые (правильно – неправильно), речевые (логично – нелогично, точно – неточно, уместно – неуместно, доступно – недоступно, разнообразно – однообразно, выразительно – невыразительно), этикетные (в рамках этических и коммуникативных): принято – не принято. Опираясь на эту классификацию, легко заметить, что в современном медиадискурсе за последние годы сформировалась устойчивая тенденция целенаправленного нарушения коммуникативных, языковых и речевых норм.

Из приведённых выше определений видно, что норма является установленной письменно закреплённой мерой.

¹ См.: Новейший философский словарь: НОРМА [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/835/норма (дата обращения: 15.07.2024).

Признаны разные виды норм: социальная, политическая, грамматическая и пр., но сдвиги (изменения) в первую очередь происходят в коммуникативной норме, так как процесс коммуникации напрямую влияет на возникновение искажений в спонтанной речи. Под коммуникативной нормой понимаются принятые в обществе правила речевого общения, определяющие типы речевого поведения коммуникантов в разных ситуациях, а также совокупность принципов, постулатов и правил целесообразного и эффективного речевого поведения¹. Именно использование нормированных средств общения, включая общение, протекающее в медиадискурсе, способно обеспечить успешный речевой акт. Безусловно, процесс коммуникации поддерживают и так называемые инварианты нормы, включая просторечную, арготическую, литературную, элитарную и др. Однако не все эти нормы являются кодифицированными (в терминологии А. Едлички и В. А. Ицковича), из них эталонна только литературная норма. При таком взгляде на норму все остальные проявления нормы могут быть приписаны к «сдвигам».

Л. И. Гришаева, говоря об объективизации выбора медиадискурса для изучения изменений в коммуникативной норме, выделяет следующие причины обращения к медиатекстам:

– Медиатексты представляют собой результат речемыслительной деятельности носителей языка и культуры. Это продукт фиксации взаимодействия коммуникантов с помощью разнородных и разноуровневых языковых средств, которые могут сочетаться по-разному с невербальными способами и средствами объективизации сведений о мире.

– Медиатексты отражают предельно актуальные представления носителей языка и культуры и крайне востребованные здесь и сейчас способы и средства объективизации значимых для общества представлений.

– Медиатексты адресуются прежде всего коллективному субъекту, о разнообразных характеристиках которого продуцент текста имеет довольно четкое представление.

– В медиaprостранстве порождаются тексты разного типа, содержательная, формальная и функциональная организация которых не тождественна.

– Один медиаресурс фиксирует с помощью языковых и невербальных средств одновременно несколько способов реализации одной и той же коммуникативной стратегии [16, с. 77].

Коммуникативная норма, включая её реализацию в медиадискурсе, подвержена изменениям (сдвигам), определяемым лингвопрагматикой. При этом изменения нормы наблюдаются на всех уровнях языка, особенно ярко проявляясь на лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях.

Лексико-семантическая норма регулирует употребление слова в том значении, которое оно имеет в языке. Существуют различные точки зрения, позволяющие понять, как воспринимается нарушение лексико-семантической нормы. Данный вид нормы непосредственно связан со значением или совокупностью значений слова, семантическая норма регулирует отношения значения и инварианта.

В. В. Виноградов считал, что инварианты могут быть представлены основным номинативным, фразеологическим и синтаксически обусловленным значением слова [6]. Это и есть основные кодифицированные значения слова. Однако за последние три десятилетия в русском языке происходит развитие инвариантности, определяемое как сугубо лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами, одной из которых

¹ См.: Сковородников А. П. Коммуникативная норма, или коммуникативно-прагматическая норма // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 221–223.

можно считать коммуникацию в медиа-пространстве, а также почти полное отсутствие как внешней профессиональной редакции в медиадискурсе, так и внутренней цензуры/редактуры авторов статей.

Материал и методы исследования

Сдвиги в коммуникативной норме из-за неразличения семантики слова или синтаксической конструкции вызывают закрепление узуального сдвига и в дальнейшем приводят к неразличению нормативного и ошибочного употребления.

Трансформационные процессы в семантике именуются лингвистами по-разному: «приращение смысла», «гиперсемантизация», «семантический сдвиг», «семантические аномалии» и др. [17]. Как мы писали в другой работе ранее [18], исследованием и систематизацией семантических сдвигов в разные годы занимались Л. Блумфилд [19], А. Бланк [20], М. Брель [21], А. Дирк [22], С. Ульман [23], А. Дармстетер [24] и т. д. В. А. Успенский в статье «Безобидны ли семантические сдвиги?» для обозначения подмены понятий использовал термин *квинпрокво* (от фр. *quiproquo* – букв. «кто вместо кого») [25, с. 267].

Наиболее распространённой является типология семантических сдвигов по Андреасу Бланку [20]: метафоризация – перенос наименования на основе ассоциации по сходству, т. е. скрытое сравнение; метонимизация – перенос значения по смежности; сужение значения (также «обогащение значения», «семантическая специализация», «конкретизация значения», «уменьшение семантического объёма»); расширение значения (также «обобщение», «обеднение значения», «генерализация значения», «увеличение семантического объёма»); перемещение; антифразис; энантиосемия; автоконверсия; эллипсис; народная этимология [9]. Данная типология расширяется за счёт переноса значения в лучшую сторону в ходе времени, возвышения, «улучшения»

лексического значения (*amelioration*) и процесса понижения значения в социальной сфере его использования, сопровождающегося появлением унижающего и презрительного эмоционального тона в значении того или иного слова, ухудшение, деградация значения (*deterioration*) [1].

Процесс сдвигов в коммуникативной семантике частотных лексем, активно используемых в том числе и в медиадискурсе, точнее в дискурсе средств массовой информации, что зафиксировано в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), а именно в подкорпусах центральных СМИ и региональных СМИ, можно проследить на примере приобретения адгерентных негативных коннотаций у сложных предлогов *благодаря*, *с помощью* и у глагольной формы *позаботиться*. Использование в современных медиатекстах устаревших союзов *ибо*, *нежели*, *то бишь*, указательного местоимения *сей*, вводных слов *дескать*, *мол* также можно рассматривать как коммуникативный семантический сдвиг, если подобное употребление не оправданно стилистически. Надёжными методами определения произошедших сдвигов являются методы корпусного исследования, а также количественные методы для верификации полученных результатов.

Результаты исследования, их анализ и обсуждение

Изменения на уровне семантики представляют собой важный и сложный процесс, поскольку данные изменения связаны с неосознанным употреблением слов и конструкций, значение которых поменялось с течением времени под влиянием других языков, медиапространства, интернета и др.

Как правило, большинство исследователей занимаются семантическими изменениями на уровне однозначной лексики, например, С. С. Алешкевич [26], рассматривая воздействие таких тропов, как метафора, метонимия и пр. на эти

изменения. Есть работы на материале английского языка¹, где изучаются изменения значения лексики в диахроническом аспекте с положительного на отрицательное и обратно, так называемые пейорация и мелиорация. В целом, такие изменения значений происходят постепенно, чаще всего в диахронии, и достаточно хорошо описаны. Однако схожие процессы в разряде служебных слов происходят намного динамичнее и их причины иные, связанные, на наш взгляд, не с постепенными языковыми процессами, а со сдвигом семантической коммуникативной нормы под влиянием, в первую очередь, современного медиадискурса, где отклонение от нормы стало своего рода нормой.

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)² зафиксированы случаи ненормированного употребления служебных слов, которые стали использоваться с отрицательной коннотацией, являясь при этом изначально позитивными. К ним можно отнести такие производные предлоги, как *благодаря, с помощью*; устаревшие слова *ибо, то бишь, мол, дескать и сей*.

Так, сложный предлог *благодаря* возник из деепричастия *благодаря* – от «благодарить, словообразовательной кальки греч. *eucharistein* (eu «благо, хорошо», *charistein* «давать, преподносить»)»³. Этимология предлога *благодаря* подтверждает его ингерентную позитивную коннотацию, и таким образом он не должен употребляться в контексте для обозначения негативного результата.

В корпусе методом случайной выборки были рассмотрены 100 примеров употребления данного предлога, при этом в подкорпусе центральных СМИ обнаружено 8 примеров (из 48930) такого словоупотребления, в подкорпусе региональных СМИ – 6 примеров (из 4595 примеров). После квантитативной обработки выявлено, что частота (*ipm*), вычисляемая по формуле: $ipm(x) = \text{freq}(x) * 1000000 / \text{corp}$, равна 261,5 словоупотреблений в данном запросе и 0,04 словоупотреблений в целом корпусе. Например, *Грядущие новогодние праздники **благодаря** погодным катаклизмам могут запомниться россиянам надолго*⁴ или ***Благодаря** таким стоматологам, я остался без единого зуба и шансов поставить протезы*⁵. В отмеченных случаях *благодаря* выполняет роль предлога *из-за*, который не имеет определённой фиксированной тональности (негативной / положительной) и вводит причину происходящего. Адгерентная негативная коннотация производного предлога *благодаря*, образованного от деепричастия с изначально положительным значением, выражается в структуре предложения, где смысл клаузы, не включающей данное слово, имеет неблагоприятный исход.

Адгерентное отрицательное значение сложных предлогов *с помощью, при помощи* составило 10 (из 52174) в подкорпусе центральных СМИ, 2 (из 3038) в подкорпусе региональных СМИ. Эти предлоги образованы от «существительного *помощь*, исконно рус. *помочь*, с помощью суффикса -ть- от **pomogti* (помочь)»⁶. Конструкции с предлогами *с помощью* и *при помощи* должны маркировать позитивное разрешение ситуации, но изме-

¹ См.: Okrent A. 13 Words That Changed From Negative to Positive Meanings (or Vice Versa) [Электронный ресурс] // Mental Floss : [сайт]. URL: <https://www.mentalfloss.com/article/65987/13-words-changed-negative-positive-or-vice-versa> (дата обращения: 15.07.2024).

² Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.07.2024).

³ См.: БЛАГОДАРЯ // Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://1793.slovaronline.com/265-благодаря> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Метеорологический экстрим // РБК Daily, 2009.12 (здесь и далее иллюстративный материал собран в базе НКРЯ).

⁵ Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011) [НКРЯ].

⁶ См.: ПОМОЩЬ // Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://1793.slovaronline.com/3816-помощь> (дата обращения: 15.07.2024).

нение семантики конструкции привело к тому, что эти предлоги стали использоваться универсально, поскольку грань между положительной и отрицательной коннотацией при использовании этих предлогов стёрлась: *Однако с помощью одного из них Москва может в одиночку воссоздать нефтяной кризис 1973 года*¹. Кроме того, сотрудников Московской антидопинговой лаборатории обвинили в сокрытии положительных проб *с помощью* добавления в них соли и кофе².

Примером приобретения адгерентного негативного значения служит глагол *позаботиться* в значении *избавиться*. В подкорпусе центральных СМИ выявлено 7 примеров (из 2907), в подкорпусе региональных СМИ – 2 примера (из 437). Если в двух предыдущих случаях значение сменилось на противоположное, то ситуация с *позаботиться* иная. Семантический сдвиг добавил этой лексеме значения *устранить, убить, удалить, уничтожить* и т. д., когда этимологически *позаботиться* произошло от существительного *забота*, что означает «зобиться – заботиться; кормить (от зоб «еда, пища»)»³. Например: *Несколько дней спустя он предложил позаботиться об оставшихся в регионе террористах другим странам, в том числе Турции*⁴. Кроме того, он предложил *позаботиться об оставшихся в регионе террористах другим странам, в том числе Турции*⁵.

Для выявления причин возникновения противоположных значений в слове необходимо принимать во внимание

эмотивные характеристики, способные по-разному окрашивать те же самые или близкие представления в зависимости от установки, которую получает слово в своём употреблении. В этом утверждении есть указание на причину того, почему слова *благодаря* и *с помощью* употребляются в отрицательном значении. Возможно, в некоторых случаях они выражают иронию или сарказм, однако, для уверенной идентификации этих тропов обязателен контекст, которого в корпусе недостаточно.

Рассмотрим далее ситуацию с конструкциями 1) *можно, пожалуйста* и 2) *нежели, чем*. В обоих случаях присутствует речевая избыточность, нежелательная при построении нормативного русского предложения. *Можно, пожалуйста* – «это калька с англоязычной конструкции *May I please* – Могу ли я / могу я, которая поначалу переводилась на русский нормативно: «*May I please have a glass of water?* – Можно мне стакан воды?» [27]. В русском языке есть возможность выражения просьбы о разрешении с помощью формы «могу» от глагола *мочь* или модального слова «можно», но в каждом случае присутствуют стилистические особенности. *Могу* используется как универсальный вопрос, в то время как *можно* применяется для вопроса с вежливой коннотацией. *Пожалуйста* имеет такие же характеристики, как и слово *можно*, поэтому их совместное употребление в предложении некорректно и ненормативно. В предложении «*Мам, можно мы, пожалуйста, сразу на тренировку поедем?*»⁶ дети вежливо спрашивают разрешение пойти на тренировку, однако использование *пожалуйста* дополнительно смягчает предложение, т. к. обладает той же семантикой, как и слово *можно*. Из чего следует вывод, что это закрепившаяся в коммуникативном узусе молодого поколения калька с английской

¹ Захарова предложила министру экономики Сербии выступить против давления США // ria.ru, 14.03.2023 [НКРЯ].

² Глава UKAD высказался за отстранение сборной России от Олимпиады-2018 // lenta.ru, 2017.01 [НКРЯ].

³ См.: ЗАБОТА // Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://1793.slovaronline.com/1256-забота> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Турция пойдет в атаку в Сирии без оглядки на США // lenta.ru, 2019.01 [НКРЯ].

⁵ США оставили за собой право бомбить Сирию // lenta.ru, 2019.01 [НКРЯ].

⁶ «Идеальный день? Проснуться без будильника» // lenta.ru, 2019.03 [НКРЯ].

конструкции, дословного перевода с одного языка на другой. Допустимо и другое объяснение, основывающееся на том, что детей с раннего возраста приучают вставлять этикетную форму *пожалуйста* в предложения как маркер вежливости при выражении просьбы: *Мама, можно мне, пожалуйста, съесть конфетку?*

Сходная ситуация наблюдается в конструкции *нежели, чем*, включающей два взаимозаменяемых синонима, различие которых только в степени новизны. Союз *нежели* является архаизмом или устаревшим словом, идентичным союзу *чем*. Конструкция, сочетающая эти две лексемы, громоздка, повторение однородных слов не оказывает влияния на смысл высказывания и является явно избыточным. В современных текстах и речи нормативно и достаточно использование союза *чем*, поскольку он стилистически нейтрален и может применяться практически в любом контексте вне зависимости от темы, в то время как архаизм *нежели* в большей степени подходит возвышенному стилю. Это также относится и к другим подобным устаревшим словам, как: *ибо, то бишь, мол, дескать и сей*. Практически все они могут быть заменены современными нейтральными эквивалентами, например, *потому что, так как, как и* т. д. Две лексемы из этого списка можно причислить к словам, потерявшим своё исходное значение, ввиду их трансформации в слова, заполняющие паузы при хезитации. Это слова *ибо* и *то бишь*. Иногда они употребляются в качестве связок между частями предложения, но по сути эти лексемы не несут никакой смысловой нагрузки, за исключением тех случаев, когда они употребляются как союзы. Например: *Иллюстрацией к начавшемуся процессу может послужить опубликованная в «Богатее» под № 41 (643) от 20.12.2012 года статья «Народ хотел хлеба, а не зрелищ»¹, в которой побывавший на месте событий*

журналист издания подробно живописал представшую его глазам картину, то бишь циничный снос павильона бригадой рабочих под чутким присмотром судебного пристава-исполнителя Саратовского межрайонного городского отдела судебных приставов Николая Петрышова. Ибо цена ошибки здесь может оказаться непомерно высокой².

Таким образом, под семантическим сдвигом понимается не только ошибка в употреблении того или иного слова, но и неконвенциональное употребление языковой единицы, представляющее собой сознательные нарушения языковых правил, которые можно классифицировать, исходя из интенций говорящего. Результат – появление в высказывании либо дополнительного, либо образного смысла или полное переосмысление каких-либо его компонентов. Нарушение семантической нормы ведёт к полному или частичному непониманию текста, а также ложной или частично ошибочной интерпретации текста, что влияет на восприятие языковой картины мира и вносит в неё свои изменения.

Корпусной анализ показал, что употребление сдвигов / ошибочных конструкций в печатных СМИ, представленных в медиадискурсе, приводит к увеличению использования данных конструкций не только на письме, но и в устной речи.

В ходе работы удалось установить, что не все сдвиги ошибочны, поскольку это зависит от области, в который сдвиг был обнаружен. На самом подвижном уровне (лексический уровень) изменения не будут столь заметны, так как здесь модификации происходят ежедневно из-за большого числа неологизмов и заимствования лексики из других языков. Нами было обнаружено, что изменения семантики в данном случае зависят или от «растворения» значения, как в случае

¹ Сатченко В. Сказ о том, как приставов оклеветать хотели // «Богатей» (Саратов), 2013 [НКРЯ].

² Головачев Виталий. Работа над ошибками // Труд-7, 2005.02 [НКРЯ].

со словами *благодаря, с помощью и позаботиться*, или от стремления к стилистической маркированности высказывания (*ибо, бишь, нежели*). Именно поэтому употребление этих слов в другом значении не будет являться ошибкой, поскольку подвижность лексического уровня позволяет осуществлять различные речевые трансформации. С другой стороны, семантический сдвиг может не только придавать новые лексические значения словам, но и менять стилистику слов, что произошло с архаичными союзами, которые стали маркером книжного стиля, поэтому их использование в текстах новостного медиадискурса нежелательно.

Заключение

Исследователи – философы и лингвисты – рассматривают норму как неотъемлемую составляющую социума и языка, функционирующего в нём. Философы в первую очередь занимаются аксиологической нормой, лингвисты – нормой, реализуемой на всех языковых уровнях. Коммуникативная норма опирается на исследования и тех, и других, т. к. речевая деятельность и порождение письменных текстов, как её результат, предполагают аксиологический базис и набор правил естественного языка, с помощью которых можно реализовать основные постулаты (максимы) речевого общения.

Теоретическая значимость проведённого исследования подчёркивает, что семантические сдвиги связаны с расширением или сужением значения слова, ухудшением значения, избыточностью и т. д. Ненормированное использование в медиадискурсе служебных слов (предлогов и союзов), характеризуемых широко интерпретируемой полисемией и приводящих к плеоназму, лингвистически неэкологично и коммуникативно пусто.

О. С. Иссерс [13] отмечала, что оценка респондентами разного рода отступлений от нормы, в том числе и обусловленных задачами коммуникативной целесообразности с учётом фактора адресата, является преимущественно негативной, при этом предполагается, что источники, ориентированные на массового адресата, должны формировать вкус, а не подстраиваться под него.

Даже учитывая тот факт, что тексты СМИ в медиадискурсе должны проходить процесс редактирования, в процессе которого подобные нарушения должны устраняться, это происходит далеко не во всех случаях. Можно говорить о вступлении в силу закона семантической поляризации или энантиосемии, возникшей в результате активного использования данных конструкций в языке медиадискурса, когда из-за частотности употребления ситуация семантического сдвига переходит в категорию неразличения нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максименко О. И. Языковая игра в нейминге и рекламе в городском ландшафте как сдвиг коммуникативной нормы // *Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение?: коллективная монография* / под ред. Н. Н. Германовой, В. А. Пищальниковой. М.: МГЛУ, 2023. С. 173–192.
2. Германова Н. Н. Языковая норма в эпицентре дискуссий: отечественная и англоязычная лингвистика о языковой норме и нормировании языка // *Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение?: коллективная монография* / под ред. Н. Н. Германовой, В. А. Пищальниковой. М.: МГЛУ, 2023. С. 11–40.
3. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: проблема языкового изменения. М.: УРСС, 2001. 204 с.
4. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // *Вопросы языкознания*. 1987. № 3. С. 3–19.
5. Арутюнова Н. Д. Понятие нормы. Аномалии и язык // Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 65–90.

6. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1997. С. 162–189.
7. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 135–149.
8. Ефанова Л. Г. Категория нормы как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 6 (96). С. 21–24.
9. Ефанова Л. Г. Норма как философская и семантическая категория // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 70–78.
10. Германова Н. Н. Нормирование языка как средство создания различных типов социокультурной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 6 (717). С. 149–157.
11. Ицкович В. А. Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970. С. 9–39.
12. Крысин Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.
13. Иссерс О. С. Представления о речевом идеале, речевых приличиях и языковом вкусе (по данным пилотного социолингвистического исследования) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 95–111. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.95-111.
14. Шмелев А. Д. Распространенная ошибка или новая норма: как отличить одно от другого // Отечественные записки. 2014. № 2 (59). С. 274–285.
15. Савова М. Р. Этические и коммуникативные нормы в системе норм оценки речи // Наука и школа. 2009. № 1. С. 24–27.
16. Гришаева Л. И. Явная или скрытая норма: нормативность коммуникации в коммуникации // Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение?: коллективная монография / под ред. Н. Н. Германовой, В. А. Пищальниковой. М.: МГЛУ, 2023. С. 76–110.
17. Дорофеев Ю. В. Трансформация семантики языковых единиц в тексте: функциональный подход // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 5. С. 48–61. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.5.48-61.
18. Беляков М. В., Максименко О. И. Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 174–194. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194.
19. Bloomfield L. Language. New York: Allen & Unwin, 1933. 566 p.
20. Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change // Blank A., Koch P. Historical Semantics and Cognition. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 61–99. DOI: 10.1515/9783110804195.61.
21. Bréal M. Essai de sémantique; 2nd ed. Paris: Hachette, 1899. 352 p.
22. Dirk G. Reclassifying Semantic change // Quaderni di Semantica. 1983. No. 4. P. 217–240.
23. Ullmann S. Semantics: an introduction to the science of meaning. Oxford: Blackwell, 1972. 278 p.
24. Darmesteter A. La vie des mots étudiée dans leurs significations. Paris: Delagrave, 1887. 234 p.
25. Успенский В. А. Безобидны ли семантические сдвиги? // Успенский В. А. Труды по нематику: в 5 кн. Книга 1. Памяти ушедших. Аппарат издания; 2-е изд. исправл. и дополн. М.: ОГИ, Фонд «Математические этюды», 2020. 640 с.
26. Алешкевич С. С. Классификация и особенности семантических изменений // Современное педагогическое образование. 2021. № 4. С. 231–235.
27. Северская О. И., Высоцкая И. В. «Можно, пожалуйста,...» как речевая формула «новейшей русской вежливости» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 225–233. DOI: 10.17223/18137083/68/20.

REFERENCES

1. Maksimenko, O. I. (2023). Language play in naming and advertising in the urban landscape as a shift in the communicative norm. In: *Language norm in synchrony and diachrony: cultural heritage or an encroachment on self-expression?* Moscow: Moscow State Linguistic University publ., pp. 173–192 (in Russ.).

2. Germanova, N. N. (2023). Language norm at the epicenter of discussions: Russian and English-language linguistics on the language norm and language standardization. In: *Language norm in synchrony and diachrony: cultural heritage or an encroachment on self-expression?* Moscow: Moscow State Linguistic University publ., pp. 11–40 (in Russ.).
3. Coseriu, E. (2001). *Synchrony, Diachrony and History: The Problem of Language Change*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
4. Arutyunova, N. D. (1987). Anomalies and language (to the problem of the linguistic “picture of the world”). In: *Topics in the Study of Language*, 3, 3–19 (in Russ.).
5. Arutyunova, N. D. (1999). The concept of the norm. Anomalies and language. In: Arutyunova, N. D. *Language and the human world*. Moscow: Yazyki russkoy kultury publ., pp. 65–90 (in Russ.).
6. Vinogradov, V. V. (1997). Basic types of lexical meanings of a word. In: Vinogradov, V. V. *Selected works. Lexicology and lexicography*. Moscow: Nauka publ., pp. 162–189 (in Russ.).
7. Jedlička, A. (1988). Types of norms of language communication. In: *New in foreign linguistics. Issue XX: Theory of literary language in the works of scientists of the Czechoslovak Socialist Republic*. Moscow: Progress publ., pp. 135–149 (in Russ.).
8. Efanova, L. G. (2010). The category of norm as an linguistic object. In: *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 6 (96), 21–24 (in Russ.).
9. Efanova, L. G. (2015). Norm as a philosophical and semantic category. In: *Siberian Journal of Science*, 1 (16), 70–78 (in Russ.).
10. Germanova, N. N. (2015). Language standardization as a means of creating different types of sociocultural identity. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (717), 149–157 (in Russ.).
11. Itskovich, V. A. (1970). The norm and its codification. In: *Actual problems of speech culture*. Moscow: Nauka publ., pp. 9–39 (in Russ.).
12. Krysin, L. P. (2017). To the correlation of the language system, its norms and usage. In: *Communication Studies*, 2 (12), 20–31 (in Russ.).
13. Issers, O. S. (2018). Representations of speech ideal, speech decency and language taste (on the material of the pilot sociolinguistic experiment). In: *Communication Studies*, 4 (18), 95–111. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.95-111 (in Russ.).
14. Shmelyov, A. D. (2014). A widespread mistake or a new norm: what is the way to distinguish one from the other? In: *Domestic Notes*, 2 (59), 274–285 (in Russ.).
15. Savova, M. R. (2009). Ethical and communicative norms in system of norms of an estimation of speech. In: *Science and School*, 1, 24–27 (in Russ.).
16. Grishaeva, L. I. (2023). Explicit or hidden norm: normativity of communication in communication. In: *Language norm in synchrony and diachrony: cultural heritage or an encroachment on self-expression?* Moscow: Moscow State Linguistic University publ., pp. 76–110 (in Russ.).
17. Dorofeev, Yu. V. (2020). Transformation of the semantics of linguistic units in the text: A functional approach. In: *Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series*, 162 (5), 48–61. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.5.48-61 (in Russ.).
18. Belyakov, M. V. & Maksimenko, O. I. (2024). The Problem of Semantic Shift in Modern Russian: Corpus Research on the Example of a News Media Discourse. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 174–194. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194 (in Russ.).
19. Bloomfield, L. (1933). *Language*. New York: Allen & Unwin.
20. Blank, A. (1999). Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change. In: Blank, A. & Koch, P. *Historical Semantics and Cognition*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, pp. 61–99. DOI: 10.1515/9783110804195.61.
21. Bréal, M. (1899). *Essai de sémantique*; 2nd ed. Paris: Hachette.
22. Dirk, G. (1983). Reclassifying Semantic change. In: *Quaderni di Semantica*, 4, 217–240.
23. Ullmann, S. (1972). *Semantics: an introduction to the science of meaning*. Oxford: Blackwell.
24. Darmesteter, A. (1887). *La vie des mots étudiée dans leurs significations*. Paris: Delagrave.
25. Uspensky, V. A. (2020). Are semantic shifts harmless? In: Uspensky, V. A. *Works on non-mathematics: in 5 books. Book 1. In memory of the departed. Publishing apparatus*; 2nd ed. Moscow: OGI publ., Fond “Matematicheskoye etudy” publ.
26. Aleshkevich, S. S. (2021). Classification and peculiarities of semantic changes. In: *Modern Pedagogical Education*, 4, 231–235 (in Russ.).

27. Severskaya, O. I. & Vysotskaya, I. V. (2019). "Mozhno, pozhaluysta..." as a speech formula for the "newest Russian politeness". In: *Siberian Journal of Philology*, 3, 225–233. DOI: 10.17223/18137083/68/20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максименко Ольга Ивановна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения;

ORCID: 0000-0002-6611-8744; e-mail: maxbel7@yandex.ru

Ахренова Наталья Александровна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

ORCID: 0000-0002-1265-5595; e-mail: nakhrenova@mail.ru

Беляков Михаил Васильевич (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

ORCID: 0000-0002-6230-9893; e-mail: m.belyakov@my.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga I. Maksimenko (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, Federal State University of Education;

ORCID: 0000-0002-6611-8744; e-mail: maxbel7@yandex.ru

Natal'ya A. Akhrenova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

ORCID: 0000-0002-1265-5595; e-mail: nakhrenova@mail.ru

Mikhail V. Belyakov (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of the Russian Language, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

ORCID: 0000-0002-6230-9893; e-mail: m.belyakov@my.mgimo.ru

Научная статья

УДК 81'23

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-81-94

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ЗАПАХ»

Передриенко Т. Ю.

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 454080, г. Челябинск, пр-т В. И. Ленина, д. 76, Российская Федерация
e-mail: peredrienkoti@susu.ru

Поступила в редакцию 04.03.2024

После доработки 18.03.2024

Принята к публикации 19.03.2024

Аннотация

Цель. Характеристика системы языковой вербализации запаха в русской лингвокультуре как средства объективации ольфакторного культурного кода.

Процедура и методы. В работе используются когнитивный и лингвокультурологический подходы, предусматривающие изучение соотношения языка и сознания, языка и культуры, что удаётся достичь благодаря комбинированию ряда методов. Этимологический анализ раскрывает исходное значение изучаемых лексических единиц, метод анализа словарных дефиниций показывает существенные признаки значения. Контекстуальный анализ и анализ сочетаемости дополняют семантическую структуру, а метод статистического анализа показывает частотность употребления лексических единиц, вербализующих запах, и численную зависимость между ними. При помощи метода лингвокогнитивного моделирования структурируются полученные данные и описывается система языковой вербализации запаха в русской лингвокультуре.

Результаты. Проведённый анализ существительных лексико-семантической группы «запах» позволил раскрыть внутреннюю форму слов и её влияние на признаки, актуализируемые в современном русском языке. Полученные данные дали возможность охарактеризовать парадигматические отношения между лексическими единицами, составляющими группу, а также представить их в виде модели.

Теоретическая и практическая значимость статьи определяются необходимостью разработки модели анализа перцептивной лексики. Систематизированное представление фрагмента ольфакторного культурного кода может быть использовано в практике лексикографического описания лексики. Представленная модель анализа фрагмента ольфакторного культурного кода может быть применена для характеристики других модусов перцепции.

Ключевые слова: восприятие, запах, модус перцепции, обоняние, перцептивная лексика, ольфакторный культурный код

Для цитирования:

Передриенко Т. Ю. Парадигматические отношения в лексико-семантической группе «запах» // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 81–94. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-81-94>

Original research article

PARADIGMATIC RELATIONS IN THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP “SMELL”

T. Peredrienko

South Ural State University (national research university), prospekt V. I. Lenina 76, Chelyabinsk 454080, Russian Federation

e-mail: peredrienkoti@susu.ru

Received by the editorial office 04.03.2024

Revised by the author 18.03.2024

Accepted for publication 19.03.2024

Abstract

Aim. To characterize the system of language verbalization of smell as a means of objectification of the olfactory code of Russian culture.

Methodology. The combination of cognitive and linguistic-cultural approaches to the work involves studying the relationship between language and consciousness, language and culture, which is achieved by a number of methods. Etymological analysis reveals the original meaning of the lexical units being studied; the method of dictionary entries analysis and the method of their generalization show the main features of meanings. Contextual analysis and compatibility analysis complement the semantic structure of the lexical units verbalizing smell, and statistical analysis shows the frequency of their usage and the digital relationship between them. Using the method of linguistic-cognitive modeling, the obtained data is structured and the system of linguistic verbalization of smell in Russian linguistic culture is described.

Results. The analysis of nouns of the lexical-semantic group “smell” made it possible to reveal the inner form of words and its influence on the signs that are actualized in modern Russian. The obtained data made it possible to characterize the paradigmatic relations between the lexical units that make up the group, as well as to present them in the form of a model.

Research implications. The theoretical and practical significance of the article is determined by the necessity to develop a model for the analysis of perceptual vocabulary. A systematic presentation of a fragment of the olfactory cultural code can be used in the practice of lexicographic description of vocabulary. The presented model can be applied to characterize other modes of perception.

Keywords: perception, smell, perception mode, olfaction, perceptual vocabulary, olfactory cultural code

For citation:

Peredrienko, T. Yu. (2024). Paradigmatic relations in the lexical-semantic group “Smell”. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 81–94. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-81-94>

Введение

Обоняние играло и продолжает играть значимую роль в жизни людей. Способность воспринимать запах позволяет ориентироваться на местности, оценивать объекты окружающей среды и избегать опасности, влиять на мировосприятие, а также регулировать эмоциональный фон человека. Современ-

ные люди выходят за рамки природных запахов и дополняют их искусственно созданными, формируя вокруг себя новое ольфакторное пространство. По этой причине учёные подходят к исследованию запаха с разных сторон, анализируя его биологическую, социальную и культурную составляющие, а также способы выражения этого вида чувственного вос-

приятия через язык. Целью написания данной статьи является изучение средств объективации ольфакторного кода русской лингвокультуры через описание языковой системы вербализации запаха.

Запах и язык: лингвокультурный подход

Лингвисты, занимающиеся изучением вербализации запаха в языке, однозначно отмечают «относительную бедность словаря для передачи обонятельных ощущений» и «недостаточность ольфакторной терминологии» [1, с. 16; 2, с. 8]. Данное явление может быть объяснено несколькими факторами. Значимость обоняния в жизни современного человека снизилась, и оно перестало быть доминирующей чувственной модальностью. Как утверждает С. К. Летягина, в наше время люди извлекают из запаха гораздо меньше информации, чем это делают животные, что было вызвано биологическими причинами и развитием цивилизации [3, с. 163]. Потеря обонянием доминирующей роли в познании мира становится причиной затруднения идентификации и вербализации «собственных ольфакторных впечатлений» [4, с. 18]. Н. С. Павлова объясняет «парадоксальность феномена запаха» тем, «что данное явление представляет собой субъективно-объективное единство: восприятие запаха не является неперменным атрибутом выживания человека, но без данного субъективного восприятия объективно в природе запах как бы не существует» [5, с. 12]. Эту же мысль развивают Н. А. Трофимова и В. В. Мамцева, которые объясняют сложность объективации запаха его «неформализуемостью, невозможностью непосредственного наблюдения и наделением запаха субъективным смыслом» [2, с. 6].

Сложность вербализации запахов приводит к трудностям их классификации. В настоящее время предложены несколько классификаций, основанных на различных критериях, но учёные про-

должают искать новые подходы к этому сложному феномену. Самая простая классификация базируется на критерии происхождения запаха, по которому они разделяются на природные и искусственные [6, с. 92].

Однако люди чаще всего классифицируют запахи через соотношение их с гедонистической нормой, то есть в соответствии с оценкой «нравится – не нравится» [7, с. 111]. По тому, как запахи воспринимаются, их можно разделить на приятные, неприятные и нейтральные или безразличные. Приятные запахи хочется ощущать как можно дольше, они могут вызывать хорошие ассоциации; вдыхая неприятные запахи, люди чувствуют отвращение или ассоциации с печальными событиями. Нейтральными запахами принято считать те, которые, как отмечает Е. В. Папченко, перестают замечать «вследствие привычки», например, запах жилья [8, с. 99]. Но данная классификация является достаточно условной и субъективной, так как не существует универсального критерия разделения запахов на эти группы.

Р. Ф. Брылева считает, что при определении запаха человек оценивает отдельные свойства, а потом их совокупность [9, с. 694]. Учёными выделяются такие свойства, как интенсивность, стойкость и предметность. Интенсивность обозначает высокую или низкую насыщенность запаха в воздухе, «стойкость фиксирует устойчивость запаха во времени и на расстоянии от источника» [9, с. 694]. Предметность показывает «соотнесенность с той или иной предметно-смысловой сферой», поскольку запах представляет собой «воспринимаемый ольфакторно признак объекта, благодаря которому он выделяется в потоке перцептивной информации» [10, с. 60; 11, с. 99].

Оценивая запах, человек ориентируется не только на его объективные свойства, но и на «культурные и национальные традиции общества, этикет, моду и личные пристрастия индивидуума» [6,

с. 93]. Важную роль запахов в культуре и необходимость дешифровки их значения отмечают многие учёные [12; 13; 14; 15]. В научной среде принято считать, что запахи «наделены культурно релевантными значениями и участвуют в общественной жизни в качестве парадигмы идентификации мира и взаимодействия с ним» [16, с. 48]. Это связано с тем, что запахи «пробуждают память» и вызывают у людей «цепь взаимосвязанных воспоминаний», и как следствие оценочные реакции на воспринимаемые процессы и явления [14, с. 71; 17, с. 52]. Информация, которая передаётся через запах, формирует ольфакторный код культуры, «программирующий нас на определенное поведение и реакции» [18]. Именно поэтому исследование истории запахов, их значений, ассоциаций, вызываемых ими, способов вербализации их в языке способствуют пониманию основ изучаемых культур.

Цель и методы исследования

Целью написания данной работы является изучение и описание системы языковой вербализации запаха в русской лингвокультуре как средства объективации ольфакторного культурного кода. Материалом исследования являются лексические единицы, вербализующие наименования запаха, полученные методом сплошной выборки из словарей синонимов и антонимов русского языка, а также данные Национального корпуса русского языка.

В работе используются когнитивный и лингвокультурологический подходы, предусматривающие изучение соотношения языка и сознания, языка и культуры. Для выявления внутренней формы изучаемых лексических единиц применяется метод этимологического анализа, для характеристики существенных признаков значения осуществляется анализ словарных дефиниций. Полное и точное описание семантической структуры производится при помощи контекстуально-го анализа и анализа сочетаемости. Ме-

тод статистического анализа позволяет установить частотность употребления лексических единиц, вербализующих запах, и выявить численные показатели. Метод лингвокогнитивного моделирования даёт возможность структурировать полученные данные и описать систему языковой вербализации запаха в русской лингвокультуре.

Лексико-семантическая группа «запах»

Ханс Риндисбахер отмечает, что «мир запахов обладает биполярной структурой» [19, с. 583]. Словари синонимов также представляют *запах* как общую лексическую единицу двух антонимических по отношению к друг другу рядов, доминантами которых являются *аромат* и *зловоние*¹. В синонимический ряд с доминантой *аромат* включены *запах*, *дух*, *благоухание*, *благовоние*, *фимиам*, *амбре*. Синонимический ряд с доминантой *зловоние* образуется лексическими единицами *смад*, *запах*, *вонь*, *душок*, *запашок*, *вонница*, *дух*, *амбре*.

Лексическая единица *запах*, входящая в оба ряда лексики, является гиперонимом и называет лексико-семантическую группу, в которой представлены слова, обозначающие «свойство веществ, воспринимаемое обонянием»². Существительное *запах* произошло от общеславянского существительного *пахъ*, которое имело значение «дуновение»³. Ни в первоначальном значении лексической единицы, ни в современном толковании

¹ См.: Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М.: Русский язык, 2001. С. 138; Словарь синонимов русского языка / сост. А. Ю. Мудрова. М.: Центрполиграф, 2009. С. 132.

² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 336. Далее – БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов).

³ Крылов Г. А. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov> (дата обращения: 02.02.2024). Далее – Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка.

не заложена оценочность, то есть без контекста *запах* нейтрален. Однако дериват *запашок* имеет отрицательную коннотацию и обозначает «слабый дурной запах»¹.

Лексическая единица *дух* также входит в оба ряда лексики, но она является полисемичной, и на первый план выходит значение «сознание, мышление, психические способности», тогда как значение «запах» фиксируется как седьмое². Хотя первоначальное значение данной лексической единицы ассоциировалось с обонянием, *дух* имеет общеславянское происхождение и связан с глаголом *дышать*. Дериват *душок* сохранил первичное значение, но приобрёл отрицательную коннотацию «запах от чего-нибудь загнивающего, несвежего»³.

Ещё одной единицей, входящей в оба ряда, является *амбре*, пришедшее в русский язык из французского. *Ambré* обозначает *янтарь* и *амбру* – органическое вещество, используемое в парфюмерии. Первоначально *амбра* имеет неприятный запах, но с прошествием времени запах улучшается, приобретая ноты от других веществ. При заимствовании *амбре* употреблялось для выражения «благовония, приятного запаха», однако в настоящее время лексическая единица в этом значении считается устаревшей. В современном русском языке *амбре* используется для иронического обозначения «дурного запаха, зловония» в разговорной речи⁴.

Заимствованиями из греческого языка для вербализации запаха являются лексические единицы *аромат* и *фимиам*. *Аромат*, от греческого *aromatos* – «душистое вещество», обозначает приятный запах и широко используется в со-

временном русском языке⁵. *Фимиам*, от *thymiata* – «жгу благовонные курения», использовали как церковный термин для обозначения ладана. В настоящее время лексическая единица считается устаревшей и используется как поэтическое слово для вербализации сильного аромата или употребляется в переносном значении «льстивая похвала»⁶.

В лексических единицах *благоухание* и *благовоние* положительная оценка запаха выражается эксплицитно. *Благоухание* происходит от *благо* и русского церковнославянского глагола *ухати* – «пахнуть», который в свою очередь образовался от праславянского **ǫxati*⁷. Данная лексическая единица является родственной ст.-славянскому слову *вонь*. Как отмечает, Г. А. Крылов, общеславянское *вонь* образовалось от латинского *apinitus* – «дух» и обозначало «запах» без его оценочной характеристики⁸. Для обозначения приятного запаха использовалось *благовоние*, а неприятный запах называли *зловонием*.

Дальнейшее развитие языка привело к тому, что за лексической единицей *вонь* в русском языке закрепилась только отрицательная коннотация с указанием на интенсивность запаха. В настоящее время *вонь* употребляется в значении «сильный отвратительный запах», которое также передалось деривату *вонница*⁹. Неприятный запах вербализуется ещё одной лексической единицей – *смад*. Слово имеет старославянские корни и обозначает «отвратительный запах»¹⁰.

⁵ БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов). С. 47.

⁶ Семёнов А. В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov> (дата обращения: 02.02.2024).

⁷ Фасмер М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer> (дата обращения: 02.02.2024). Далее – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.

⁸ Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка.

⁹ БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов). С. 148.

¹⁰ БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов). С. 1220.

¹ БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов). С. 337.

² БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов). С. 289.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2002. С. 184. Далее – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.

⁴ БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов). С. 37.

Лексико-семантическая группа «запах» должна быть также дополнена другими лексическими единицами, которые не представлены в словарях синонимов, но фиксируются толковыми словарями. «Сильный приятный запах» передаётся словом *пахучесть*, которое несмотря на одинаковое происхождение с существительным *запах* имеет не нейтральную, а положительную коннотацию¹.

Отрицательная оценка выражается существительными *миазмы*, *затхлость*, *перегар*, *шмон*. Каждая из этих лексических единиц имеет в значении сему «запах», а также сему, уточняющую, чем запах неприятен. Существительное *миазм(ы)*, которое в русском языке в основном употребляется во множественном числе, произошло от греческого *μίασμα* – «загрязнение»² и обозначает «ядовитые запахи, испарения, газы с дурным запахом, образующиеся от гниения»³. Ранее слово использовалось как медицинский термин и наличием *миазмов* объясняли происхождение эпидемий. О. А. Деханова отмечает, что в тот временной период дурной запах представлялся «потенциальной опасностью для здоровья и жизни» [13, с. 74]. До открытия болезнетворных микроорганизмов считалось, что миазмы через вдыхаемый воздух попадают в организм человека и вызывают в нём болезнь. Так, например, в словаре Ф. Павленкова 1907 года *миазмы* толкуются как «испарения, содержащие заразу; заразительное вещество, носящееся в воздухе и делающее его вредным для жизни; зараза, развивающаяся в воздухе; вредоносные микробы, носящиеся в воздухе»⁴. В современном русском языке благодаря раз-

витию науки связь *миазмов* с болезнью утрачивается, а сохраняется значение «ядовитый запах, запах гниения».

Лексическая единица *затхлость* также обозначает «гнилой запах», но источником являются «залежалые, долго не проветривавшиеся, не употреблявшиеся вещи или продукты». Слово *затхлость*, произошедшее от др.-русского **задъхлый* – «задохнувшийся», в современном языке сохраняет своё первоначальное значение⁵.

Запах, который получается при перегорании чего-либо, называется *перегаром*. Лексическая единица происходит от праславянского **gorěti*, то есть в первоначальном значении вербализовалась причина появления запаха, а не его оценка⁶. Далее у лексической единицы развивается переносное значение, и сейчас она употребляется для обозначения «неприятного запаха во рту после выпитого спиртного, при похмелье»⁷.

Лексическая единица *шмон* также имеет значение «резкий, неприятный запах», но помета говорит о том, что *шмон* является жаргонизмом⁸. Интересно отметить, что этимологический анализ выявляет значение «дурной запах» у лексической единицы *бром*, которая произошла от греческого *βρῶμος* – «зловонный». Однако в русском языке *бром* в этом значении не используется и называется химический элемент и лекарственный препарат, используемый как успокоительное⁹.

Следующим этапом работы изучим частотность употребления лексических единиц, вербализующих запах, их сочетаемость и контексты употреблений по Национальному корпусу русского языка¹⁰.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 496.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.

³ БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов). С. 540.

⁴ См.: Миазмы (Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1907) // Словари онлайн : [сайт]. URL: <https://rus-foreign-words-dict.slovaronline.com/23296-МИАЗМЫ> (дата обращения: 02.02.2024).

⁵ БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов). С. 353.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 501.

⁸ БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов). С. 1502.

⁹ БТС (гл. ред. С. А. Кузнецов). С. 97.

¹⁰ Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.02.2024).

Лексико-грамматический поиск в основном корпусе показывает, что наибольшей частотностью обладают лексические единицы *дух, запах, аромат*, а наименьшей *воньца, амбре* и *пахучесть*. Полученные данные представлены в табл. 1.

Изучение портрета слова *пахучесть* показывает его низкую частотность употребления преимущественно в художественных текстах (72,73% – публицистика, электронная коммуникация, учебно-научная и бытовая сферы функционирования). Сочетаемость с прилагательными выражает интенсивность (*едва уловимая, сильная, меньшая, избыточная*) и уникальность *пахучести* (*особая, особенная, другая*). Сочетаемость с глаголами показывает, что объекты восприятия могут *иметь / утрачивать пахучесть*, а субъекты *воспринимать / пренебрегать*.

Лексическая единица *амбре* употребляется преимущественно в художественных текстах (63,79%). Сочетаемость существительного с прилагательными выражает отрицательную оценку *амбре* (*смердное, похмельное, удушливое*), положительную оценку (*тонкое, свежее*), сложность в определении (*непередаваемое*), место его локации (*казарменное*), источник происхождения (*бензиновое, пивное, природное*). Источник происхождения передаётся также через сочетания существительного *амбре* с другими существительными (*амбре (жжёного) сахара, амбре духов*). Объекты *источают / издают амбре*, которое в свою очередь *расплывается и сохраняется*.

Лексическая единица *воньца* также встречается чаще в художественных текстах (72,34%). Для выражения отрицательных эмоций существительное

Таблица 1 / Table 1

Частотность употребления единиц лексико-семантической группы «запах» в НКРЯ / Frequency usage of units of lexical-semantic group “Smell” in RNC

Лексическая единица	Количество текстов	Количество коллокаций
дух	17861	97937
запах	8204	31905
аромат	3157	6551
вонь	1211	2038
смерд	772	1149
благоухание	719	1103
благовоние	422	735
перегар	489	611
фимиам	440	600
зловоние	440	584
душок	389	509
миазм(ы)	236	303
затхлость	204	240
шмон	115	221
запашок	124	153
воньца	82	94
амбре	51	58
пахучесть	26	33

Источник: по данным автора.

употребляется в восклицательных предложениях (*Ну и вонища! Какая тут вонища! Вонища-то!*). Отрицательная оценка актуализируется в коллокациях с прилагательными *жуткая, невозможная, невыносимая, невероятная*, а коллокация с прилагательным *городская* вербализует локацию, способ распространения передаётся глаголами *идёт / пошла / потекла*.

Портрет слова *запах* показывает его использование преимущественно в художественных текстах (77,78%). Анализ сочетаемости лексической единицы с прилагательными выявляет отрицательную оценку (*смердный, дурной, неприятный, угарный, тошнотворный, липкий, затхлый*), интенсивность (*еле уловимый, еле заметный, малейший, слабенький, лёгкий, крепкий, явственный, густой*), источник происхождения (*грибной, собственный, нафталиновый, тинный, мышинный, луковый*), а также локацию (*погребной, кухонный, ресторанный, лагерьный*). Коллокации с прилагательными *сладкий, кислый, приторный* выражают синестетическое восприятие, когда *запах* описывается через характеристики, определяемые при вкусовом восприятии. Интенсивность распространения *запах* вербализуется также глаголами *несётся, проникает*, в то время как *лёгкий запах* *порхает, кружится, вьётся*, что говорит о положительных ассоциациях.

Изучение контекстов употребления слова *шмон* в НКРЯ показывает, что существительное не используется в значении «запах», что объясняется ограниченным распространением слова в этом значении.

Сферой употребления лексической единицы *затхлость* являются большей частью художественные тексты (58,33%). Отличие запаха *затхлости* от других состоит в том, что он ассоциируется со старостью и унынием, что актуализируется коллокациями *старческая / старушачья / унылая / тоскливая / удручающая затхлость*. Анализ сочетаемости также показал обозначение отрицатель-

ной оценки (*душиная, тухлая, дикая*), интенсивности (*лёгкая, плотная*), локации (*канцелярская, чердачная, потусторонняя*), синестетического восприятия (*сладковатая, кислая*) и положительной оценки (*милая, душистая*). Оценка восприятия выражается также глаголами *несло / воняло и повеяло*.

Использование лексической единицы *миазм / миазмы* в корпусе фиксируется как в единственном, так и во множественном числе в разных видах текстов (художественных – 42,28% и нехудожественных – 57,72%). Этот вид запаха получает ярко выраженную отрицательную оценку, о чём свидетельствует сочетаемость с прилагательными *ужасные, отвратительные, дрянные, невыносимые, тяжкие*. В коллокациях с прилагательными вербализуются источники *миазмов* (*алкогольные, нечистотные, болотные*), их локация (*европейские, кухонные, курортные*), и также выявляется первичное значение «гнилостные испарения, содержащие заразу» (*заразные, гнилые, ядовитые, убийственные, вредные, зловредные*). Объекты восприятия *распространяют / воняют / порождают / таят / издают миазмы*, субъекты восприятия *дышат / нюхают / прогоняют миазмы*, которые *заражают и властвуют*.

Отличительной особенностью лексической единицы *душок* является её ассоциация с политической жизнью общества, о чём говорит сочетаемость с такими прилагательными как *политический, националистический, расистский, антисоветский, антисемитский*. В данных контекстах *душок* приобретает метафорическое значение, когда осуждаемые в разные периоды времени политические течения ассоциируются с неприятным запахом. Лексическая единица *душок* используется чаще в художественных текстах (60,51%), в которых коллокации с прилагательными актуализируют отрицательную оценку (*нехороший, неприятный, смердный, противный, мерзкий, наскудненький*), положительную оценку

(ароматный, лакомый, благоухающий, возбуждающий) и синестетическое восприятие (сладковатый, сладкий, сладко-солёный, приторный, горьковатый).

Лексические единицы *зловоние*, *смад* и *вонь* имеют сходные характеристики употребления, они встречаются во всех видах текстов примерно в одинаковых пропорциях. Коллокации с прилагательными *отвратительный*, *нестерпимый*, *ужасный*, *мерзкий* вербализуют отрицательную оценку этих запахов, интенсивность передаётся прилагательными *сильный*, *стойкий*, *приглушённый*, *лёгкий*, а локация актуализируется прилагательными *кухонный*, *трактирный*, *комнатный* и другими. Существительные используются для передачи смертельных запахов, значение которых актуализируется прилагательными *смертельный*, *трупный*, *могильный*. Глаголы называют разрушающие действия этих запахов (*душить*, *травить*, *дурманить*, *заражать*, *убивать*) и их распространение (*наполнять*, *стоять*, *висеть*, *издавать*, *тянуть*, *разноситься*, *ползти*, *подниматься*). Субъекты восприятия стараются избегать этих запахов, что передаётся глаголами *не вдыхать*, *заглушать*. Существительное *вонь* часто сочетается с существительными, чтобы назвать те объекты, которые источают неприятный запах (*вонь (старой) одежды / курева / газа / пруда*).

Ещё одним неприятным запахом является *перегар*. Портрет слова показывает, что *перегар* употребляется чаще в художественных текстах (77,41%). Отличительной особенностью этого запаха является то, что в большинстве коллокаций с прилагательными обозначается источник *перегара* (*винный*, *водочный*, *самогонный*, *табачный*), этот источник не всегда связан с алкоголем (*бензиновый*, *мазутный*). Прилагательные также выражают отрицательную оценку запаха (*гнусный*, *чудовищный*, *противный*, *страшнейший*), его продолжительность (*многодневный*, *вечный*) и синестетиче-

ское восприятие (*кислый*). Лексическая единица *перегар* образует коллокации с другими существительными, называющими запах, которые передают оценку восприятия, в основном негативную (*вонь перегара*, *смад перегара*, *запах перегара* и *аромат перегара*). Глаголы, вербализующие действия, характеризуют агрессивность *перегара* (*ударил*, *шиб*, *стукнул*, *отравил*).

Лексическая единица *благоухание* пропорционально используется во всех типах текстов, *благовоние* чаще используется в нехудожественных текстах (61,9%). Положительная оценка этих запахов вербализуется в их названиях, а также в коллокациях с прилагательными *приятный*, *милый*, *нежный*, *чудесный*, *ароматный*, *упоительный*, которые для усиления гедонистического эффекта могут использоваться в превосходной степени (*нежнейший*, *тончайший*, *приятнейший*, *драгоценнейший*, *лучший*) или указывать на связь с божественным началом (*райский*). Анализ сочетаемости показывает, что прилагательными называются источники происхождения *благовония* и *благоухания* (*медовое*, *кофейное*, *мускусное*), их интенсивность (*насыщенное*, *сильное*, *крепкое*, *едва заметное*, *тонкое*, *легчайшее*), локация (*французское*, *аптекарское*, *аравийское*, *церковное*, *восточное*, *африканское*, *египетское*, *крымское*) и сложность их идентификации (*неизъяснимое*, *неведомое*, *непонятное*). Прилагательные вербализуют эффект, который оказывают эти запахи на человека (*опьяняющее*, *головокружительное*, *одуряющее*), а также представляют синестетическое восприятие, когда *благовоние* и *благоухание* описываются через характеристики, которые определяются при вкусовом (*сладкое*, *пряное*) и тактильном восприятии (*тёплое*, *горячее*). Отрицательная оценка выражается в коллокациях *душно* / *грустно* / *тяжёлое благоухание* (*благовоние*). Глаголами вербализуются действия субъектов восприятия этих запахов (*вдыхать*, *дышать*, *обонять*, *чувствовать*,

обкуривать), которые получают удовольствие (наслаждаться), а также действия объектов (испускать, издавать, источать) и способы распространения самих запахов (примешиваться, разноситься, литься, стелиться, наполнять, течь, пропитываться). Благоухание и благовоние образуют коллокации с существительными, в которых актуализируются объекты, от которых распространяются запахи (благоухание леса, благовоние цветов). Существительное благоухание используется также метафорически, перенося приятные ощущения от этого запаха на абстрактные сущности (благоухание жизни, благоухание удачи, благоухание моды).

Лексическая единица *фимиам* чаще встречается в нехудожественных текстах (59,6%). В коллокациях с прилагательными выявляется положительная оценка (благородный, благовонный, благоуханный, драгоценный, лучший), связь с религиозной темой (монашеский, кадильный, религиозный), синестетическое восприятие (сладкий) и воздействие на человека (пьянящий). Субъекты восприятия *воскуривают / нюхают / вдыхают / любят / возжигают фимиам*, который *кадит, дымит, туманит и благоухает*.

Доминантой синонимического ряда приятных запахов является *аромат*. Изучение портрета слова показывает его использование в разных видах текстов (художественных – 48,82% и нехудожественных – 51,18%). Сочетаемость существительного с прилагательными актуализирует широкий спектр характеристик, чем у других лексических единиц. В коллокациях актуализируется положительная оценка (*изысканный, благоухающий, приятный, дивный, превосходный, замечательный, драгоценный, лучший, божественный*), воздействие на человека (*заманчивый, завораживающий*), интенсивность (*тонкий, ненавязчивый, лёгкий, сильный, надрывный, неистребимый*), происхождение (*искусственный, синтетический, химический (натуральный)*), локация (*московский, китайский*), время

проявления (*весенний, сезонный*), гендерная характеристика (*мужественный, женственный*), синестетическое восприятие (*жаркий, острый, приторный, горький*), отрицательная оценка (*затхлый, печальный*), сложность идентификации (*непонятный, непередаваемый*) и источник, производящий запах (*абрикосовый, медовый, яблочный, грибной*). В коллокациях с существительными называется объект, от которого исходит запах (*аромат духов / цветов / кофе*). Действия субъектов восприятия *аромата* вербализуются глаголами ольфакторной перцепции *вдыхать, нюхать, подышать*. Глаголы также актуализируют действия, направленные на сохранение *аромата* (*хранить, сохранять*) и наслаждение им (*наслаждаться, ценить*). Распространение *аромата* выражается глаголами *веять, разноситься, разливаться, переполняться*.

Самыми частотными лексическими единицами, называющими запахи, являются *запах* и *дух*. Их встречаемость в корпусе настолько велика, что для анализа рассматриваются самые частотные коллокации. *Запах* является гиперонимом изучаемой лексико-семантической группы и может заменять все слова, объединённые семей «запах», а значит и приобретать все их характеристики.

Анализ коллокаций и контекстов употребления лексической единицы *дух* показывает, что она употребляется в значениях «сознание, мышление, психическая способность» (*здоровый / воинственный дух*), «моральная сила» (*народный / боевой дух*), «бесплотное существо» по религиозным представлениям (*святой / злой дух*) или в составе фразеологизмов (*перевести дух, испустить дух, набраться духу, поднимать дух, падать духом*). Среди частотных контекстов значения «запах» выявлено не было.

Заключение

В мире запахов отмечается «биполярная структура», в словарях фиксируются синонимические ряды лексических еди-

ниц, называющих приятные и неприятные запахи. Но из-за их абстрактности, обонятельной адаптации к ним, субъективных смыслов и новых значений объективация запахов усложняется. При оценке запахов важную роль играют также культурные представления, которые формируют ольфакторный код культуры, отражающий особенности восприятия действительности определённым сообществом. Этими факторами объясняется отсутствие чётких критериев оценки запахов, а следовательно, и размытость границ «биполярной системы» ольфакторного пространства.

В значениях лексических единиц, вербализующих запахи в языке, концептуализируются их ольфакторные признаки, а также физические и психические реакции людей на них. Проведённый анализ существительных лексико-семантической группы «запах» позволил раскрыть внутреннюю форму слов и её влияние на признаки запахов, актуализируемые в современном русском языке. Важными для человека признаками оказываются интенсивность, локация, источник, воздействие на человека. При восприятии

запаха люди испытывают синестетические ощущения и фиксируют их в языке. Все запахи подвергаются оценке, которая выражается в семантической структуре слова или через сочетаемость с другими лексическими единицами. Запахи вербализуются через друг друга, а также один и тот же запах может оцениваться и как положительный, и как отрицательный. Таким образом, в одном контексте единицы являются синонимами, а в другом – антонимами. Представим парадигматические отношения между лексическими единицами, составляющими группу, в виде модели (рис. 1), на которой показано, какие существительные вербализуют приятные запахи, неприятные запахи, а также те, которые получают и ту, и другую оценку.

Приятные запахи вербализуются лексическими единицами *благоухание*, *благовоние*, *пахучесть* и *фимиам*, а неприятные актуализируются лексическими единицами *вонь*, *зловоние*, *миазм(ы)*, *душок*, *вонница*, *смад*, *перегар* и *душок*. Лексическая единица *запах*, несмотря на нейтральность значения, получает, в зависимости от контекста и сочетаемости, как положительную, так и отрицательную

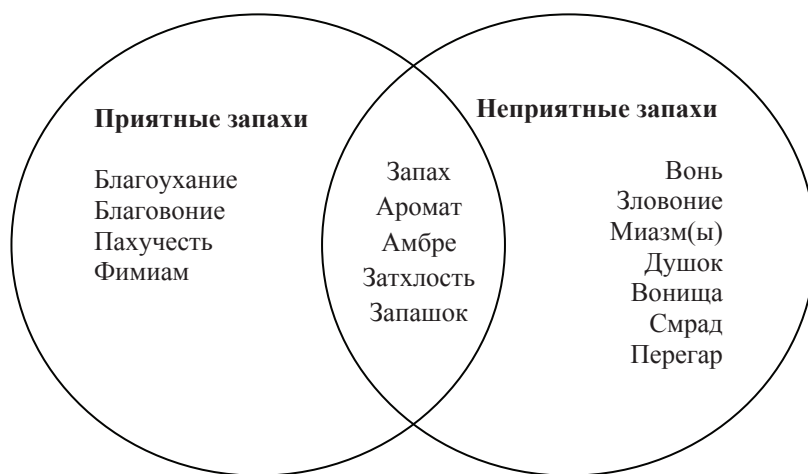

Рис. 1 / Fig. 1 Парадигматические отношения в лексико-семантической группе «запах» / Paradigmatic relations in the lexical-semantic group “Smell”

Источник: составлено автором по результатам проведённого исследования

оценку. *Аромат* и *амбре*, первоначально относящиеся к приятным запахам, со временем в ироническом значении стали обозначать также неприятные запахи.

Лексические единицы *затхлость* и *запах*, наоборот, могут приобретать положительную коннотацию в определённых контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басалаева Е. Г. Языковая репрезентация запаха в парфюмерном интернет-дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 16–20.
2. Трофимова Н. А., Мамцева В. В. Любовь и запахи: репрезентация ольфакторности в любовном дискурсе (на материале немецкого языка). СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 94 с.
3. Летягина С. К. Гендерные особенности ольфакторной самопрезентации личности в социальном взаимодействии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2. № 2. С. 163–166.
4. Шишова Е. С. Запахи и сенсорное упорядочивание пространства новых жилых районов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 10–30. DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.1.
5. Павлова Н. С. Лексика с семей «запах» в языке, речи и тексте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 20 с.
6. Алахвердиева Л. Г. Одорическая лексика как социальная метка в романе Ги де Мопассана «Милый друг» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 33. № 2. С. 90–98. DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-2-90-98.
7. Чуксина С. И. Функционирование глаголов обонятельного восприятия в творчестве С. Н. Сергеева-Ценского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 4 (132). С. 111–116.
8. Папченко Е. В. Проблема систематизации запахов // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 5 (42). С. 98–101.
9. Брылева Р. Ф. Сопоставительный анализ ольфакторных субстантивов с положительно-оценочным компонентом в русском, французском и башкирском языках // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 3. С. 694–699. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.3.26.
10. Костяев А. И. Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы. М.: Стереотип, 2020. 144 с.
11. Шнякина Н. Ю. Ольфакторный признак как объект вербализации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. № 52. С. 93–111. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-93-111.
12. Бельская Т. И. Способы объективации концепта «запах» во французском культурном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 566. С. 46–61.
13. Деханова О. А. Отражение ольфакторной культуры XIX века в произведениях Ф. М. Достоевского. Запах города на примере романа «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3 (11). С. 68–90. DOI: 10.22455/2619-0311-2020-3-68-90.
14. Лебедева М. С., Ежова Е. Н. Способы актуализации модуса обоняния в рекламных текстах // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2021. № 25. С. 69–77.
15. Федорова И. А., Ильина Ю. Н., Гребенкина Е. К. Межязыковые соответствия в семантическом поле «запах» в романских языках // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 9-2. С. 118–122. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.09-2.23.
16. Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре: в 2 книгах / сост. О. Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Книга 1. С. 43–51.
17. Леонтьева Е. Ю. Центр большого города: запах, человекомерность, хронотоп // Социология города. 2021. № 4. С. 52–60.
18. Белозёрова А. А., Овсиенко Т. В. Прагмалингвистическая репрезентация ольфакторного образа: гендерный аспект (на материале немецкоязычной художественной литературы) // Мир науки. Социология, филология, культурология (сетевое издание). 2020. Т. 2. № 11. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK220.pdf> (дата обращения: 04.02.2024). DOI: 10.15862/25FLSK220.

19. Риндисбахер Х. Д. От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Ароматы и запахи в культуре: в 2 книгах / сост. О. Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Книга 2. С. 579–608.

REFERENCES

1. Basalaeva, Ye. G. (2013). Language representation of odour in the internet perfume discourse. In: *Tomsk State University Journal*, 375, 16–20 (in Russ.).
2. Trofimova, N. A. & Mamtseva, V. V. (2020). *Love and smells: representation of olfactory quality in love discourse (based on the German language)*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics publ. (in Russ.).
3. Letyagina, S. K. (2013). Gender Peculiarities of Olfactory self-Presentation of a Personality in social Interaction. In: *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2 (2), 163–166 (in Russ.).
4. Shishova, E. S. (2020). New Residential Districts Ordering: from Language of Smells Description to the Space Sensory Order. In: *Interaction. Interview. Interpretation*, 12 (3), 10–30. DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.1 (in Russ.).
5. Pavlova, N. S. (2006). *Vocabulary with the seme "smell" in language, speech and text* [dissertation]. Yekaterinburg (in Russ.).
6. Alakhverdieva, L. G. (2018). Smell vocabulary as a social marker in the novel *Bel ami* by Guy de Maupassant. In: *Herald of Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 3 (2), 90–98. DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-2-90-98 (in Russ.).
7. Chuksina, S. I. (2014). Functioning of verbs of olfactory perception in work of S. N. Sergeyev-Tsensky. In: *Tambov University Review. Series: Humanities*, 4 (132), 111–116 (in Russ.).
8. Papchenko, E. V. (2008). The problem of scent systematization. In: *The Humanities and socio-economic sciences*, 5 (42), 98–101 (in Russ.).
9. Bryleva, R. F. (2019). Comparative analysis of olfactory substantives with positive evaluative component in Russian, French and Bashkir languages. In: *Bulletin of the Bashkir University*, 24 (3), 694–699. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.3.26 (in Russ.).
10. Kostyaev, A. I. (2020). *Aromas and smells in the history of culture: signs and symbols*. Moscow: Stereotip publ. (in Russ.).
11. Shnyakina, N. Yu. (2020). Olfactory signs as objects of verbalization. In: *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 52, 93–111. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-93-111 (in Russ.).
12. Belskaya, T. I. (2009). The means of representation of the concept "smell" in French culture. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 566, 46–61 (in Russ.).
13. Dekhanova, O. A. (2020). The reflection of XIX century olfactory culture in the works of F. M. Dostoevsky. The smell of the city on the example of the novel *Crime and Punishment*. In: *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 3 (11), 68–90. DOI: 10.22455/2619-0311-2020-3-68-90 (in Russ.).
14. Lebedeva, M. S. & Ezhova, E. N. (2021). Ways to actualization the modus of smell in advertising texts. In: *PR and advertising in a changing world: regional aspect*, 25, 69–77.
15. Fedorova, I. A., Ilina, U. N. & Grebenkina, E. K. (2022). Interlanguage equivalents in the semantic field "smell" in romance languages. In: *Modern science: actual problems of theory and practice. Series "Humanities"*, 9-2, 118–122. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.09-2.23 (in Russ.).
16. Klassen, K., Howes, D. & Sinnott, E. (2010). The meaning and power of smell. In: Weinstein, O. B., comp. *Aromas and smells in culture: in 2 books. Book 1*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye publ. pp. 43–51.
17. Leontyeva, E. Yu. (2021). Big city center: smell, human dimension, chronotope. In: *Sociology of City*, 4, 52–60.
18. Belozyorova, A. A. & Ovsienko, T. V. (2020). Pragmalinguistic representation of the olfactory image: gender aspect (based on German-language fiction). In: *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies (online)*, 2 (11). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK220.pdf> (accessed: 04.02.2024). DOI: 10.15862/25FLSK220.
19. Rindisbacher, H. J. (2010). From Smell to Word: Modeling Meanings in Patrick Süskind's Novel *Perfume*. In: Weinstein, O. B., comp. *Aromas and smells in culture: in 2 books. Book 2*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye publ. pp. 579–608.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Передриенко Татьяна Юрьевна (г. Челябинск) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета);

ORCID: 0000-0001-8747-3692; e-mail: peredrienkoti@susu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana Yu. Peredrienko (Chelyabinsk) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, South Ural State University (national research university);

ORCID: 0000-0001-8747-3692; e-mail: peredrienkoti@susu.ru

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-95-107

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА АВТОРА НЕМЕЦКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО САЙТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ УВЕ БРАЙТЕНБОРНА)

Юшкова Л. А.

Удмуртский государственный университет, 426034, Удмуртская республика, г. Ижевск,
ул. Университетская, д. 1, Российская Федерация

e-mail: jushkova1@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.08.2024

Принята к публикации 14.08.2024

Аннотация

Цель. Анализ вербально-семантического аспекта языковой личности немецкого писателя и публициста Уве Брайтенборна как представителя профессиональной группы авторов интеллектуального аналитического сайта.

Процедура и методы. Основным методом исследования является метод моделирования речевого портрета. Путём функционально-стилистического анализа выявлены специфические черты, определяющие языковое и речевое своеобразие индивидуального стиля У. Брайтенборна и составляющие основу вербально-семантического компонента его языковой личности. С помощью элементов прагматического анализа описан потенциал воздействия выявленных языковых средств на целевую аудиторию. Для уточнения узусуальных и актуальных значений языковых единиц использовались методы структурно-семантического анализа, метод контекстуального анализа. Частотность языковых элементов в тексте определялась методом количественного подсчёта.

Результаты. Определены наиболее частотные маркеры виртуальной языковой личности автора интеллектуального сайта, которые выделяются как своей качественной спецификой, так и частотой употребления: синтактико-стилистические структуры, лексические единицы, тропы. Делаются выводы о характере прагматического воздействия выявленных средств на целевую аудиторию.

Теоретическая и практическая значимость. Анализ индивидуальных языковых и речевых особенностей языковой личности Уве Брайтенборна вносит вклад в развитие лингвоперсоналогии и открывает перспективу моделирования обобщённого речевого портрета автора критико-аналитических статей на сайтах с социально значимой тематикой.

Ключевые слова: блог, интернет-коммуникация, лексические единицы, речевой портрет, синтаксические структуры, стилистический приём, языковая личность

Для цитирования:

Юшкова Л. А. Лингвистические особенности речевого портрета автора немецкого интеллектуального сайта (на материале публикаций Уве Брайтенборна) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 95–107. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-95-107>

Original research article

LINGUISTIC FEATURES OF A SPEECH PORTRAIT OF THE AUTHOR OF A GERMAN INTELLECTUAL SITE (BASED ON ARTICLES BY UWE BREITENBORN)

L. Yushkova

Udmurt State University, ulitsa Universitetskaya 1, Izhevsk 426034, Udmurt Republic, Russian Federation

e-mail: jushkova1@yandex.ru

Received by the editorial office 08.08.2024

Accepted for publication 14.08.2024

Abstract

Aim. To analyse the verbal-semantic aspect of the linguistic personality of the German writer and publicist Uwe Breitenborn as a representative of a professional group of authors of an intellectual analytical website.

Methodology. The main research method is the modeling of a speech portrait. Functional-stylistic analysis identified specific features that determine the linguistic and speech originality of U. Breitenborn's individual style and form the basis of the verbal-semantic component of his linguistic personality. Using elements of pragmatic analysis, the potential impact of the identified linguistic means on the target audience is described. To clarify the usual and actual meanings of linguistic units, methods of structural-semantic analysis and the method of contextual analysis were used. The frequency of linguistic elements in the text was determined by the quantification method.

Results. The most common markers of the virtual linguistic personality of the author of an intellectual site were identified, which stand out both for their qualitative specificity and frequency of use: syntactic-stylistic structures, lexical units, tropes. Conclusions were drawn about the nature of the pragmatic impact of the identified means on the target audience.

Research implications. The analysis of the individual linguistic and speech characteristics of the linguistic personality of the German writer Uwe Breitenborn contributes to the development of linguistic personology and opens up new prospects of modeling a generalized speech portrait of the author of critical and analytical articles posted on websites with socially relevant topics.

Keywords: blog, Internet communication, lexical units, speech portrait, syntactic structures, stylistic device, linguistic personality

For citation:

Yushkova, L. A. (2024). Linguistic features of a speech portrait of the author of a German intellectual site (based on articles by Uwe Breitenborn). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 95–107. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-95-107>

Введение

В статье представлены результаты анализа лингвистических особенностей речи и характерных стилистических приёмов, составляющих основу речевого портрета Уве Брайтенборна – одного из популярных немецких авторов каче-

ственных публикаций на интеллектуальных сайтах.

Под «интеллектуальным сайтом» в статье понимается сайт (блог или портал), в котором освещаются актуальные темы, имеющие социальную значимость, относящиеся к разным общественно зна-

чимым сферам деятельности – экономике, политике, культуре, искусству, образованию, познанию и другим. Авторы статей, размещённых на таких сайтах, – это высокообразованные люди, занимающиеся умственным трудом, имеющие активную социальную позицию. Жанр публикаций в интеллектуальных блогах может быть классифицирован как проблемная аналитическая статья полемического характера на актуальную тему, часто содержащая оценку анализируемого произведения. Сайты такого типа выполняют целый комплекс функций, прежде всего информационно-просветительскую, аналитическую, оценочную, аргументативно-полемическую (поскольку дают стимул и предоставляют площадку для дискуссий на важные темы), а также апеллятивную функцию.

Объектом данного исследования является вербально-семантический уровень¹ речевого портрета немецкого учёного-социолога, культуролога и медиависта, преподавателя, писателя, автора качественных публикаций для аналитических порталов и блогов У. Брайтенборна. Предметом исследования послужили лексические, синтаксические и стилистические особенности языка автора, которые неизменно присутствуют в его статьях и в совокупности формируют индивидуальный стиль его языковой личности².

В качестве материала исследования были выбраны публикации Уве Брайтенборна на сайтах немецкой общественной организации Добровольного Самоконтроля на Телевидении (Freiwillige Selbstkontrolle Fernsehen, далее – FSF), а именно в блоге „...fsf blog“³,

на сайте „Medienradar“⁴ и на портале „Mediendiskurs“⁵, которые были созданы с целью компетентного анализа актуального медиаконтента и предоставления информации и материалов по медиапедагогике и медиабезопасности для педагогов, работающих с детьми и подростками.

Исходным моментом в выстраивании дизайна настоящего исследования послужила трактовка понятия языковой личности как сложной многоаспектной системы, представленная Ю. Н. Карауловым [1]: под языковой личностью он понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [2, с. 3]. Таким образом, в системной организации языковой личности выделяется три уровня, при последовательном описании которых становится возможным её целостное моделирование.

Описание языковой личности на первом уровне затрагивает собственно лингвистические, системно-структурные особенности текста. Здесь выявляются типовые языковые единицы разных уровней, анализируются их структурно-семантические и функционально-стилистические параметры. Следует заметить, что в данной статье языковой инвентарь, используемый автором, рассматривается, в том числе, с точки зрения его функционально-стилистических возможностей, а такой ракурс исследования предполагает учёт взаимосвязи языковой организации текста с коммуникативными установками автора. Поэтому в фокус исследования также попадают вопросы коммуникатив-

¹ В исследовании используется термин, предложенный Ю. Н. Карауловым для характеристики первого уровня в структуре языковой личности [1, с. 56; 2, с. 3].

² В рамках статьи рассматривается один из вариантов языковой личности У. Брайтенборна, который нашёл отражение в его статьях на сайтах немецкой общественной организации FSF.

³ ...fsf blog [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.fsf.de/> (дата обращения: 06.08.2024). Далее – ... fsf blog.

⁴ Medienradar [Электронный ресурс]. URL: <https://www.medienradar.de/> (дата обращения: 06.08.2024). Далее – Medienradar.

⁵ Mediendiskurs [Электронный ресурс]. URL: <https://mediendiskurs.online/> (дата обращения: 06.08.2024). Далее – Mediendiskurs.

ной обусловленности и эффективности используемых У. Брайтенборном языковых средств и речевых приёмов.

Характеристика внешних условий реализации языковой личности У. Брайтенборна

Приступая к анализу речевого портрета, необходимо принимать во внимание важную роль влияния внешних факторов на формирование языковой личности и её реализацию. К наиболее существенным факторам, определяющим поведение языковой личности, мы относим личностную (в первую очередь, социальную) характеристику адресанта, тематическую характеристику контента и характеристику адресата, то есть целевой аудитории блога, к которой обращается автор. Важность социальной характеристики статуса личности подчёркивается и другими исследователями. Так, Д. А. Шляховой подчёркивает, что на речевую активность субъекта влияет ситуация общения [3, с. 881]. И. А. Кудряшов и А. А. Калашникова, анализируя структуру коммуникативной компетенции языковой личности, выделяют социальную характеристику в качестве отдельного уровня, аргументируя тем, что «... процесс коммуникации самым непосредственным образом подвержен влиянию различных экстралингвистических социальных факторов и характеристик индивида, как врожденных, так и приобретенных ...» [4, с. 25].

Уве Брайтенборн, как лицо, занимающееся активной общественной деятельностью, безусловно обладает высоким социальным статусом и существенным влиянием в соответствующей сфере. Согласно авторской справке, размещённой на сайте организации FSE, Уве Брайтенборн – штатный эксперт FSE, эксперт по вопросам образования в мастерской СМИ в Потсдаме, автор многочисленных публикаций по истории СМИ, социологии музыки и культурологии. В 2014–2019 гг. исполнял обязанности профессо-

ра в высшей школе Магдебург-Штендаль. Ранее работал в университете Мартина Лютера г. Халле и в архиве немецкого радио и телевидения в Бабельсберге¹.

Тематический анализ корпуса текстов статей У. Брайтенборна показал, что круг интересующих его тем включает проблемы, связанные с качеством продуктов музыкальной, кино- и телеиндустрии, популярных среди молодёжи, с их влиянием на социальное поведение детей и подростков. Как правило, он не ограничивается описанием проблемы и анализом причин популярности того или иного произведения, но также даёт практические советы педагогам, работающим с детьми и подростками, которые составляют основную аудиторию проанализированных сайтов.

Синтактико-стилистические средства в речевом портрете У. Брайтенборна

Ведущая коммуникативно-прагматическая цель У. Брайтенборна и других авторов, публикующихся на сайтах FSE, заключается в том, чтобы способствовать формированию либо изменению у аудитории определённых мнений и установок в отношении затрагиваемых проблем (событий или ситуаций), связанных с деятельностью СМИ, главным образом телевидения, и медиаконтентом. Для достижения поставленной коммуникативной цели автор применяет разные стратегии и тактики, среди которых преобладает тактика внушения доверия. В рамках этой тактики автор позиционирует себя, как авторитетного эксперта, компетентного профессионала, то есть как личность, заслуживающую доверие.

Похожее мнение высказывает, например, Д. А. Шляховой, который считает глобальной стратегией всего пространства блогосферы стратегию «коммуникативной комфортности» и выделяет ряд

¹ Breitenborn U. Gafferkultur? Anmerkungen zum True-Crime-Boom // Mediendiskurs. URL: <https://mediendiskurs.online/beitrag/gafferkultur-beitrag-1021/> (дата обращения: 27.07.2024). Далее – Breitenborn U. Gafferkultur?

под-стратегий, призванных обеспечить её реализацию. При этом важная роль отводится «стратегии демонстрации компетентности» [5, с. 44].

В соответствии с тактикой внушения доверия информация подаётся так, чтобы у читателя не оставалось сомнений в её достоверности и обоснованности авторских утверждений. Для этого выбирается преимущественно научно-публицистический стиль изложения и соответствующие языковые средства.

К наиболее типичным маркерам речи Уве Брайтенборна относится характерный синтаксис, который позволяет организовать текст, как отражение естественного, непринуждённого, последовательного рассуждения, убедительность которого усиливается от предложения к предложению. Мысль развёртывается постепенно, подкрепляется новыми фактами, а её воздействие на читателя усиливается за счёт использования определённых синтактико-стилистических средств.

Среди синтаксических средств выражения, которые чаще всего используются Уве Брайтенборном для создания эффекта достоверности и убедительности, в первую очередь обращают на себя внимание *парцелляция* и *эллиптичность*. Оба приёма нередко используются вместе, в одном высказывании. Разделение одной сложной мысли на отдельные смысловые отрезки, каждый из которых приобретает самостоятельность и особую важность, делает её доступнее и проще для восприятия. Частое чередование парцеллированных эллиптических предложений и сложных предложений с несколькими придаточными в составе придаёт тексту особый ритм и динамику, способствует быстрому переключению внимания читателя с одной мысли на другую, позволяет избежать монотонности и помогает удерживать внимание читателя на протяжении всего текста.

Нередко разделяются главное и придаточное предложения либо два простых предложения, которые логически составляют одно сложносочинённое предложе-

ние и соединяются сочинительными союзами *und, denn, aber, auch*:

(1) „Nationale Traumata und Kontroversen deutscher Geschichte dominieren auch Rammsteins neues Video. Und da ist alles drin, was Diskussionsstoff bietet ...“¹

Разделение сложного или простого полносоставного распространённого предложения на серию более коротких – часто эллиптических – предложений выполняет разные функции. С одной стороны, высказывание приобретает большую определённость, категоричность, выражает уверенность и убеждённость автора в том, что он говорит. С другой стороны, в таких случаях речь часто идёт об «интенсивирующих парцелляциях»², выражающих определённые эмоции, например, иронию, возмущение, восхищение, или оценку. Чем сильнее дробится высказывание, тем этот приём эффективнее. Интенсифицирующий эффект усиливается, если помимо парцелляции используются другие средства, например, *параллельные конструкции*, особенно эллиптические (примеры 2, 3), *восклицательные предложения* (пример 4), *перечисления* или *риторический вопрос* (пример 5):

(2) „Noch mehr Bildmaterial. Noch authentischer“³.

(3) „Das Puzzle der Ermittler, die Ignoranz und Korruption oberster Behörden und die Verzweiflung der Betroffenen“⁴.

(4) „Sehr richtig – guter Text. Zeitgemäßes Video, gute (endlich ist es völlig klar) Band. Fast linksautonom. Hut ab!“⁵.

¹ Breitenborn U. Rammstein. Erregt euch! // ...fsf blog. URL: <https://blog.fsf.de/diskurs/rammstein-erregt-euch/2019/04> (дата обращения: 15.05.2024). Далее – Breitenborn U. Rammstein. Erregt euch!

² См.: Шипова И. А. Эмоциональный синтаксис в немецком художественном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. С. 12.

³ Breitenborn U. Gafferkultur?

⁴ Breitenborn U. Pillendesaster. Die filmische Repräsentation der amerikanischen Opioidkrise // Mediendiskurs. URL: <https://mediendiskurs.online/beitrag/pillendesaster-beitrag-1188/> (дата обращения: 31.06.2024). Далее – Breitenborn U. Pillendesaster.

⁵ Breitenborn U. Rammstein. Erregt euch!

(5) „Bei True Crime geht es letztlich nicht um Wahrheit, sondern um die Konstruktion einer Wirklichkeit in bestimmten narrativen Konstellationen. Täter- oder Opferperspektive? Femizide? Evil Twins? Killer Couples? Dämonisierung? Pathologisierung? Entertainment?“¹

Риторический вопрос используется У. Брайтенборном достаточно часто. Это типичное средство для постановки проблемных вопросов, привлечения к ним внимания и мотивации читателя к осознанному чтению и размышлению над проблемами, которые рассматриваются в статье:

(6) „Haben wir es etwa mit einer libertären Aufklärungswelle zu tun? Oder sind die bizarren Körper nur ein Indiz unserer Medienwelt, in der vieles gleichrangig und wertfrei im Entertainmentkontext zu sehen ist? ... Was passiert hier eigentlich?“²

С этой же целью риторический вопрос часто используется в заголовках и подзаголовках анализируемых статей:

(7) „Gafferkultur?“³

(8) „FSF: freigeben ab...?“⁴

Иногда автор прибегает к парцелляции для того, чтобы за счёт недоговорённости в первой части предложения создать *парадокс* и увеличить эмоциональную нагрузку высказывания:

(9) „Menschen mögen Verbrechen. Nicht am eigenen Leibe, aber als Beobachtung, als Entertainment“⁵.

Внести разнообразие в организацию высказывания, акцентировать внимание

читателя на конкретной единице информации, усилив её коммуникативную значимость, добавить высказыванию динамики и экспрессии позволяют и другие приёмы изменения традиционного порядка слов. К числу таких приёмов, часто встречающихся в публикациях У. Брайтенборна, относятся *изоляция* (примеры 10, 11, 12) и *эмфаза* (пример 13):

(10) „Erfolg und Aufregung sind in der Medienbranche eng miteinander verwoben. Scham auch“⁶.

(11) „Die ProSieben-Premiumgesichter Joko und Klaas liefern, was von ihnen erwartet wird. Keine Biederkeit“⁷.

(12) „Die Fiktionalisierung der Story in der Serie *Djatlow-Pass (Dead Mountain)* stellt nun die geheimnisvollen Aspekte heraus, die in einem interessanten Gespinnst aus historiografischen Fäden verwoben werden. Ein formidabler Hingucker!“⁸

(13) „Dicht dran und ohne künstliche Dramatisierung zeigt die Produktion den Arbeitsalltag der Pflegerin Meike Ista bei ihrer Schicht im Uniklinikum Münster. In Echtzeit, ohne Werbepause, sieben Stunden lang, aufgezeichnet am 18. März 2021“⁹.

Похожий эффект создаёт приём *антиципации*: благодаря повторному упоминанию элемента, его коммуникативная значимость усиливается:

(14) „So sehen sie aus, die Schichten des Pflegepersonals“¹⁰.

¹ Breitenborn U. Gafferkultur?

² Breitenborn U. Von Adipositas und Anomalien. Bizarre Körperwelten in Dokutainment-Formaten // Medienradar. URL: <https://www.medienradar.de/hintergrundwissen/artikel/von-adipositas-und-anomalien> (дата обращения: 11.06.2024). Далее – Breitenborn U. Von Adipositas und Anomalien.

³ Breitenborn U. Gafferkultur?

⁴ Breitenborn U., Weinert B. Altersfreigaben und Wirkungsrisiken. Nach welchen Kriterien werden Medieninhalte geprüft? // Medienradar. URL: <https://www.medienradar.de/hintergrundwissen/artikel/altersfreigaben-und-wirkungsrisiken> (дата обращения: 02.08.2024).

⁵ Breitenborn U. Gafferkultur?

⁶ Breitenborn U. Arenen der Niedertracht. Promi-Bullying und Beschämung in Unterhaltungsformaten // Mediendiskurs. URL: <https://mediendiskurs.online/beitrag/arenen-der-niedertracht/> (дата обращения: 18.07.2024). Далее – Breitenborn U. Arenen der Niedertracht.

⁷ Ibid.

⁸ Breitenborn U. Mysteriöses aus Russland: Djatlow-Pass – Tod im Schnee (Dead Mountain) // ...fsf blog. URL: <https://blog.fsf.de/neues-aus-der-programmpruefung/mysterioeses-aus-russland-djatlow-pass-tod-im-schnee-dead-mountain/2021/07> (дата обращения: 11.06.2024).

⁹ Breitenborn U. #nichtselbstverständlich // ...fsf blog. URL: <https://blog.fsf.de/diskurs/nichtselbstverstaendlich/2021/04> (дата обращения: 27.07.2024). Далее – Breitenborn U. #nichtselbstverständlich.

¹⁰ Ibid.

(15) „Quiz und Rätsel – das Publikum liebt es, Jung und Alt“¹.

Необходимо отметить, что большинство рассмотренных выше синтактико-стилистических средств, которые имеют высокий удельный вес в идиостиле У. Брайтенборна и связаны с нарушением структуры предложения и конвенционального порядка слов, в целом характерны для интернет-коммуникации и текстов жанра «блог», о чём свидетельствуют исследования, проведённые в том числе на материале других языков [6; 7; 8 и др.]. Письменная коммуникация в интернет-пространстве характеризуется интерактивностью, оперативностью, опосредованностью, физической непредставленностью и, как следствие, достаточно высокой степенью нерегламентированности, демократичности и равенства участников коммуникации в обмене информацией [8, с. 202; 9; 10, с. 20]. Этим объясняется факт сближения письменной речи в виртуальном пространстве и устной разговорной речи, одним из типичных маркеров которой является нестрогое соблюдение синтаксических правил.

Лексические особенности речевого портрета У. Брайтенборна

Выбор лексических средств в публикациях У. Брайтенборна также диктуется коммуникативно-прагматической целью, заключающейся в формировании у читателей определённого мнения по обсуждаемой теме, и стремлением придать тексту максимальную объективность и достоверность. Это впечатление создаётся, в первую очередь, благодаря *единицам фактической информации*, к которой относятся цитаты экспертов, имена, наименования фильмов, программ, форматов, даты, статистика, реальные факты и другая документально подтверждённая информация.

Помимо этого серьёзный потенциал убедительности имеют определённые лексические единицы, характерные в особенности для научно-популярного подстиля, – это *термины, профессионализмы, общенаучная и книжная лексика*. Они также характеризуются высокой частотой в речевом портрете Уве Брайтенборна.

Во-первых, впечатление объективности и компетентности автора усиливается, благодаря использованию *профессиональной лексики*. В соответствии с задачами и тематикой портала в статьях используются термины из области киноиндустрии и медиавистики. Нередко используются заимствованные терминологические лексемы и профессионализмы, даже в тех случаях, когда существует немецкий синоним: das Reenactment – «аутентичная инсценировка (реконструкция) конкретного исторического события», Close-up – «крупный план» (вместо die Nahaufnahme), das Entertainment – «небольшое развлекательное мероприятие, представление, обычно по телевидению и на сцене» (вместо die Unterhaltung), Teaser-Clip – «тизерный клип, краткий трейлер фильма», Reality-Doku – «документальный фильм, в котором события изображены в максимально приближенной к реальной обстановке», (tolle) Tutorials – в актуальном контексте статьи значение известного англоязычного термина конкретизируется, в данном случае он употребляется в значении «автор блога, специалист в данной сфере».

Часто встречаются англоязычные термины из сферы информационных технологий: der / das Tweet, der Splitscreen, der Hashtag, der Livestream, die Social-Media-Plattform и другие.

В зависимости от темы публикации могут использоваться термины из разных профессиональных областей. При этом при наличии эндогенных синонимов предпочтение отдаётся греко-латинским терминологическим лексемам, как более специализированным в употребле-

¹ Breitenborn U. Gafferkultur?

нии. Например, в статье “Von Adipositas und Anomalien”¹, в которой встречаются медицинские термины, вместо немецких слов *die Verfettung, die Fettsucht* – «ожирение» – используется синонимичный термин *die Adipositas*, а вместо немецкого *die Geschwulst* – «опухоль» – используется синонимичная лексема латинского происхождения *der Tumor*. В этой же статье У. Брайтенборн анализирует социальную природу стыда и обращается к философским теориям, объясняющим этот феномен, ссылаясь на труды учёных и используя специальные термины *Phänomenologie des Ekels* – «феноменология отвращения», *Integritätsverlust* – «утрата целостности (личности)», *Entlastungsrituale* – «ритуалы освобождения» и другие.

Необходимо отметить большой удельный вес в словаре У. Брайтенборна единиц *французского и греко-латинского происхождения*, характерных для письменной речи, научного языка, часто с книжной или возвышенной окраской, употребление которых ассоциируется с интеллигентностью, высоким уровнем интеллекта и образования прежде всего в области гуманитарных наук. Например, *nobilitieren* – 1) уст. «жаловать дворянство»; 2) перен. «облагораживать», «повышать статус» (от лат. *nobilito* – «облагораживать, улучшать»); *prospektiv* – книжн. «проспективный (направленный в будущее), возможный, предположительный»²; *die Tristesse* – (-n) печаль, грусть; подавленность (от фр. *triste* с тем же значением), существительное было заимствовано в этом значении в первой половине XX в. и используется в немецком языке обычно для характеристики общественного

настроения, атмосферы в социально-общественной сфере, поэтому его употребительность связана с какими-либо социально значимыми событиями³.

Наряду с лексемами, которые давно активно функционируют в немецком языке, встречаются заимствованные термины, рост употребительности которых, по данным ресурса *dwds*, начался относительно недавно, на рубеже XX и XXI веков. Например, глагол *antizipieren* – высок. «предвосхищать, предугадывать; опережать (свое время в познании)» (от лат. *anticipo* – «предвосхищать»). С начала 2000-х гг. употребительность этого глагола постоянно растёт⁴. Прилагательное *dystopisch* используется для характеристики произведений искусства (книг, фильмов, картин и т. д.) в значении «изображающий удручающие, тяжёлые обстоятельства, уже наступившие или приближающиеся» (от греч. *dys* – «плохо» и *tópos* – «место»). Прилагательное стало активно функционировать в немецком языке, начиная с 2000 года⁵:

(16) „Und nicht zu vergessen der dystopische Mehrteiler Tribute von Panem“⁶.

(17) „Diese Formate *antizipieren* den Albtraum prospektiver Opfer: Ich musste sterben, damit die Quote stimmt“⁷.

Следует обратить внимание на то, что У. Брайтенборн оказывает предпочтение

¹ Breitenborn U. Von Adipositas und Anomalien.

² Последний всплеск употребительности данной лексемы в немецком языке пришёлся на 1994 г., после чего частота использования постоянно снижалась, вплоть до сегодняшнего дня. См.: *prospektiv* [Электронный ресурс] // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache : [сайт]. URL: <https://www.dwds.de/wb/prospektiv> (дата обращения: 03.08.2024).

³ Последний всплеск употребительности пришёлся на 2021 г. и был вызван пандемией вируса COVID. См.: *Tristesse* [Электронный ресурс] // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache : [сайт]. URL: <https://www.dwds.de/wb/Tristesse> (дата обращения: 03.08.2024).

⁴ См.: *antizipieren* [Электронный ресурс] // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache : [сайт]. URL: <https://www.dwds.de/wb/antizipieren> (дата обращения: 03.08.2024).

⁵ См.: *dystopisch* [Электронный ресурс] // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache : [сайт]. URL: <https://www.dwds.de/wb/dystopisch> (дата обращения: 03.08.2024).

⁶ Breitenborn U. Kontexte. Beschränkte Sicht // Medien-diskurs. URL: <https://mediendiskurs.online/beitrag/kontexte-beschaenkte-sicht-beitrag-1025/> (дата обращения: 14.07.2024).

⁷ Breitenborn U. Gafferkultur?

общенаучным или книжным лексемам иностранного происхождения перед немецким синонимами. Так существительное *die Tristesse* употребляется вместо *die Bedrücktheit*, *die Betrübnis* или *die Verstimmung*, существительное *die Karambolage* вместо *der Zusammenstoß* или *das Aufeinanderprallen*, глагол *antizipieren* – вместо *vorausnehmen*, глагол *konstituieren* – вместо немецких глаголов *bilden*, *gründen*, прилагательное *prospektiv* – вместо *vorausschauend*, *vorausblickend* и так далее.

Пожалуй, наиболее специфичной чертой именно «интеллектуального блоггинга» является *смешение стилей и вариантов языка*. Для речевого портрета У. Брайтенборна также характерно употребление в одном контексте *элементов разговорной речи, авторских окказионализмов*, в том числе каламбуров, модных слов (чаще англицизмов) и общенаучной, книжной или терминологической лексики. Лексические единицы, передающие исключительно содержательно-фактуальную информацию, употребляются в одном контексте с эмоционально-окрашенными лексемами. Например, в статье „Gafferkultur?“ У. Брайтенборн использует смену стиля как своеобразный стилистический приём, чтобы продемонстрировать отрицательное отношение к документальным телесериалам, содержащим сцены насилия (в статье используется англоязычный профессионализм *True Crimes*). Для этого используется разговорная лексика с шутливой, ироничной либо фамильярной, пренебрежительной окраской: *glotzen* – «смотреть телевизор», *Gaffer* – «зевака, ротозей», *scharfes Zeug* – «крутая вещь», *da ist natürlich etwas dran* – «в этом, конечно, что-то есть», *häppchenhaft* – «постепенно, по капельке» и другие:

(18) „True Crime ... ist auch eine Art Crashkurs in Psychopathologie, der sich wohlkonfektioniert und häppchenhaft durch das TV-Dickicht schiebt, hübsch dramatisiert zum wohligen Glotzabend zwischen

Ingwerlimonade, Gin Tonic und Jalapeño-Nüssen. Scharfes Zeug“¹.

(19) „Eigentlich sind wir Gaffer bei den Auffahrunfällen und Karambolagen des menschlichen Lebens“².

С той же целью используются модные английские слова:

(20) „Er ist sozusagen der Darling unter den Serienkillern“³.

(21) „So dürfen wir beispielsweise in *The Mark of a Killer* (2019) (Episode 201) den bizarren Anrufen des „Weepy Voiced Killers“ Paul Stephani lauschen und ihm kurz beim TV-Interview zusehen. Spooky“⁴.

Надо подчеркнуть, что У. Брайтенборн не использует грубо-разговорных или вульгарных лексем, относительно редко использует разговорные лексемы с фамильярно-разговорной окраской (примерами являются прилагательное *stinknormal* – фам. «обычный «до отвращения», абсолютно ничем не примечательный» или существительное „*Klunkern*“ – фам., пренебр. «побрякушки, цацки (о дорогих, броских драгоценностях, украшениях)», *abknallen* – фам., пренебр. «пристрелить, прикончить»). Как правило, в его статьях встречаются разговорные слова и структуры либо литературно-разговорного характера, либо с незначительным нарушением литературности, что выражается в оттенках иронии, лёгкой пренебрежительности, насмешки (например, *auf der ganzen Linie* – «абсолютно, полностью, во всех отношениях», *sich fremdschämen* – «испытывать чувство стыда за кого-либо», *dahinsagen* – «сболтнуть, сказать что-то вскользь, не думая о последствиях и не придавая большого значения сказанному»).

Одна из самых ярких черт стиля У. Брайтенборна – использование эпитетов. Он применяет их как средство эмоциональной выразительности, а также для более точной, детальной характери-

¹ Breitenborn U. Gafferkultur?

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

стики сложных абстрактных явлений и состояний. Их частотность очень высока, часто можно наблюдать скопления эпитетов в одном предложении – либо в составе параллельных словосочетаний (пример 22), либо в качестве однородных определений (пример 23):

(22) „Extremer Leistungsdruck, drastische Ungleichheiten, Diskriminierung sozialer Minderheiten sowie eine herablassende, zynische Haltung einer entkoppelten Oberschicht sind Aspekte, die hier eine knallige und gewaltauschartige Entsprechung finden“¹.

(23) Als Charakter wirkt er aber auch fragil, krude, schlau, brutal, karikaturesk – alles in allem höchst ambivalent“².

Эмоциональный эффект вызывают скопления в тексте синонимов или слов, имеющих в содержании синонимичные семы. Эффект «умножения сем» способствует интенсификации соответствующего признака по принципу *градации* (*климакса*). Так, в ряду однородных существительных „Düsterkeit, Grausamkeit, Erschütterung, Entsetzliches“³ («Мрак, жестокость, потрясение, ужас»)⁴ актуализируются общие для значения этих лексем семы «опасность» и «страх». В следующем примере – „Sie sind voller Unglück, Hinterhältigkeit, Niedertracht, ...“⁵ («Они наполнены несчастьями, коварством, подлостью ...») – однородные существительные также имеют общие отрицательные семы: «что-то плохое», «угроза», «причинение вреда».

Следующей отличительной чертой индивидуального стиля У. Брайтенборна является частое *противопоставление* рассматриваемых явлений, объектов и

их признаков, действий, ситуаций. Для этого используются вводные словосочетания (пример 24), противительные союзы (пример 25), антонимичные лексемы (примеры 26, 27):

(24) „Einerseits werden sozialetische Schiefen registriert, andererseits wird True Crime als ein weiteres „unterhalten-des“ Programmangebot aus dem Reality-Doku-Kosmos mit begrenzter Relevanz wahrgenommen“⁶.

(25) „Fiktion ist schön, aber „Realität“ ist schöner“⁷.

(26) „Einige finden es unangenehm, diese Körper und Schicksale im Fernsehen zu sehen, andere wiederum schätzen“⁸.

(27) „Zyniker sehen im Guten nur das Schlechte“⁹.

К этому стилистическому приёму У. Брайтенборн прибегает относительно часто, в первую очередь для того, чтобы подчеркнуть свою способность учитывать противоположные точки зрения, плюсы и минусы ситуации, сохраняя нейтральную позицию и объективный взгляд на проблему:

(28) „Grünes Licht für Medienkompetenz, rotes Licht für Medieninkompetenz!“¹⁰.

(29) „Einerseits der Sonnyboy, andererseits die Bestie“¹¹.

(30) „So unterschiedlich die Formate auch sein mögen, Emotions- und Produktionsdesign sind oft sehr ähnlich“¹².

Нередко противопоставляемые объекты или сущности объективно не противоположны, а осмысливаются как таковые в конкретном контексте. Противопоставление единиц с противоположным прагматическим фоном, то есть *контекстуальных антонимов*, позволяет выделить какой-либо признак (либо не-

¹ Breitenborn U. Grünes Licht, rotes Licht? Ist „Squid Game“ wirklich so gefährlich? // Medienradar. URL: <https://www.medienradar.de/hintergrundwissen/artikel/gruenes-licht-rotes-licht-ist-squid-game-wirklich-so-gefaehrlich> (дата обращения: 03.06.2024).

² Breitenborn U. Pillendesaster.

³ Breitenborn U. Gafferkultur?

⁴ Здесь и далее – перевод автора статьи Л. Ю.

⁵ Breitenborn U. Gafferkultur?

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Breitenborn U. Von Adipositas und Anomalien.

⁹ Breitenborn U. Arenen der Niedertracht.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Breitenborn U. Gafferkultur?

¹² Ibid.

сколько признаков) объекта, подчеркнув и усилив таким образом, его значимость:

(31) „... Unglück, Hinterhältigkeit, Niedertracht – Emotionen und Getriebensein ...“¹. («... Несчастье, коварство, мерзость – эмоции и воодушевление ...»).

(32) „Mehr Realität, weniger Show. ... Weniger Klunkern oder Promi-Gossip, mehr relevanter Alltag“². («Больше реальности, меньше шоу. ... Меньше побрякушек и сплетен о знаменитостях, больше важных насущных тем»).

Столкновение в одном контексте традиционно несовместимых признаков, содержащихся в значении антонимов, также служит основой для *парадокса*, например:

(33) „Reality-TV sei das unsägliche Glück, bei einem Unglück dabei zu sein“³.

Заключение

Представленный в статье анализ вербально-семантического аспекта языковой личности немецкого писателя и публициста Уве Брайтенборна, представляет собой первый этап моделирования типового речевого портрета представителя профессиональной группы авторов статей интеллектуального аналитического сайта.

В ходе анализа были выявлены характерные для индивидуального стиля У. Брайтенборна лексические и синтаксические единицы, а также стилистические изобразительные средства.

Выявленные средства были также проанализированы с точки зрения их функциональных возможностей при реализации автором основной коммуникативно-прагматической цели, которая может быть сформулирована как «стремление повлиять на формирование у реципиента определённой позиции по отношению к проблемам, связанным с деятельностью телевидения и медийным контентом». Для успешного воздействия

на целевую аудиторию У. Брайтенборн активно использует тактику внушения доверия, выбирая языковые средства и стилистические приёмы, которые придают тексту такие характеристики, как достоверность, объективность, убедительность и поддерживают впечатление об авторе как о компетентной, рациональной, авторитетной личности.

В результате было установлено, что для индивидуального речевого портрета Уве Брайтенборна наиболее частотными языковыми средствами и стилистическими фигурами являются следующие.

– Синтаксические структуры, основанные на изменении конвенционального порядка слов и сокращении состава предложения, такие как парцелляция, эллипсы, эмпфаза, изоляция. Стилистический потенциал этих структур заключается в их способности придавать тексту внешнюю лаконичность, строгость и простоту при насыщенности и глубине содержания, а также ритмичность и динамику, благодаря чему они воспринимаются как более достоверные.

– Риторический вопрос, который используется в заголовках, подзаголовках и в основной части статей для привлечения активного внимания к проблеме.

– Лексика, которая свидетельствует о компетентности автора в выбранной области (в данном случае, медиавистике) и повышает его экспертный статус у целевой аудитории: единицы фактической информации, общенаучные слова, преимущественно греко-латинского происхождения, профессионализмы и термины.

– Разговорная лексика, использование которой позволяет сократить дистанцию между автором и читателем, снизить градус серьёзности при обсуждении сложных и важных вопросов, создать более непринуждённую и располагающую атмосферу. Демократичный стиль общения придаёт личности автора субъективную привлекательность, что повышает степень доверия к тому, что он говорит.

¹ Ibid.

² Breitenborn U. #nichtseltstverständlich.

³ Breitenborn U. Gafferkultur?

– Приёмы, благодаря которым достигается стилистический эффект нарастания эмоционального впечатления: использование однородных членов предложения, часто имеющих синонимичные семы, образных эпитетов, параллельных синтаксических конструкций. Помимо функции эмоционального воздействия этот приём служит средством детализации и уточнения рассматриваемого явления, благодаря чему высказывание выглядит более обстоятельным и объективным.

– Эпитеты. Их количество во всех проанализированных текстах очень велико. Как правило, они одновременно выполняют двойную функцию и используются как для эмоциональной характеристики, так и для более точного описания лица, явления или действия.

– Антитезы и контрасты. С их помощью автор статьи может оказывать эмоциональное воздействие на читателя и подчеркнуть остроту обсуждаемой проблемы, а с другой стороны, противопоставляя разные сущности или разные стороны объекта, он может позиционировать себя, как объективного и беспристрастного эксперта.

Таким образом, одной из самых ярких черт коммуникативного поведения и стиля языковой личности У. Брайтенборна следует считать стремление к объективности, полноте и тщательности анализа. С точки зрения коммуникативного потенциала выявленных языковых средств их использование в текстах У. Брайтенборна является целесообразными и эффективными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
2. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность: сборник статей / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 3–8.
3. Шляховой Д. А. Моделирование обобщенного речевого портрета блогера (на материале немецкой военной блогосферы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 879–892. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892.
4. Кудряшов И. А., Калашникова А. А. Вербально-семантический уровень функционирования языковой личности в интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 1 (17). С. 24–31.
5. Шляховой Д. А. Коммуникативные стратегии и способы выражения языковой личности блогера (на материале немецкой военной блогосферы) // Филология и человек. 2019. № 3. С. 41–53. DOI: 10.14258/filichel(2019)3-04.
6. Вих А. В. Эллипсис знаменательных частей речи как средство экономии во франкоязычном медиадискурсе // Вопросы современной лингвистики. 2022. № 1. С. 70–77. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-70-77.
7. Глазко П. П. Функционально-прагматические особенности синтаксических приемов в жанрах медийного пространства США и Беларуси // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2022. № 1. С. 136–156. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2022.136156.
8. Дудникова Л. В., Медведева М. С. Лингвистические особенности англоязычной интернет-коммуникации (на материале современных социальных сетей) // Вестник Нижегородского университета им Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 202–206. DOI: 10.52452/19931778_2022_6_202.
9. Горошко Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта, 2012. С. 9–52.
10. Шаклеин В. М., Ковтуненко И. В. Русская блогосфера. М.: Флинта, 2023. 336 с.

REFERENCES

1. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
2. Karaulov, Yu. N. (1989). Russian Linguistic Personality and Problems of Its Study. In: *Language and Personality*. Moscow: Nauka publ., pp. 3–8 (in Russ.).
3. Shliakhovoi, D. A. (2019). Modeling of a generalized speech portrait of a blogger (as exemplified in the german military blogosphere). In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 879–892. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892 (in Russ.).
4. Kudryashov, I. A. & Kalashnikova, I. A. (2015). Verbal and semantic level of the language personality functioning in the internet-communication. In: *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1 (17), 24–31 (in Russ.).
5. Shliakhovoi, D. A. (2019). Communicative Strategies and Ways of Expressing the Blogger's Language Personality (Based on the German Military Blogosphere). In: *Philology & Human*, 3, 41–53. DOI: 10.14258/filichel(2019)3-04 (in Russ.).
6. Vikh, A. V. (2022). Ellipsis of significant parts of speech as a means of economy in francophone media discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 70–77. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-70-77 (in Russ.).
7. Glazko, P. P. (2022). Functional and pragmatic characteristics of syntactic devices in the genres of American and Belarusian media space. In: *Lomonosov Journalism Journal*, 1, 136–156. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2022.136156 (in Russ.).
8. Dudnikova, L. V. & Medvedeva, M. S. (2022). Linguistic features of English internet communication (based on the material of modern social networks). In: *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6, 202–206. DOI: 10.52452/19931778_2022_6_202 (in Russ.).
9. Goroshko, E. I. (2012). Modern Internet communication: structure and main parameters. In: *Internet communication as a new speech formation*. Moscow: Flinta publ., pp. 9–52 (in Russ.).
10. Shaklein, V. M. & Kovtunenkov, I. V. (2023). Russian blogosphere. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юшкова Людмила Анатольевна (г. Ижевск) – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере права, экономики и управления Института языка и литературы Удмуртского государственного университета;
ORCID: 0000-0002-8355-2198; e-mail: jushkova1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ludmila A. Yushkova (Izhevsk) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of Foreign Languages in the Field of Law, Economics and Management, Institute of Language and Literature, Udmurt State University;
ORCID: 0000-0002-8355-2198; e-mail: jushkova1@yandex.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-108-117

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЧАСТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ РЕСПУБЛИКИ НИГЕРИЯ

Кондратьев С. А.¹, Кондратьева А. С.^{2*}

¹ Посольство Российской Федерации в Республике Нигерия, участок 1119, ул. Конститушн Авеню, Центральный район, г. Абуджа, Республика Нигерия

² Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: askondratieva@mail.ru

Поступила в редакцию 13.02.2024

После доработки 11.03.2024

Принята к публикации 16.03.2024

Аннотация

Целью данной статьи является проведение краткого описания и анализа лингвокультурной специфики частных публикаций в печатной прессе Республики Нигерия.

Процедура и методы. Для решения поставленных задач использовался комплекс как общенаучных, так и частных методов. При отборе языкового материала использовались методы систематической и кластерной выборки. Необходимость описания и анализа лексико-грамматических характеристик обусловила использование формально-грамматического метода анализа, анализа словарных дефиниций, компонентного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа. Также в ходе исследования использовался метод обобщения речевых фактов и метод статистического учёта. В ходе исследования проанализирован корпус печатных письменных текстов нежурналистских публикаций частных лиц в печатных газетах Нигерии (*Vanguard, Leadership, This Day*).

Результаты. В статье выявляется лингвокультурная специфика частных публикаций в печатных СМИ Нигерии. Дано описание языковых и социокультурных особенностей трёх типов частных публикаций, наиболее распространённых в печатных СМИ региона. Выделены значимые социокультурные доминанты, находящие своё отражение в печатных СМИ. Проанализированы лексико-грамматические особенности частных публикаций, делается вывод о значительном влиянии устной речи на письменную в публикациях раздела *CLASSIFIEDS*. На материале частных публикаций уточняется наличие структурных изменений в территориальном варианте.

Теоретическая и практическая значимость. Проведённое исследование представляется полезным и интересным для филологов, социолингвистов и специалистов, работающих с территориальными вариантами английского языка в регионе Африки южнее Сахары.

Ключевые слова: Субсахарская Африка, газетный дискурс, территориальный вариант английского языка

Для цитирования:

Кондратьев С. А., Кондратьева А. С. Лингвокультурная специфика частных публикаций в англоязычных печатных СМИ Республики Нигерия // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 108–117. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-108-117>

Original research article

PRIVATE PUBLICATIONS IN NIGERIAN NEWSPAPERS: LINGUISTIC AND CULTURAL CHARACTERISTICS

S. Kondratev¹, A. Kondratieva^{2*}

¹ Embassy of the Russian Federation in Nigeria, plot 1119, Constitution avenue, Central Business District, Abuja, Nigeria

² Independent researcher, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: askondratieva@mail.ru

Received by the editorial office 13.02.2024

Revised by the author 11.03.2024

Accepted for publication 16.03.2024

Abstract

Aim. To describe and analyse the linguistic and cultural characteristics of private publications in Nigerian newspapers.

Methodology. To solve the tasks at hand, a variety of scientific methods have been used, both general and special. The methods of systematic and cluster sampling were used for the purposes of language data accumulation. The need for description and analysis of lexical and grammatical peculiarities resulted in the use of formal grammatical method, the analysis of dictionary definitions, component analysis and comparative analysis. Methods of generalisation of language evidence and of statistical records were also used. The research deals with a body of printed, non-journalist publication texts in the printed newspapers of Nigeria, such as the Vanguard, Leadership, This Day.

Results. The article uncovers the linguistic and cultural particularities of private publications in Nigerian newspapers. It gives a description of linguistic, social and cultural characteristics of three types of the most widespread private publications in the region. Social and cultural dominants reflected in the publications are highlighted. The article provides an analysis of lexical and grammatical defining characteristics in private publications. It draws the conclusion of a prominent influence of oral speech on the publications in CLASSIFIEDS section. The author clarifies the phenomena of structural deviations in the Nigerian variation of English.

Research implications. The conducted research seems useful and interesting for philologists, sociolinguists and specialists working with territorial varieties of the English language in the region of Sub-Saharan Africa.

Keywords: Subsaharan Africa, newspaper discourse, regional variation of English

For citation:

Kondratev, S. A. & Kondratieva, A. S. (2024). Private publications in Nigerian newspapers: linguistic and cultural characteristics. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 108–117. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-108-117>

Введение

Английский язык давно распространился за пределы Европы. Несмотря на то, что английскому языку Британии и США до сих пор отдаётся предпочтение в преподавании языка в качестве иностранного, именно территориальные варианты английского языка активно развиваются, расширяя зону распространения английского в мире. На современном этапе развития английский язык не обладает единым стандартом [1, с. 223].

Брадж Качру, лингвист – носитель индийского варианта английского языка, настаивает на том, что язык пытается контролировать та группа носителей, которая «утратила эксклюзивную прерогативу контролировать стандартизацию» [2, р. 259]. Согласно Б. Качру, интерес представляет изучение в первую очередь языковой нормы территориальных вариантов, иными словами – эндогенной языковой нормы. Под эндогенной нормой понимается вид нормы, который свойственен исключительно «местной разновидности языка образованной части населения, которую можно принять в качестве образца» [3]. В современной Нигерии исследователями отмечается одновременно две противоречивые тенденции. С одной стороны, английский язык активно адаптируется под нормы локальных лингвокультур [4]. Австралийский языковед Э. Киркпатрик относит Нигерию к странам, в которых влияние местных языков особенно ярко выражено [5, р. 56–71]. С другой, исследователь Ж. Багана отмечает, что в зоне Африки южнее Сахары с каждым годом значительно сужается зона употребления местных языков, которые всё больше вытесняются английским [6]. Вместе с тем, любой территориальный вариант является неоднородным, обладая своей внутренней дифференциацией. Формы существования территориального варианта также взаимодействуют друг с дру-

гом, расширяя границы интерференции и усложняя языковую ситуацию [7, с. 78].

Эндогенная норма в территориальных вариантах английского языка ярко проявляется в печатных СМИ. В ходе исследования были выявлены специфические для региона публикации, которые свидетельствуют как о тех потребностях, которые испытывает общество в настоящий момент времени, так и о его ценностях. Анализ языкового материала позволяет делать выводы о наличии некоторых структурных изменений, накопленных в территориальном варианте. Публикации, являющиеся уникальными для региона, условно разделены на три типа.

Типы культурно-специфичных частных публикаций в печатной прессе Нигерии

1. Поздравительные / соболезнующие публикации.

Существующая в Нигерии практика позволяет опубликовать в газете поздравления с днём рождения, назначением в должности или соболезнованиями в связи с утратой человека. Как правило, для такой публикации отводятся одна или несколько целых страниц (см. рис. 1, 2).

В зависимости от социального статуса человека, которому адресована публикация, выкупается от ¼ до нескольких газетных разворотов. В качестве примера можно привести выпуск *Vanguard* от 21 декабря 2023 г., в котором значительная часть журнала посвящена подобным личным публикациям, из которых почти половина – поздравления в адрес правителя Бенина Эвуаре II.

2. Объявления о мошеннических действиях.

Ко второму типу специфичных для Нигерии относятся публикации, уведомляющие о факте реализуемого мошенничества. Личность мошенника может как быть раскрыта, так и не указываться. Как правило, заказчик публикации призывает соблюдать осторожность по от-

Рис. 1 / Fig. 1. Соболезнования господину Амаеши Лоуренсу и его семье по случаю смерти их матери, судьи Агнес Усифо Амаеши (в отставке) от фирмы TOJ ENERGY (предположительно, фирма, в которой работает сын усопшей, господин Амаеши Лоуренс) / Condolences to Mr Amaeshi Lawrence and his family on the death of their mother, Justice Agnes Usifo Amaeshi (rtd) from TOJ ENERGY (presumably the firm where the deceased's son, Mr Amaeshi Lawrence, works)

Источник: This Day, 21.12.2023.

ношению к определённой предлагаемой услуге. Объявление может начинаться с фразы "Caveat emptor" (качество на риск покупателя) (см. рис. 3).

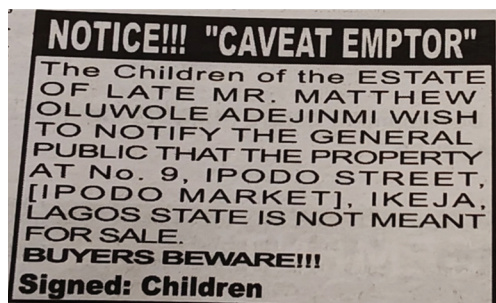

Рис. 3 / Fig. 3. Пример объявления о мошенничестве / Example of a fraud alert notice

Источник: Leadership, 21.12.2023.

Рис. 2 / Fig. 2. Поздравления с днём рождения правителю Бенина Эвуаре II (Oba of Benin, Ewuare II) от директора компании OKOMU, специализирующейся на производстве пальмового масла / Happy birthday greetings to the ruler of Benin, Ewuare II (Oba of Benin, Ewuare II) from the director of OKOMU, a palm oil company

Источник: Vanguard, 21.12.2023.

3. CLASSIFIEDS.

К третьему типу культурно-специфичных объявлений относятся публикации об уточнении имени или фамилии (см. рис. 4). Раздел, как правило, носит в печатных газетах название *CLASSIFIEDS*. Также в данном разделе публикуются объявления о заседаниях суда и утрате личных документов.

Публикации подобного рода многочисленны и, по-видимому, имеют определённую юридическую силу: вместо того, чтобы менять документы при смене фамилии или обнаружении предыдущих ошибок, публикуется объявление в газете об изменениях в персональных данных с указанием о действительности предыдущих документов. Таким образом,

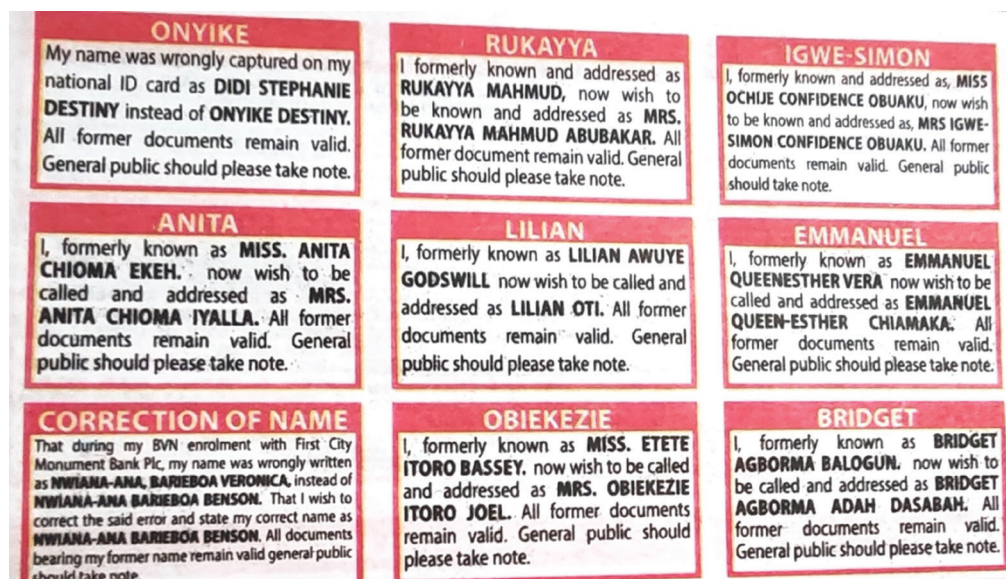

Рис. 4 / Fig. 4. Объявления об изменениях в личных данных / Announcements of changes in personal data

Источник: Leadership, 21.12.2023.

человек избавляется от необходимости менять их. Несмотря на то, что в Нигерии издаются и газеты на местных племенных языках (хауса, йоруба, игбо), подобные частные публикации встречаются лишь в англоязычных газетах. Это объясняется тем, что английский язык всё же является официальным языком системы управления и судопроизводства в стране [8, с. 102].

Лексико-грамматические характеристики частных публикаций

Частные публикации представляют определённый интерес для лингвистов тем, что они отражают элементы живой, повседневной речи. В этом смысле их можно противопоставить аналитическим или информационным статьям профессиональных журналистов, которые проходят процессы правки и редактуры. Сравнительно-сопоставительный анализ процентного соотношения грамматических девиаций в журналистских и частных публикациях позволяет делать выводы о том, входят ли встречаемые фе-

номены в рамки письменной эндогенной нормы.

Показательными являются количественные данные, полученные в ходе обработки языкового материала газет *Vanguard*, *Leadership*, *This Day*. В частных публикациях грамматические девиации распределяются следующим образом: опущение артикля – 33%, отсутствие согласования в лице и числе – 25%, правописание – 17%, употребление предлогов – 25%. Рассмотрим каждую из девиаций по отдельности.

Опущение артикля относится к наиболее часто встречающейся грамматической девиации в частных публикациях.

Пример. *I MR Micheal ALABI of No MH 3&4 kumin mashi, kaduna bye-pass wish to inform the general public of the loss of document* [*Vanguard*, 12.12.2023] (перевод: Я, господин Мишель Алаби, проживающий по адресу 3&4 Кумин Маши, объездная дорога Кадуны, желаю сообщить об утрате документа¹).

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи – С. К., А. К.

Отсутствие артикля перед существительным *document* – лишь один из многочисленных примеров. Частотность опущений артикля в частных публикациях статистически соотносится с опущением артикля в журналистских статьях (27%). При этом согласно собранным данным определённый артикль *the* опускается чаще неопределённого *a/an*.

Пример, приведённый выше, позволяет отметить и некоторые особенности правописания. В письменном дискурсе Нигерии устоялась практика, при которой начальное *by-* заменяется на *bye-*.

Пример. *In view of the foregoing, we respectfully implore you to commence the process of conducting a bye-election in Rivers State to fill the said vacancies* [Vanguard, 12.12.2023] (перевод: Учитывая вышеизложенное, мы, со всем уважением, умоляем вас начать дополнительные выборы в Штате Риверс, чтобы закрыть упомянутые вакансии).

Этот факт несколько противоречит закону об экономии речевых усилий. При замене *by-* на *bye-* слово не только удлиняется на одну букву, но и приобретает дефис, что лишь усложняет и без того непростые правила английского правописания. С другой стороны, написание *bye-* отражает влияние устной речи на письменную: слово видоизменяется по образцу *bye-bye* (пока-пока) и, по-видимому, поэтому и обретает дефис. Таким образом, удлинение слова может рассматриваться не как усложнение правил правописания, а, напротив, как их упрощение, имеющее своей изначальной целью облегчить запоминание.

Наиболее неоднозначной грамматической трансформацией в частных публикациях является согласование в лице и числе (*-s* у глаголов). С одной стороны, статистика выглядит достаточно однозначно: 25% от всего количества девиантных феноменов. С другой стороны, все из несогласованных форм были отобраны из раздела *CLASSIFIEDS*. Единственный случай из раздела поздравительных / со-

болезнующих публикаций встречается в публикации об избрании нового Баба Оба (титул вождя одного из племён йоруба) в городе Джора Ориле.

Пример. *While this honour reaffirmed the blessed memory of your late brother, it also attest to your model as an agent of grassroots development* [This Day, 24.01.2024] (перевод: Эта честь не только вновь подтверждает святость памяти Вашего покойного брата, но также служит свидетельством того, что вы являетесь образцом человека, способствующего социальному развитию).

Данная публикация изобилует опечатками, к примеру:

We convey the appreciation of the government for jonoring His Excellency (вместо *honoring*).

Учитывая, что это единственный случай отсутствия согласования в подобного рода публикациях, а также наличествующие в поздравлении другие опечатки, в общую статистику это не включалось. Что касается журналистского дискурса, то отсутствие согласования в лице и числе также входит в погрешность опечаток: всего лишь 2% от общего количества девиаций. Таким образом, можно сделать вывод, что отсутствие согласования глагола – отличительная черта именно раздела *CLASSIFIEDS*, который, публикуется в неизменном виде.

Пример. *Both names refers to one and the same person* или *All former document remains valid* [Leadership, 21.12.2023] (перевод: Оба имени обозначают одного и того же человека; Все старые документы действительны).

Ввиду того, что публикация короткого объявления в разделе *CLASSIFIEDS* стоит не очень дорого и является юридической необходимостью, доступ к нему имеется у гораздо более широкого слоя населения, нежели к двум другим типам. Отсутствие согласований во многих объявлениях из *CLASSIFIEDS* с наибольшей вероятностью свидетельствует о влиянии разговорного языка на письменный, среди менее образованной части населения.

Речь идёт о социальной группе, использующей в бытовой коммуникации нигерийский пиджин, характеризующийся значительно упрощённой грамматикой.

Пример. *I formally (вместо: *formerly*) know (вместо: *known*) as Miss Nwakwo Anulika Afomachukwu, now wish to be addressed as Mrs Nwaogwugwu Anulika Afomachukwu. All formal documents remain valid. General public please take notes (вместо: *Public take note*)* [The Guardian, 06.12.2023].

Данный пример лишь подтверждает высказанную гипотезу. В скобках указаны варианты, взятые из примеров других объявлений раздела за эту же дату, входящих в рамки нормы. В случае с *formally* очевидна попытка передать на письме слово *formerly* исходя из его произношения. Глагольное согласование отсутствует. Незнание фразового глагола *take note* (принимать во внимание) и его подмена на сочетание *take notes* (записывать, делать заметки) приводит к значительному искажению смысла всего высказывания. Другой часто встречающийся вариант последней фразы: *Public note*, в которой опускается глагол *take*, а существительное *note* претерпевает процесс конверсии и становится глаголом. Различного вида опущения довольно часто фиксируются в нигерийском территориальном варианте [9, с. 98].

К последней из рассматриваемых грамматических девиаций относится употребление предлогов, которое в частных публикациях составляет четверть от всех выявленных случаев.

Пример. *The great Yoruba Kingdom of Ile-Ife showcases so much transformation, having turned the city into a tourist destination within your 8 years on the saddle* [Vanguard, 18.10.23] (перевод: Великое королевство Иле-Ифе племени Йоруба демонстрирует большое количество изменений. Город превратился в туристический за Ваши 8 лет у руля. Примечание: референтный английский язык принимает за норму *in the saddle*).

Предлог *at* в поздравлениях часто заменяется значком @: “*Felicitating with a Revered Leader, Governor Hope Uzodimma @65*” [Vanguard, 12.12.23], “*Celebrating His Imperial Majesty @49*” [Vanguard, 18.10.23].

Несмотря на то, что, как отмечают российские исследователи, любые трансформации предлогов типичны для нигерийского территориального варианта [10, с. 99; 11], количество подобных трансформаций в журналистском дискурсе минимально – всего 3%. Можно предположить, что ввиду большого влияния устной речи на дискурс частных публикаций трансформации предлогов в рамках эндогенной нормы более типичны для устной, нежели письменной речи.

Средства языковой выразительности в частных объявлениях

Частные объявления не очень богаты на неологизмы. Вторые два типа (объявления о мошенничестве и CLAS-SIFIEDS) клишированы и не содержат свидетельств активного речетворчества. Поэтическая функция языка реализуется лишь в поздравительных / соболезнующих публикациях.

В следующем примере содержится игра слов на основе лексической единицы *people-oriented*.

Пример. *As Senate President, you were patriotic, Peoples-oriented and quite sensitive to issues of national development* (перевод: В качестве Председателя Сената вы были патриотичны, ориентированы на решение проблем племён и чутки к вопросам национального развития) [Vanguard, 21.12.24].

Изначальное *people* не только приобретает множественное число, меняя значение с людей в целом на «племена», с учётом значительного племенного и этнического многообразия Нигерии, но и употребляется с большой буквы, что отражает стремление автора подчеркнуть как своё уважение к племенам страны, так и их исключительную важность.

Для поздравительных публикаций характерны также устойчивые сочетания, типичные для устной речи:

Пример. *A goldfish has no hiding place, hence, we are not surprised by your nomination* (перевод: Талант всегда видно, именно поэтому Ваша номинация не стала для нас сюрпризом) [*ThisDay*, 06.03.24].

Устойчивое сочетание широко используется в территориальных вариантах английского языка Западной Африки. Соотносится с названием популярного романа Дж. Чейза *"Goldfish have no hiding place"* (перевод: Золотым рыбкам негде прятаться).

Часто к имениннику обращаются «брат», «сестра», что, однако, не указывает на наличие родственных связей. «Братом» могут считаться все происходящие из одного города или племени, а само понятие «брат» определяется скорее межличностными отношениями, нежели степенью кровного родства [12, p. 3–5].

Пример. *In celebrating God's goodness in your life, I pray for God's continuous blessings upon you, especially in the task of taking your dear State, Imo, to an enviable height. Your brother* [*Vanguard*, 12.12.23] (перевод: Радуюсь благодати Божьей в Вашей жизни, молюсь за дальнейшее благословение Божье, особенно в задаче улучшения вашего штата. Ваш брат.).

В поздравительных / соболезнающих публикациях проявляется исключительная религиозность жителей Нигерии. Для поздравительных публикаций характерны такие фразы, как:

– *We pray for God's continuous / many blessings upon you / we pray to God for continued strength, good health and long life for ...* (Молимся за многочисленные благословения Господа / Молимся Господу о силе, здоровье, долгой жизни для ...)

– *We give God all the glory as we celebrate this day* (Празднуя сегодняшний день, прославляем Господа).

Формулировки, связанные с лексико-семантическим полем «религия», присутствуют в 75,4% от всего количества

проанализированных поздравительных публикаций (более 150).

Соболезнующие публикации характеризуются следующими красочными эвфемизмами: *the journey to be with God and his ancestors started on ...* (начало путешествия к воссоединению с Богом и предками); *to sleep in the Lord* (спать сном праведника); *to return home* (вернуться домой); *to pass into glory* (обрести славу). Некоторые из эвфемизмов свидетельствуют не только о вере в Бога, но и отражают традиционные в Африке верования в духов предков.

Выводы

Раздел частных объявлений в печатной прессе Нигерии богат и разнообразен. Всесторонний анализ лингвокультурной специфики публикаций позволил выявить их типы и отличительные характеристики.

Поздравительные / соболезнающие публикации отличаются наиболее красочным языковым материалом, в основном игрой слов, метафорами и эвфемизмами, относящимся к лексико-семантическому полю «религия». Устойчивые поздравительные формулы, связанные с лексико-семантическим полем, присутствуют в подавляющем количестве публикаций (75,4%).

Объявления о мошенничестве не имеют ярко выраженной лингвистической специфики, тем не менее являются уникальным социокультурным феноменом региона. Объявления раздела *CLASSIFIEDS* содержат наибольшее количество девиаций от нормы ввиду доступности большому количеству населения. Некоторые из авторов публикаций плохо знакомы с правилами английского правописания. Попытки примерной передачи фонетической оболочки слова приводят к подмене лексической единицы и значительному искажению смысла. Многие объявления *CLASSIFIEDS* содержат в себе свидетельство влияния устной речи на письменную, что выражается в отсут-

ствии согласования в лице и числе, характерном для бытовой коммуникации менее образованной части населения, часто использующей нигерийский пиджин.

Для газетного дискурса в целом характерно опущения артикля (четверть от всех выявленных девиаций). При этом определённый артикль опускается чаще неопределённого. В ходе исследования также констатированы изменения в правописании некоторых слов, фиксирующиеся не только в частных публикациях, но и в прошедших редактуру журналистских статьях (замена *by-* на *bye-*). Несмотря на наблюдения российских исследователей о высокой частоте трансформаций предлогов в территориальном варианте при сравнительном анализе журналистских и нежурналистских публикаций выявляются значительные различия. Так, в частных публикациях употребление предлогов занимает 25% от общего количества девиаций от референтного языка. В журналистском же

дискурсе их количество составляет всего лишь 3%. Высказывается предположение о том, что трансформации предлогов более характерны для устной речи, чем для письменной, что и находит своё отражение в статистике.

Лексико-неологические характеристики в рассматриваемом виде публикаций выражены слабо. Встречающиеся в поздравительных / соболезнующих публикациях единицы представляют интерес скорее с точки зрения стилистических средств языковой выразительности. Активно используется лингвокультурный концепт «брат» / «сестра», занимающий важное место в лингвопространстве Нигерии.

В рамках продолжения исследования планируется расширение источниковой базы для уточнения как статистических данных, так и сведений о лексико-неологическом составе нигерийского газетного дискурса в целом и частных публикаций в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарова К. А. Английский язык как язык международного общения // Теория и практика современной науки. 2021. № 6 (72). С. 222–224.
2. Kachru B. B. Standards, codification and sociolinguistic realism. The English Language in the Outer Circle // World Englishes: Critical Concepts in Linguistics. Vol. 3 / ed. by K. Bolton, B. B. Kachru. London – New York: Routledge, 2006. P. 241–268.
3. Закамулина М. Н. Французский язык в Квебеке: проблема нормы (по материалам франкоязычных источников) // The scientific heritage. 2019. № 41-4 (41). С. 52–56.
4. Борисова А. А., Ильина Н. Ю. Особенности функционирования английского языка в Нигерии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 42–53.
5. Kirkpatrick A. World Englishes: Implications for international communication and English language teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 257 p.
6. Багана Ж. Об отношении заимствования и интерференции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11 (51). С. 46–50.
7. Прошина З. Г. Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 73–88. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-73-88.
8. Майданский М. А. Семантические аспекты британского английского языка и нигерийского варианта английского языка // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40. № 1. С. 100–110. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-1-100-110.
9. Волошина Т. Г., Нерубенко Н. В., Блажевич Ю. С. Лингвокультурная специфика нигерийских киносценарных текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 94–102. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-94-102.
10. Багана Ж., Волошина Т. Г. Влияние глобализации на состояние лингвокультуры этнических сообществ (на примере территориального варианта английского языка Нигерии) // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1 (97). С. 96–102. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-97-1-96-102.

11. Волошина Т. Г. Английский язык в Африке: лингвокультурологический аспект: монография. М.: Флинта, 2020. 184 с.
12. Enohoro P. How to be a Nigerian. Ibadan: Mosuro Publishers, 2013. 88 p.

REFERENCES

1. Nazarova, K. A. (2021). English as a language of international communication. In: *Theory and practice of modern science*, 6 (72), 222–224 (in Russ.).
2. Kachru, B. B. (2006). Standards, codification and sociolinguistic realism. The English Language in the Outer Circle. In: Bolton, K. & Kachru, B. B., eds. *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics*. Vol. 3. London, New York: Routledge, pp. 241–268.
3. Zakamulina, M. N. (2019). French in Quebec: norm's problem (based on french source). In: *The scientific heritage*, 41-4 (41), 52–56 (in Russ.).
4. Borisova, A. A. & Ilina, N. Y. (2014). The role of the English language in Nigeria. In: *Russian Journal of Linguistics*, 2, 42–53 (in Russ.).
5. Kirkpatrick, A. (2007). *World Englishes: Implications for international communication and English language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Baghana, J. (2008). Interrelations between borrowings and language interference. In: *Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities*, 11 (51), 46–50 (in Russ.).
7. Proshina, Z. G. (2022) Contact Linguistics: Current Challenges and Perspectives. In: *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 73–88. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-73-88 (in Russ.).
8. Maidansky, M. A. (2020). Semantic Aspects of Standard British English and the Nigerian. In: *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (1), 100–110. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-1-100-110 (in Russ.).
9. Voloshina, T. G., Nerubenko, N. V. & Blazhevich, Ju. S. (2023). Linguistic and cultural peculiarities of Nigerian screenplays. In: *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 6 (476), 94–102. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-94-102 (in Russ.).
10. Baghana, J., Voloshina, T. G. (2019). The influence of globalization on the state of linguistic culture of ethnic communities (based on the example of territorial version of Nigerian English). In: *Scientific thought of Caucasus*, 1 (97), 96–102. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-97-1-96-102 (in Russ.).
11. Voloshina, T. G. (2020). *English language in Africa: linguocultural aspect*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
12. Enohoro, P. (2013). How to be a Nigerian. Ibadan: Mosuro Publishers.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кондратьев Сергей Александрович (г. Абуджа, Нигерия) – кандидат философских наук, сотрудник посольства Российской Федерации в Республике Нигерия;
ORCID: 0009-0003-6920-5610; e-mail: serkopa071@gmail.com

Кондратьева Анна Сергеевна (г. Москва, Россия) – кандидат филологических наук, независимый исследователь;
ORCID: 0009-0002-9020-8368; e-mail: askondratieva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Kondratev (Abuja, Nigeria) – Cand. Sci. (Philosophy), employee of Embassy of the Russian Federation in Nigeria;
ORCID: 0009-0003-6920-5610; e-mail: serkopa071@gmail.com

Anna S. Kondratieva (Moscow, Russia) – Cand. Sci. (Philology), independent researcher;
ORCID: 0009-0002-9020-8368; e-mail: askondratieva@mail.ru

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2024. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова

Переводчик А. Ю. Назарова

Корректор М. С. Тарасова

Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,5, уч.-изд. л. 9.

Подписано в печать: 25.11.2024 г. Дата выхода в свет: 28.11.2024 г. Заказ № 2024/11-07.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2